

Ф. Отбальт

ПУТЬ ГИТЛЕРА К ВЛАСТИ

огиз-соцэкиз-1933

Э. ОТВАЛЬТ

ПУТЬ ГИТЛЕРА К ВЛАСТИ

(ИСТОРИЯ
НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Редактор А. Рин
Тех. редактор А. Сидорова и Р. Шацко
Слано в производство 17/II-33 г.
Подписано к печати 26/VII-33 г.
Сопякга С-5-50 № 1128
Формат 62x94¹/₁₆, 10¹/₁₆, печ. л.
48.960 вн. в печ. л. Тираж 15 000
Уполномоч. Главлита Б-27.288.
Отпечатано в 16-й тип. треста
«Полиграфингга», Москва,
Трехпрудный пер., 9.
Заказ № 130.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга Эрнста Отвальта «Германия, пробудись» представляет собой очень живо написанный очерк возникновения и развития германского национал-социализма. Ее перевод на русский язык безусловно оправдывается в первую очередь скудостью литературы о германском национал-социализме на русском языке и полным отсутствием не только книг, но даже, насколько нам известно, статей об истории национал-социалистского движения.

Работа Отвальта ценна тем, что она дает сводный фактический материал по истории национал-социализма. Написанная с большим подъемом, журналистски бойко, она в ряде случаев достигает уровня яркого, блестящего памфлета. Советский читатель почерпнет из книжки большой фактический материал о возникновении и развитии национал-социализма.

Автор книги ненавидит национал-социалистское движение, ненавидит фашизм, питает симпатии к Советскому союзу, но он не понял связи между социал-фашизмом и фашизмом, не понял того, что социал-демократия всей своей политикой подготавливала фашистскую диктатуру. Вообще из всей этой «истории», которую конечно нельзя назвать историей, а сводом фактических данных, соединенных между собой известной попыткой анализа, непостижимым образом выскочила социал-демократия. Ее нет в книге. Эта партия, которая была столпом германской буржуазной республики, опорой германской буржуазии, обеспечивающей последней ее господство, совершенно исчезает из поля зрения Отвальта.

Германская социал-демократия возглавила пролетарскую революцию 1918 г. для того, чтобы ее обезглавить. Она совершила это, имея за собой опыт предательства 4/VIII 1914 г., опыт всемерной помощи германскому империализму в мировой войне, опыт защиты немецкого империалистического отечества во имя прибылей и захватнических интересов германского империализма. Германская буржуазия понимала, что без определенных уступок рабочей аристократии, верхушке рабочего класса, удержаться у власти ей не удастся. Для спасения своего господства она пошла на проведение восьмичасового рабочего дня, социального страхования и т. д. и т. д. Пришлось пожертвовать кое-чем, чтобы спасти все — власть и господство.

На протяжении всего существования Веймарской конституции вплоть до образования правительства фон Папена германская социал-демократия или непосредственно участвует в правительстве или его подпирает. Своей политикой раскола рабочего класса, всемерной под-

держкой наступления капитала на рабочий класс, в частности в период кризиса, социал-демократия подготовляла осуществление фашистской диктатуры в Германии. Брюнинг был лишь необходимым этапом на пути к Гитлеру, вехой на пути к германской фашистской республике.

На выборах осенью 1930 г. национал-социалисты получили 6 $\frac{1}{2}$ млн. голосов. Брюнинг не мог править при создавшемся соотношении сил между партиями внутри рейхстага на основе твердого парламентского большинства. Под предлогом спасения Веймарской конституции Брюнинг правил на основе чрезвычайных декретов, конституцию фактически отменяющих. Социал-демократия всемерно поддерживала правительство Брюнинга, прикрываясь теорией «меньшего зла», рассматривая Брюнинга как меньшее зло, чем Гитлер.

Эта эквилибристика была возможна благодаря тому, что массы рабочих, идущих за социал-демократией, считали, что Брюнинг в самом деле лучше нежели Гитлер. Все дело было в том, что за Брюнингом с необходимостью шел Гитлер, поскольку социал-демократия поддерживала Брюнинга. Мюллер—Брюнинг—фон Папен—Шлейхер—таковы вехи на пути развития Веймарской конституции последних лет от ее расцвета до полной отмены. Уже руками социал-демократа Мюллера германская буржуазия начала наступление на рабочий класс. Брюнинг, выдвинутый католическим центром, смог держаться у власти два с лишним года лишь благодаря поддержке социал-демократов и вынужден был уйти, потому что его политика уже не удовлетворяла буржуазию. То ограбление рабочего класса, которое проводил Брюнинг, предоставляя одновременно гигантские субсидии помещикам, не удовлетворяло ни буржуазию, ни помещиков. Стремление к восстановлению накопленного капитала, к выходу из кризиса за счет наступления на рабочий класс, к восстановлению ренты помещиков — не могло быть полностью удовлетворено правительством Брюнинга, которое с точки зрения буржуазии было половинчатым, промежуточным, переходным. Это правительство было свергнуто также развитием и обострением классовой борьбы в Германии, ростом коммунистической партии, с одной стороны, и быстрым ростом влияния национал-социалистов в мелкобуржуазной массе, массе средней и крупной буржуазии — с другой. Попытки правительства Брюнинга запретить штурмовые и защитные отряды национал-социалистов кончились его отставкой. К власти пришел фон Папен, с помощью которого германская буржуазия подготовляет почву для открытого осуществления диктатуры Гитлера.

Особенностью положения было то, что происходил одновременный рост сил фашизма и сил коммунизма. Рабочие все большими массами переходили на сторону компартии. Рост радикализации рабочих масс, нарастающие революционный кризис в стране заставляли буржуазию переходить к методам неприкрытого парламентскими побрякушками насилия над массами.

Правительства Папена и Шлейхера были правительствами, через которые финансовый капитал пытался раздавить рабочий класс, предотвратить революцию. Это не удалось. Чтобы осуществить законченную фашистскую диктатуру, буржуазия призвала к власти самую массовую партию фашистского фронта — партию национал-социали-

стов. Она должна методами гражданской войны против пролетариата, физическим истреблением коммунистов, разгромом экономических организаций рабочего класса предупредить революцию, потопить в крови силы революции, осуществить превентивную контрреволюцию.

Эта партия сумела с исключительной быстротой увеличить свое влияние в массе лишь благодаря своей безграничной социальной и национальной демагогии.

Разуверившийся в старых партиях финансового капитала мелкий буржуа побежал за партией национал-социалистов в расчете на то, что она избавит германское отечество от версальского ига и вернет ограбленной и разоренной кризисом Германии ее бывшее величие.

Буржуазия не решалась сразу допустить Гитлера к власти, так как опасалась мелкой буржуазии, шедшей за ним. Она опасалась далее того, что приход Гитлера к власти, связанный с углублением кризиса, может кончиться катастрофически для самого существования буржуазии. Поэтому буржуазия допустила к власти Гитлера в такой момент, когда по ее мнению после мероприятий Папена по оживлению хозяйства, после осеннего бума и расширения промышленности в декабре—январе наступил конец кризиса и произошел переход к депрессии. Правительство Гитлера должно было быть прежде всего правительством, обеспечивающим Германии выход из кризиса на основе разгрома рабочего класса и усиленной подготовки к войне, подготовки, которая должна была дать промышленности огромные заказы и по-своему разрешить вопрос о безработице.

Социал-демократия освятила своим авторитетом «рабочей» партии этот процесс фашизирования германской республики. Расколов рабочий класс, она лишила его способности серьезным образом воспрепятствовать осуществлению фашистской диктатуры в Германии.

Разгон прусского правительства дюжиной солдат и одним лейтенантом 20 июля был лишь закреплением того фактического положения, которое создалось в результате прихода к власти фон-Папена и всего процесса фашизации германской республики. Социал-демократия не посмела сопротивляться, она отвергла предложение коммунистической партии о всеобщей стачке, добровольно сдал власть в Пруссии.

Эта партия, видевшая свою важнейшую функцию в спасении германской буржуазии от опасности рабочей революции, сама приготовила приход правительства, которое ставило себе задачей разгром «ноябрьских преступников», т. е. социал-демократии.

«Социал-фашизм и фашизм,—говорил тов. Сталин—не антиподы, а близнецы». Весь ход развития, в частности после прихода к власти Гитлера, целиком подтвердил эту характеристику.

Когда 30 января правительство Гитлера пришло к власти, социал-демократы приветствовали этот приход, исходя из тактики «меньшего зла»—Гитлер-де вместе с Гугенбергом лучше, чем Гитлер без Гугенберга. Больше того: ряд социал-демократических газет и центральный орган реформистских профсоюзов «Геверкшафтсцейтунг» заявили, что в конце концов «социалист» Гитлер лучше представителя аграриев и крупной промышленности Гугенберга на том гениальном

основании, что Гугенберг только националист, а Гитлер национал-социалист. Гитлер и Геринг разрешили этот спор разгромом профсоюзов и аппарата социал-демократической партии, арестом вождей, конфискацией средств социал-демократической партии и реформистских профсоюзов. «Мавр сделал свое дело — мавр может уйти» — в этом был смысл заявления Гитлера на заседании рейхстага 23 апреля в ответ на выступление Вельса. Социал-демократический мавр сделал свое дело, подготовил фашистскую диктатуру. Он заканчивает свой исторический путь открытым переходом в фашистский лагерь. Фашистские бандиты согласны еще использовать услуги социал-демократов в качестве чиновников для особых поручений на побегушках у господина Геринга при условии, что оплата этих услуг будет не очень высока. Впрочем эти услуги можно оплачивать мелкой монетой из конфискованных касс социал-демократической партии. Вельс и Штампфер были очень рады, когда им милостиво разрешили хоть чем-нибудь служить «национальному» правительству. Они с полной готовностью согласились принять на себя обязанности эмиссаров Гитлера по части прекращения кампании социал-демократических газет в других капиталистических странах, кампании, которая по существу была очень слабым отражением тех ужасов, которые разыгрывались и разыгрываются в Германии.

На заседании рейхстага (17 мая), созванном для того, чтобы почтительно выслушать внешне-политическую речь Гитлера, социал-демократы единогласно и покорно голосовали за внешне-политическую линию правительства Гитлера. Они не ставили при этом никаких условий, не протестовали против арестов и расправ над их собственной партией. Эти комнатные собачки германской буржуазии ничего другого не ожидали для себя, как только милости сыграть еще раз роль людей «демократических», голосующих в фашистском рейхстаге. Голосование социал-демократов дало возможность Гитлеру выступить от имени всех партий германской буржуазии. Недаром печать Англии и Франции называет голосование социал-демократов за внешне-политическую декларацию Гитлера вторым 4-м августа германской социал-демократии. Социал-демократия включилась в единый фашистский фронт германской буржуазии, ведущей гражданскую войну против рабочего класса. Она выбросила с исключительной легкостью за борт все свои демократические и социалистические традиции, все надежды и иллюзии по части мирного вращивания социализма в капитализм, которыми она питала германских рабочих.

На протяжении всей истории Веймарской конституции социал-демократия Германии расстреливала рабочих, всемерно потворствуя фашистским бандам. Она подготовила и проложила путь Гитлеру. Нет ничего удивительного в том, что она сейчас почтительно склоняется перед фашизмом.

Отвальт почти ничего не говорит о социал-демократии, там же, где он касается ее мимоходом, он говорит о ней с похвалой. Так он хвалит баварских социал-демократов за то, что они якобы самоотверженно боролись с национал-социализмом. И если они потеряли влияние в Баварии, то в этом, по мнению Отвальта, не вина социал-демократии (см. стр. 62). Отвальт прикрывает социал-демократию.

Чтобы дать историю национал-социализма, отражающую истинный ход событий, нужно взять германский национал-социализм в свете всего послевоенного развития веймарской республики. Нужно проанализировать хозяйственные процессы (инфляция, период стабилизации, мировой экономический кризис) и их влияние на положение различных классов в Германии. Необходимо дать далее анализ классовых сил, действующих на арене послевоенной истории Германии, *в процессе их изменения*. Необходимо далее дать анализ действия Версаля на экономику, на классы, на политику германской республики послевоенного периода. Необходимо дать правильный, т. е. марксистский анализ тех изменений, которые происходили в политике и борьбе между различными партиями германской буржуазии, с одной стороны, и коммунистами — с другой.

Отвальт даже не пытается поставить этого вопроса. Правда, в ряде мест книги он указывает, что причины роста германского национал-социализма надо искать в силах, действующих вне национал-социалистской партии. Это и верно и неверно, потому что сама политика национал-социалистской партии и ее безбрежная национал-социальная демагогия были одной из важнейших причин того, что именно национал-социалистская партия, а не какая-либо иная группа или партия германской буржуазии превратилась в самую массовую партию германского фашизма, являющуюся сейчас носителем фашистской диктатуры в Германии. Работа, претендующая на то, чтобы быть историей германского национал-социализма, должна брать все процессы послевоенного развития германской буржуазной республики, в том числе и те процессы, которые происходили внутри германской национал-социалистской партии в целом. Но написать такую историю Отвальт конечно не бы в состоянии, потому что это можно было сделать, лишь стоя на марксистско-ленинских позициях. Большевицкая история германского фашизма еще должна быть написана.

Когда Отвальт пытается дать характеристику событий, он дает неправильную характеристику, неверно освещая факты. Из его «анализа» выпадает полностью коммунистическая партия. В этом отношении секретный меморандум союза германских промышленников, который приложен в этом издании к книжке Отвальта, в тысячу раз правильнее характеризует положение, нежели его характеризует Отвальт. Меморандум следующим образом характеризует параллелизм в развитии социал-демократии и национал-социализма: «Тогдашняя социал-демократия и нынешний национал-социализм функционально сходны в том, что оба были могильщиками предшествовавшей системы, но затем вместо того, чтобы повести руководимые ими массы к провозглашенной революции, направили их к новым формам буржуазного господства. Часто проводимое сравнение между Гитлером и Эбертом правильно именно в этом отношении».

Германский союз промышленников прекрасно понимал, «где раки зимуют», подчеркивая, что национал-социализм, выступая против Веймарской конституции и «ноябрьских преступников», провозглашая своей целью «национальную революцию», имеет целью установить на место буржуазной демократии неприкрытое насилие над трудящимися массами, на место парламентских форм угнетения масс.

сочетающихся с насиллием буржуазии по отношению к революционному пролетариату, диктатуру буржуазии, не прикрытую фиговым листком демократии. Германский капитал прекрасно понимал (как это видно из меморандума), что «рабочий класс развивается коммунизмом». Всего этого не понимает Отвальт, и поэтому его книжка представляет собой не историю германского национал-социализма, а яркий и талантливый памфлет.

В своих политических оценках Отвальт—мятущийся мелкобуржуазный демократ, колеблющийся между признанием того, что германская демократическая республика являлась формой диктатуры капитала, и ненавистью к национал-социализму. Характеристика Отвальтом классовой природы национал-социалистического движения, находящаяся в соответствии с его путаной мелкобуржуазной установкой, также неверна. Он характеризует национал-социалистическую партию как мелкобуржуазную партию, которая была революционной до ноябрьского путча 1923 года (стр. 14). В другом месте он пишет: «Национал-социалистическая партия все больше и больше становится выразителем воли национальных активистов в среде мелкой и средней буржуазии» (стр. 14).

Он утверждает (стр. 22), что ноябрьский путч 1923 года был революцией мелкой буржуазии. После же 1923 года по мнению Отвальта национал-социалистское движение превращается в фашизм. Он пишет: «Революция мелкой буржуазии кончается фашизмом, слепой, сумасшедшей злобой против германского социализма, чьей целью является освобождение и мелкой буржуазии» (стр. 22). В соответствии с этим он характеризует положение дел после ноября 1923 г., как смерть старой национал-социалистической партии, которая лишь воскресает в новой форме—в форме фашизма. «9 ноября 1923 года умирает Гитлер— национал-социалист. То, что потом следует, это— мучительное старание мелкого буржуа не потерять контакта с правящим классом» (стр. 38).

Отвальт принимает внешнюю мишуру, с которой национал-социалистская партия шла к баварскому путчу 1923 года, за действительную сущность этой партии. Если подходить только с точки зрения лозунгов германского национал-социализма, то и в этом случае окажется, что гитлеровское движение, как и раньше, шло и развивалось под лозунгами «национальной революции», т. е. по терминологии автора было революционным движением мелкой буржуазии.

Конечно ни о каком перерождении национал-социалистского движения в фашистское движение не может быть и речи. Национал-социализм с самого начала возник как фашистское движение. При этом оно всегда находилось под командой крупного капитала.

Чтобы придать своей схеме перерождения национал-социалистского движения в фашистское движение, согласно которой национал-социализм отказался от самого себя, видимость достоверности, Отвальт утверждает, что финансирование национал-социалистского движения крупным капиталом началось только после 1923 г. На странице же 21 мы узнаем, что Стайнес, неофициальный господин Германии в период инфляции, поддерживал солид-

ными средствами национал-социалистское движение задолго до октября 1923 года.

Но дело не только в этом внешнем признаке непосредственной финансовой зависимости национал-социалистской партии от финансового капитала. Национал-социалистская партия *возникает* как фашистская партия. Она имеет своей задачей привлечь на свою сторону массы разоряющейся под влиянием инфляции мелкой буржуазии и деклассированных люмпенов. Для завоевания мелкобуржуазных и люмпен-пролетарских слоев она выдвигает лозунг борьбы против «процентного рабства», кладет в основу своего мировоззрения антисемитизм. Лозунг национального освобождения Германии и лозунг борьбы «против красного Берлина» тесно сочетается и с «процентным рабством» и с антисемитизмом. Отвальт (на стр. 22) называет лозунг «в бой против красного Берлина» бессмысленным. Но все дело в том, что это и был лозунг установления фашистской диктатуры: для Отвальта, по которому до 1923 г. нац.-социалистская партия была революционной партией мелкой буржуазии, этот лозунг является бессмысленным потому, что он не вмещается в его надуманную схему о революционном характере национал-социалистской партии. На деле же этот лозунг вскрывает суть национал-социалистской партии как фашистской партии, у самой своей колыбели ставящей себе задачу установления фашистской диктатуры. Именно потому, что эта партия ставила перед собой задачу сокрушения Веймарской конституции, установления вместо парламентской демократии фашистской формы диктатуры капитала, именно поэтому ее всячески поддерживает крупный капитал.

Конечно фашистская программа с самого начала образования гитлеровской партии представляла собой невероятную смесь самых противоречивых лозунгов. Особенностью фашизма является то обстоятельство, что до своего прихода к власти он ставит задачей завоевание самых разнообразных по своим классовым интересам слоев населения. Отсюда и программа борьбы против «процентного рабства» и другие лозунги партии для завоевания мелкобуржуазных масс населения. Отсюда лозунг «социализма» для уловления рабочих и обещания путем безграничного финансирования промышленности удовлетворить требования крупного капитала. Идеология фашизма представляет собой смесь самых реакционных воззрений с требованиями современного монополистического капитала. Без этого фашизм не мог бы превратиться в массовую партию.

Фашизм — партия финансового капитала. Но при этом никогда не следует забывать о своеобразии этой партии.

Фашизм возникает в период всеобщего кризиса капитализма. То обстоятельство, что германский национал-социализм облек (подобно итальянскому фашизму) свою идеологию в махровейшие средневековые покровы, объясняется тем, что без этих покровов фашизм не смог бы привлечь на свою сторону мелкую буржуазию, превратиться в массовую партию финансового капитала, да еще в такой быстрый срок.

Очень правильно охарактеризовал эту сторону фашизма тов. Мануильский в своем докладе на XI пленуме ИККИ. Он говорит:

«Часто при характеристике фашизма у нас подчеркивают те черты, которые фашисты сами особенно выпячивают, когда говорят о своем разбойничьем режиме, как например корпоративный характер фашистского государства, сугубо заостренная националистская идеология («Великая Италия», «Третья империя»), как и весь средневековый костюм, в котором выступает фашизм и т. д.

По эти черты не оставляют существа фашизма; это скорее идеологическое облачение, свидетельствующее о неспособности правящих классов в эпоху общего кризиса капитализма дать новую руководящую идею, апеллирующих поэтому к прошлому, подобно тому как русский царизм накануне своего издыхания апеллировал к временам Минина и Пожарского или Ивана Калиты. Фразеология о корпоративном государстве прикрывает в действительности установление открытой диктатуры буржуазии над рабочим классом. В националистическую идеологию облекается на деле весьма современная империалистическая агрессивность капиталистических государств.

«Фашизм не есть запоздалый исторический выкидыш средневековья, он — продукт монополистического капитализма, основанного на концентрации и централизации капитала при росте трестов и картелей, ведущих к чудовищной централизации всего аппарата угнетения масс со включением в него политических партий, аппарата социал-демократии, реформистских профсоюзов, кооперативов и т. д. На уродливость его идеологических форм влияет то, что является политической надстройкой *загнивающего капитализма*. Но эта ретроградная идеология переплетается со всеми идеологическими атрибутами буржуазной демократии эпохи монополистического капитализма, с теорией «организованного капитализма», с «хозяйственной демократией», с идеями «мира в промышленности», с теорией «госкапитализма как новой эры общественных отношений», с теорией «надклассового государства» и т. д. Не выдумавший пороку фашизм не выдумал и этих идей; он взял их в готовом виде у социал-демократии, облекши их в средневековые формулы. И эта общность идеологии свидетельствует лучше всего о родственности фашизма и социал-фашизма. («Компартии и кризис капитализма», стенографический отчет XI пленума ИККИ, стр. 37).

Отвальт принимает внешнюю видимость за сущность, средневековый костюм фашизма за его существо. У него получается, что национал-социалистское движение до 1923 года было мелкобуржуазным движением, постепенно после 1923 г. совлекающим с себя мелкобуржуазный покров. На деле же национал-социалистское движение всегда было движением контрреволюционным. Самостоятельной роли мелкобуржуазные массы, составляющие людской костяк в национал-социалистской партии, не играли и не могли играть. Они и тогда находились под командой крупного капитала.

Отвальт очень красочно описывает ход и обстановку путча национал-социалистов в ноябре 1923 г. Конечно этот путч с точки зрения крупного капитала в той обстановке представлял собой авантюру. Но истинный смысл гитлеровского наступления заключается в том, что, будучи тесно связанными с реакционными баварскими кру-

гами, национал-социалисты рассчитывали увлечь последние за собой. Конечно ноябрьский путч, так, как он был проделан, представлял собою авантюру одного из отрядов белой гвардии капитала. Конечно план путча был порожден мелкобуржуазным авантюризмом, который в большой мере присущ был национал-социалистам, этой, повторяем, *своеобразной* партии финансового капитала, до ее прихода к власти. Но сами-то главари рассчитывали на успех путча, исходя именно из тесной связи национал-социалистов с кругами тяжелой индустрии.

Отвалт утверждает, что после 1923 г. произошел «поворот от мелкобуржуазного националистского бунта к гвардии капитала» (стр. 65). Конечно национал-социалистская партия пережила соответствующую эволюцию. Эта эволюция заключается во-первых в том, что был проведен ряд программных изменений. В программе партии, принятой в 1920 г., имели место пункты, по внешности представляющие собой требования довольно радикального посягательства на частную собственность. Там были требования конфискации военных прибылей, требования издания законов о «безвозмездном отчуждении земли для общественного пользования». Было требование огосударствления «гигантских предприятий» (концернов, синдикатов и трестов). В дальнейшем эти «радикальные» пункты были соответствующим образом разъяснены. Частная собственность была объявлена священной, а в разъяснениях к программе партии, представляющих собой официальный документ национал-социалистов, идеолог фашизма Готфрид Федер восклицал: «Национал-социализм признает, что и крупнейшие индустриальные предприятия, поскольку они остаются частной собственностью (мы имеем в виду здесь Крупца, Манесмана, Тиссена и др.), ни в какой мере не противоречат интересам общества... Настоящий предприниматель сознает свои народнохозяйственные задачи — так направлять производство, чтобы спрос потребителей покрывать с наименьшими издержками, чтобы издержки производства становились постоянно все меньше и меньше. *Наиболее блестящим примером такого рода предпринимателей являются такие люди, как Эрнст Аббе, Манесман, Симменс, Тиссен, Борзиг, Краус.*»

От требования огосударствления трестов к апологии предпринимательства — такова эволюция. Это означает, что фашистская партия в пору своей молодости, когда она ставит своей задачей выбрасывание любых демагогических лозунгов, чтобы завоевать массы, не скупится и на обещания посягнуть на частную собственность крупных монополистов, которых мелкий буржуа ненавидит.

То обстоятельство, что массы мелкой буржуазии (главным образом и прежде всего в период кризиса) пошли за фашизмом, отошли от старых буржуазных партий, отражало недовольство мелкой буржуазии города и деревни господством финансового капитала, чудовищным разорением и обнищанием мелких торговцев, ремесленников, чиновников, мелких и средних крестьян.

Взбесившийся мелкий буржуа видел — и видит еще пока — в партии национал-социалистов — партию, которая спасет его от тягот кризиса, уменьшит его зависимость от финансового капитала или эту зависимость вообще уничтожат.

Этого забесившегося мелкого буржуа германский национал-социализм удержал в колеснице финансового капитала, но в другой форме, нежели прежние старые партии германской буржуазии. Мировой экономической кризис, приведший к быстрой радикализации разорившейся мелкой буржуазии, дал возможность национал-социалистской партии с ее исключительной и не знающей границ демагогией быстро, на протяжении 2—3 лет кризиса, втянуть эти массы в орбиту своего влияния. При этом национал-социализм привлекал массы лозунгами национальной революции, борьбы с Веймарской конституцией и Версалем, обещанием освобождения мелкой буржуазии от «процентного рабства» банков и т. д., т. е. в основном лозунгами, которые германский национал-социализм пустил в ход с самого своего возникновения.

Иные говорят, что германская буржуазия не допускала Гитлера к власти раньше начала 1933 г. только потому, что германская национал-социалистская партия всегда была мелкобуржуазной партией, или, как говорят другие, мелкобуржуазной агентурой крупного капитала. Она боялась якобы действий этой мелкобуржуазной партии после ее прихода к власти.

О том, что крупная буржуазия знала действительную цену национал-социалистской партии задолго до прихода к власти национал-социалистов, свидетельствует хотя бы меморандум германских промышленников. То обстоятельство, что национал-социализм пришел к власти только после двух правительств незавершенного фашистского типа—Папена и Шлейхера, объясняется другими причинами. В Германии завершенная фашистская диктатура могла произойти лишь этапами. Брюнинг тоже подготовлял своей политикой приход Гитлера.

Германская буржуазия вынуждена была, прежде чем допустить к власти Гитлера, иметь пару правительств, не выдвинутых непосредственно партией национал-социалистов, по ряду причин. Она справедливо рассматривала национал-социализм как свой последний резерв, который нужно пустить в ход лишь тогда, когда другого выхода нет. Социал-демократия теряла почву в рабочих массах, которые переходили к компартии. Задачей социал-демократии был раскол рабочего класса. Только благодаря расколу пролетариата социал-демократией создавалась возможность для национал-социализма прийти к власти. В борьбе против фашизма выковывался единый фронт пролетариата под руководством компартии. Ускорение радикализации масс, обострение классовой борьбы, боязнь организации единого фронта рабочих для борьбы за свержение диктатуры капитала—все это толкало буржуазию к тому, чтобы вручить власть фашистской партии, пмеющей под своим влиянием миллионы мелких буржуа.

Буржуазия допустила национал-социализм к власти лишь в момент, когда она считала совершившимся перелом конъюнктуры от кризиса к депрессии. Такой момент, по ее мнению, наступил зимой 1933 г. Пустить национал-социализм к власти в период обострения кризиса означало подвергнуть опасности быстрого разложения свой последний резерв. Другое дело, что буржуазия ошиблась в своем диагнозе насчет перелома экономической конъюнктуры

и что самое властвование нацисов неизбежно действует таким образом, что углубляет кризис.

Буржуазия боялась, что приход фашистского правительства завершённого типа непосредственно после Брюнинга приведет к тому, что пролетариат Германии ответит на этот приход гражданской войной вопреки усилиям социал-демократии, что внезапный приход Гитлера к власти приведет к быстрому образованию единого фронта рабочего класса под руководством компартии. Уже во время разгона прусского социал-демократического правительства Папенем социал-фашистскому руководству пришлось напрячь все силы, чтобы предотвратить всеобщую стачку и образование единого фронта снизу под руководством компартии.

Осуществление фашистской диктатуры этапами должно было тормозить рассеивание иллюзий в социал-демократических массах, дать возможность социал-демократии использовать до конца тактику «меньшего зла».

Наконец, правительство Папена, а потом Шлейхера должно было путем легализации штурмовиков, развязывания им рук в малой гражданской войне против пролетариата дать им возможность терроризировать пролетариат, громить пролетарские организации. Террор и насилия штурмовиков, помноженные на усилия социал-демократии, должны были парализовать сопротивление пролетариата.

За годы своего быстрого роста национал-социалисты меняли свои программные установки в вопросах посягательства на частную собственность, на конфискацию крупных латифундий. Но характер их демагогических требований — этой смеси идеологии средневековья и требований монополистического капитала — мало менялся.

Требования борьбы с процентным рабством, с универсальными магазинами, автаркия, отмена Версаля, ликвидация Веймарской конституции и т. д., а главное, — требование разгрома пролетариата и уничтожения компартии — все это было характерным для национал-социализма за весь период его существования. Сущность национал-социалистской партии как фашистской партии финансового капитала все время оставалась одной и той же.

Отвальт усматривает в программе национал-социалистской партии множество противоречий. Но как мелкобуржуазный демократ он не видит в этом смысла. Без такой программы, на словах обещающей всем все: капиталистам — безграничную эксплуатацию, мелкой буржуазии города — уничтожение универсальных магазинов и еврейских конкурентов, помощь ремесленникам, высокие с.-х. цены и уничтожение долгов — крестьянам, работу — безработным и т. д., — национал-социалистская партия не завоевала бы мелкобуржуазных и люмпен-пролетарских слоев, не смогла бы превратиться в массовую фашистскую партию, а влачила бы жалкое существование небольшого отряда германской белогвардейщины.

Неверно утверждение Отвальда, что национал-социализм не имеет программы. Нет, эту реальную программу он имеет. Конечно требования, направленные на уловление голосов мелкой буржуазии, являются демагогическими требованиями, и национал-социалисты, достигнув власти, и не думают национализировать банки, ликвидировать универсальные магазины, осуществить автаркию и т. д.

Но из этого абсолютно не следует, что национал-социализм не имеет реальной программы.

Орган германской тяжелой промышленности «Бергверксцейтунг» 11/V 1933 г. писал: •

«Гитлер имеет цели, но не имеет программы».

Орган крупного капитала хотел сказать этим, что Гитлер, находясь у власти, выполняет и будет выполнять программу финансового капитала.

Чтобы оправдать это обстоятельство в глазах мелкобуржуазных масс, которых вожди национал-социализма обманули, газета возвела Гитлера в сан... пророка. «Адольф Гитлер уже давно перерос рамки партийного лидера и стал вождем своего народа. Когда он подымает свой голос, призывая к единению и преодолению раскола, невольно вспоминаешь о древних пророках, считавших, что они призваны богом собрать расколотый заблуждающийся еврейский народ, очистить его и спасти от грозящей беды. Неудержимая сила заставляла их действовать: «я — пастух, но бог отозвал меня от своего стада и сказал мне — иди и пророчествуй против моего народа Израиля». С такой же силой продолжает выступать Адольф Гитлер, с такой же страстной самоотверженностью осуществляет он свою миссию, которая заполняет все его существо.» («Бергверксцейтунг» 12 мая 1933 г.).

Эта «миссия» — спасение германского капитализма от революции. Для ее оправдания в глазах масс можно объявить Гитлера «еврейским пророком», хотя, как известно, антисемитизм является одним из важнейших атрибутов фашистской идеологии, которым фашизм привязывает мелкую буржуазию к колеснице финансового капитала.

Имеет ли национал-социализм программу? Да, имеет. Вернее, он имеет *две программы*. Первая — это программа социальной и национальной демагогии, направленной на уловление мелкобуржуазных масс. Вторая — *реальная программа финансового капитала*.

Эта программа: 1) *уничтожение компартии, разгром пролетариата, осуществление неприкрытого насилия над трудящимися массами*, 2) *восстановление капиталонакопления германской буржуазии, сведение уровня жизни германского пролетариата к уровню жизни батрака с надолом*, 3) *подготовка войны*. Эту программу фашизм и осуществляет.

Он бьется в тисках внутренних противоречий. Глубочайший экономический кризис, ужасающее обнищание мелкобуржуазных масс, на плечах которых национал-социализм пришел к власти, обострение версальских противоречий, продолжающаяся радикализация пролетариата, которую фашистский террор не сумел приостановить, — все это принуждает фашизм к маневрированию, возможность которого чрезвычайно сужена. Фашизм стремится кое-что дать мелкобуржуазным массам, которые он привлек на свою сторону безмерной и безграничной демагогией.

Рассмотрим кратко, что же дал и что может дать национал-социализм обманутым им массам теперь, когда пришла пора расплываться по выданным им векселям.

Задолженность крестьянского хозяйства после инфляции 1919—1924 гг. гигантски возросла. Большие проценты, которые приходи-

лось платить крестьянскому хозяйству по своим долгам, крайне тяжело ложатся на крестьянское хозяйство. То же самое относится к мелким торговцам и ремесленникам, вынужденным платить высокие проценты за получаемые ими краткосрочные кредиты. Национал-социализм объявил главной причиной современного кризиса господство банковского капитала, персонифицированного в лице «еврейского капитала».

Лозунг борьбы против банков, денежного капитала был той маской, которая помогала фашизму прикрывать свою капиталистическую сущность. Объявляя главным врагом денежный капитал, национал-социализм заявляет, что промышленный капитал полезен, нужен. «Необходимо различать, — писал Эмиль Маурер в своем изложении национал-социалистской программы борьбы против «процентного рабства»¹, — процентный капитал, финансовый капитал или капитал крупных заемщиков, как хищнический капитал, в противоположность творческому капиталу промышленности, сельского хозяйства, капиталу отдельных трудолюбивых людей». Уничтожение «рабства процента» должно найти практическое разрешение, по заявлению национал-социалистов, в национализации банков. «Мы требуем огосударствления банковской системы, обращения денег и капиталов»².

Теперь национал-социализм у власти, и конечно ничего не слышно о национализации банков, т. е. о выполнении этого важнейшего программного требования национал-социалистов, меньше всего склонных трогать в какой-либо мере монополистический капитал, партией которого они являются. Банкиры и биржевики чувствуют себя как раз очень неплохо. Именно приход национал-социалистов к власти сопровождался значительным повышением курсов на бирже, и орган берлинских банкиров — «Берлинер берзенцейтунг» — восторженно приветствовал «национальную», истинно-прусскую «революцию».

Чтобы создать видимость защиты интересов крестьянства, фашистское правительство объявило мораторий по крестьянским долгам до октября 1933 года, дабы выиграть время для расправы с рабочим классом. Но уже 10 марта «Берлинер берзенцейтунг» тоном хозяйина прямо заявила, что на дальнейший мораторий сельскому хозяйству рассчитывать нечего. Сельское хозяйство должно поступать как и прежде, «платить проценты и погашать капитал».

Следуя этой программе, национал-социалисты теперь уже не говорят об освобождении крестьян от долгов.

В своей первомайской декларативной речи Гитлер заявил о намерении правительства снизить процент по долгам. Это конкретизировал 9 мая национал-социалистский комиссар по вопросам хозяйства Вегенер, заявивший представителям банков, что серьезного снижения учетного процента следует ожидать уже в мае. Теперь уже есть решение правительства о том, что учетный процент должен быть снижен до $4\frac{1}{2}$ %. Это значит, что крестьяне будут платить хотя и сниженный процент по долгам и должны будут погашать основной долг.

¹ Эмиль Маурер. — «Уничтожение процентного рабства». Мюнхен, 1932 г.

² «Хозяйственная программа НСДАП» Мюнхен, 1932 г., стр. 24.

Пашниры удовлетворены, а крестьянин... по-прежнему стоит под тяжестью долгового рабства.

Вторым важнейшим программным требованием национал-социалистов является требование автаркии: превращения Германии в самодовлеющее хозяйство, удовлетворяющее свои потребности полностью — или почти полностью — путем внутреннего производства, без ввоза из-за границы. «Важнейшей задачей является все, что мы внутри страны можем сами производить, производить у себя... Поэтому необходимо всяческое ограничение ввоза... Национал-социализм выступает решительно против свободного, либерального мирового хозяйства и марксистского мирового хозяйства. Он требует, наоборот, защиты каждого соплеменника против иностранной конкуренции». («Хозяйственная программа национал-социалистов», стр. 17).

Требование автаркии имело своей целью, с одной стороны, привлечь на сторону национал-социализма трудящееся крестьянство, — это было обещание создать внутренний рынок для продуктов сельскохозяйственного производства.

Но это реакционнейшее требование создания самодовлеющего внутреннего рынка выражает, с другой стороны, стремление германского империализма подготовить себе сырьевую базу на случай войны, к которой фашизм усиленно готовится. Он стремится на основе союза с Италией к ревизии Версальского договора. Но ревизия невозможна без войны. Фашизм хочет присоединения Данцигского коридора, присоединения Австрии и т. д. Но все это без войны не возможно. И германский фашизм усиленно готовится к войне.

Одной из важнейших причин поражения германского империализма в мировой войне был недостаток собственного сырья. Автаркия должна путем развития производства сельскохозяйственного сырья уменьшить зависимость Германии от внешнего мира в назревающей новой войне.

Но для выполнения этой задачи необходима ликвидация аграрного кризиса. Как же обстоит дело здесь?

Экономический кризис резко ударил по сельскому хозяйству Германии, в частности и в особенности по крестьянскому хозяйству. Аграрный кризис, огромное перепроизводство сельскохозяйственных продуктов в условиях исключительного сокращения покупательной способности рабочего класса привели к резкому падению цен на сельхозпродукты. По данным отчета Германского конъюнктурного института (за 22 марта 1933 г.) доход сельского хозяйства в 1932—33 г. сократился на 1 миллиард марок по сравнению с предыдущим годом и на 5 миллиардов марок (на 37 проц.) по сравнению с 1928—29 г. Цены на сельхозпродукты упали с 1929 г. по 1933 г. на 35—40 проц. Цены промышленных товаров, которые покупает крестьянское хозяйство, в то же время снизились незначительно.

Но общие цифры сокращения доходов и падения цен по всему сельскому хозяйству дают далеко неправильное представление о действительном положении трудящегося крестьянства. В сельском хозяйстве Германии существует известное «разделение труда», заключающееся в том, что зерновые продукты производятся почти исключительно

по в крупных помещичьих имениях, прежде всего в Восточной Пруссии. Средняцкие и бедняцкие хозяйства (и кулаки) занимаются производством и поставкой на рынок мясных и молочных продуктов. Мясными и молочными продуктами Германия удовлетворяется сейчас почти исключительно за счет внутреннего производства. Правительства Брюнинга, Папена, Шлейхера проводили политику всемерного повышения пошлин на зерновые продукты, что означало непосредственную и прямую помощь помещикам и только им.

Вместе с тем резкое сокращение внутреннего рынка отразилось в первую очередь на потреблении мяса, масла, молока и т. д., т. е. как раз тех продуктов, которые производятся крестьянским хозяйством. В результате этого—резкий разрыв уровня цен на продукты скотоводства и зерновые продукты. В то время как цены на продукты скотоводства упали в первую треть 1933 г. по сравнению с 1929 г. на 55 проц., зерновые продукты понизились в цене всего на 34—36 проц. Крестьянин покупает нужные ему хлеб и корма по значительно более высоким ценам, чем те, по которым он продает продукты животноводства.

Национал-социалисты обещали крестьянам введением автаркии, полным запрещением ввоза сельхозпродуктов обеспечить повышение цен на продукты сельского хозяйства. Фашистская пресса сейчас очень много шумит по поводу благодетельных последствий для крестьянского хозяйства принудительного сокращения производства маргарина и контингентирования ввоза жиров, что должно обеспечить, по ее заявлениям, повышение цен и рост потребления масла, сала и других продуктов.

Все мероприятия последнего времени, резко сокращающие ввоз свинины и масла, привели к повышению цен на эти продукты. Цены на масло повысились к началу мая (по сообщению «Арбейтеррейтунг») на 50%. Маргарин—это «масло бедняков»—сделался недоступным для широких масс. Этим фашистское правительство думает внушить крестьянам иллюзию, что оно принимает действительные меры для улучшения его положения. Но это не надолго. Дальнейшие мероприятия по сокращению ввоза сельхозпродуктов приведут к новому взрыву таможенной войны, которая неизбежно приведет к падению экспорта германской промышленной продукции и тем самым к дальнейшему ухудшению положения германской промышленности, росту безработицы. Новое наступление на рабочий класс, неизбежное дальнейшее ухудшение хозяйственного положения Германии приведут к новому сокращению внутреннего рынка, сведут на-нет все мероприятия фашистского правительства по искусственному повышению цен на продукты крестьянского хозяйства. Повышение цен на маргарин, молоко и другие продукты уже приводит к сокращению покупательной способности рабочих масс. Трудящийся крестьянин на собственной спине убедится в лживости обещаний национал-социалистов.

Фашизм сейчас очень много кричит о создании «здорового крестьянства», объявляя его основой своего господства. «Без здорового крестьянства нет здорового хозяйства и нет возможности депролетаризировать немецкого рабочего»,— писал «Ангриф» 15 февраля. На деле это создание «здорового крестьянства» будет означать всемерное

укрепление позиции кулака в деревне. Фашистская диктатура ничего не может дать трудящемуся крестьянству. Повышение цен на отдельные продукты крестьянского хозяйства, последовавшее в результате мероприятий правительства Гитлера, неизбежно должно будет смениться их падением. Дальнейшее обострение аграрного кризиса в Германии в результате резкого ухудшения положения рабочего класса и общего ухудшения хозяйственного положения Германии неизбежно. Тем самым будет создана почва для отхода обманутых крестьянских масс от фашизма.

Фашизм сумел привлечь на свою сторону большинство мелких торговцев обещаниями уничтожить конкуренцию универсальных магазинов и предоставить беспроцентные безграничные кредиты. Он рассматривает это как средство создания здорового «среднего сословия». 16-й пункт программы национал-социалистов гласит: «Мы требуем создания здорового среднего сословия, немедленной муниципализации больших универсальных магазинов и передачи их в аренду по дешевым ценам мелким торговцам, больших преимуществ всем мелким предприятиям при поставках государству... или общинам».

Фашизм хочет сделать из торговца верхнейшую опору своей диктатуры. Экономический и политический смысл еврейских погромов в Германии, бойкот еврейских лавок является попыткой фашизма дать кое-что мелким торговцам за их приверженность фашизму. Мелкий торговец хочет избавиться от конкурента-еврея, чтобы занять его место. Фашизм всемерно разжигает зоологический антисемитизм, чтобы вытеснить евреев из госаппарата, из производства, чтобы на их место поставить своих приверженцев, «вознаградить» их, материально заинтересовать в существовании фашистского режима.

Этой же задаче должно служить уничтожение рабочих кооперативов.

Но и уничтожение конкуренции еврейских лавочников и ликвидация рабочей кооперации не спасут мелкого торговца, обреченного на дальнейшую пауперизацию всем ходом развития экономического кризиса и тем обстоятельством, что вся политика фашизма неизбежно ведет Германию к хозяйственной катастрофе. Своей политикой уничтожения рабочих кооперативов и еврейских конкурентов фашизм может на первых порах дать кое-что мелкому торговцу. Но дальнейшее неизбежное обострение кризиса с сокращением товарооборота и падением цен возобновит процесс пауперизации мелкого торговца.

Национал-социализм обещал ремесленникам избавить их от пролетаризации, вернуть им былое «благополучие». Он подогревал надежды пауперизованного кризисом ремесленника на то, что фашизм, наперекор капиталистическому развитию, укрепит мелкое производство за счет крупного. Неизбежное ухудшение экономического положения, сокращение внешнего и внутреннего рынка приведут к дальнейшей пауперизации ремесленника, которому крупный капитал, партией которого является национал-социализм, отнюдь не думает потакать.

Введение запретительных пошлин, контингентирование не могут не сопровождаться растущим сопротивлением этим мероприятиям со стороны тяжелой промышленности, экспортной в частности. Неда-

ром на заседании союза рурских углепромышленников в апреле угольные магнаты открыто заявили недовольство лицией правительства на автаркию, затрудняющей экспорт угля и сбыт его внутри страны.

В обстановке глубочайшего кризиса, потрясшего весь организм германского капиталистического хозяйства, когда накопление капитала фактически прекратилось, когда важнейшей экономической задачей, которую ставит монополистический капитал перед национал-социализмом, является восстановление капитала накопления за счет жесточайшего наступления на рабочий класс, — национал-социализм ничего не может дать тем мелкобуржуазным слоям, которые поверили в него как в своего спасителя.

Почва для маневрирования у германского [национал-социализма] чрезвычайно сужена. Больше того, все его попытки улучшить положение мелко буржуазных слоев населения с неизбежностью приведут к ухудшению положения как этих слоев населения, так и всего экономического положения в целом. Попытаться что-либо дать и крестьянину, и мелкому торговцу, и ремесленнику германский фашизм может лишь за счет рабочего, за счет повышения цен на продукты продовольствия, которые покупает рабочий, за счет повышения налогов на него, наконец, за счет инфляции, которая должна радикально снизить его заработную плату. Но этого снижения жаждет германская буржуазия для себя, рассматривая ухудшение положения рабочего класса как средство повышения своей нормы прибыли.

Снижения заработной платы открыто требуют все фракции германского капитала. Министр продовольствия националист Рор заявил недавно («Фелькишер Beobachter», 18 марта): «Важнейшей причиной несчастья немецкого народа был тот простой факт, что зарплата в городах была вдвое и втрое больше, чем в деревнях... Важнейшим требованием народа является: положить конец отставанию цен и зарплат в сельском хозяйстве от таковых в городе». Господин Рор имел в виду конечно не подтягивание зарплаты сельхозрабочих к уровню городских рабочих, а сведение жизненного уровня германского городского пролетария к нищенскому жизненному уровню батрака с наделом.

Для осуществления этой задачи германский национал-социализм давно выдвинул идею депролетаризации германского рабочего класса путем наделения германского рабочего землей, путем переселения рабочих в деревню. Эта реакционнейшая идея, стремящаяся свести на-нет результаты капиталистического развития, идея мелкобуржуазивания Германии, чтобы тем самым увеличить численно так называемое «среднее сословие», как опору фашистского режима, могла прийти в голову лишь утопистам фашистской реакции, обезумевшим от безграничной ненависти и животного страха перед пролетарской революцией, вырастающей из крупной промышленности и крупных городов.

Эта затея, как и все другие попытки спасти мелкобуржуазные слои от гибели и разорения, повернуть вспять колесо истории, обречена на неудачу.

В последнее время национал-социализм для того, чтобы расширить свою социальную базу, подготовить ликвидацию профсоюзов и

захватить их в свои руки, развил исключительную по своим размерам демагогию для завоевания рабочих. Для этого 1 мая было объявлено «праздником германского труда». Гитлер в своей первомайской речи провозгласил новый лозунг: «Чтите труд и уважайте рабочего». Важнейшим пунктом программы первого года фашистской четырехлетней он объявил борьбу за ликвидацию безработицы путем введения «трудовой повинности», т. е. путем создания каторжных работ для безработных в огромном масштабе.

Фашистская диктатура ставит своей задачей разгром тарифных договоров. Она поддерживается пока от этого до своего закрепления в профсоюзах. В декларации руководителя «унифицированных» профсоюзов Лей об этом сказано достаточно ясно: «Я объявляю, — писал Лей, — что до окончательного формирования рабочего фронта тарифные договоры должны быть сохранены». После закрепления в профсоюзах фашизм ликвидирует тарифные договоры, чтобы полностью «рассчитаться» с пролетариатом — этой, по заявлению Гитлера, «низшей расой», предназначенной самой природой для подчинения капиталу.

В своем стремлении хоть что-нибудь дать идущим за ним мелкобуржуазным слоям города и деревни, осуществить свою программу ликвидации безработицы посредством создания каторжных работ для безработных, предоставить неограниченные субсидии крупной промышленности, т. е. удовлетворить и крупную и мелкую буржуазию, наконец в стремлении обеспечить свою программу подготовки к войне фашизм неизбежно катится в объятия инфляции. Недаром один из пунктов экономической программы германского национал-социализма гласит: «Национал-социализм требует отхода Германии от золотого стандарта, чтобы... сделать германскую промышленность конкурентоспособной по сравнению с другими странами».

Фашизм ведет Германию к инфляции, как бы ни сопротивлялись ей отдельные слои германской буржуазии, боящиеся ее катастрофических последствий. Именно эти круги германской буржуазии вынудили Гитлера заявить на заседании рейхстага, что правительство не намерено переходить к инфляции. Инфляция диктуется фашизму всем ходом развития, всей его политикой. Немалым толчком к этому должен явиться отказ САСН от золотого стандарта.

Инфляция будет означать для фашистской Германии катастрофу, поскольку она со всей силой и вытекающими отсюда последствиями ударит по рабочему классу и приведет одновременно к величайшей экспроприации впрочем самых мелко буржуазных слоев, какую когда-либо видела история, за исключением разве периода германской инфляции 1921—24 гг.

Фашистский режим, являющийся последней ставкой германской буржуазии, не выведет и не сможет вывести страну из кризиса, а, наоборот, еще более обострит его, доведя все противоречия до высшего напряжения. Своими мероприятиями он не спасет мелкую буржуазию, а ускорит, хотя и помимо своей воли, ее дальнейшую пролетаризацию.

Фашизм видит свою важнейшую политическую задачу в том, чтобы физически истребить компартию, истребить актив германского пролетариата. Компартия в годы кризиса, вплоть до прихода Гитлера

к власти, разоблачала роль германской социал-демократии как пособника фашизма, разъясняла обманутым социал-демократией массам действительную суть социал-демократической теории «меньшего зла». На основе тактики единого фронта снизу компартия организовывала рабочие массы для действительной борьбы с фашизмом против буржуазной диктатуры за советскую Германию. В борьбе за повседневные нужды рабочих масс компартия Германии разоблачала перед массами то обстоятельство, что социал-демократия не только не думала бороться за конечные цели рабочего класса, но и всемерно выступала на стороне буржуазии в элементарнейших вопросах повседневных нужд рабочих. Компартия разъясняла рабочим, что социал-демократия и фашизм являются близнецами, друг друга дополняющими, что вся политика раскола рабочего класса социал-демократией ведет к победе фашистской диктатуры. Раскольническая политика германской социал-демократии не дала возможности германской компартии, объединив вокруг себя большинство пролетариата, пойти на штурм капитализма.

Теперь фашизм торжествует. Он справляет свои кровавые оргии во всей стране, истребляя коммунистов, стремясь свинцом и пытками изгнать коммунизм из рабочего класса. Но партия, получившая 5 млн. голосов в 1933 г. на мартовских выборах в рейхстаг в обстановке бешеного фашистского террора, который превзошел все, что знал когда-либо рабочий класс Германии, не может быть уничтожена. Пытки, напоминаящие по своему садизму, изобретательности средневековые пытки испанской инквизиции, не сломили воли партии к борьбе. Под ударами неслыханного террора, в обстановке глубочайшего подполья компартия Германии сумела сохранить свои партийные организации, сохранить большинство своих членов, которые ведут активную работу в рядах германского пролетариата всюду, где только можно, и даже там, где это кажется невозможным. Словом устным и печатным, листовками и газетами, печатающимися в глубочайшем подполье, на фабриках и заводах героическая германская компартия ведет свою работу по сплачиванию пролетариата для борьбы с фашизмом. В ответ на разгром профсоюзной верхушки компартия сплачивает силы рабочих для сопротивления наступлению капитала на рабочий класс, ведет борьбу с фашизмом за социал-демократических рабочих.

В обстановке подлой измены германской социал-демократии, ее перехода в лагерь фашизма компартия выступает как единственная антифашистская сила. В глубоком подполье она сплачивает свои ряды, закаляется для грядущих боев за пролетарскую диктатуру.

Компартия Германии борется за отрыв от фашизма непролетарских трудящихся масс, обманутых фашизмом. Она борется за то, чтобы раскрыть обманутым фашизмом массам глаза на действительную сущность фашистской диктатуры. Фашизм ведет германский народ и германское хозяйство в пропасть развала, полной разрухи и катастроф. В этом должны будут убедиться массы, по мере того как фашизм всей своей политикой должен будет разоблачить себя как партия финансового капитала, имеющая целью подвергнуть эти массы неслыханному дальнейшему ограблению в интересах капитала. Ком-

партия будет всемерно бороться за переход этих масс в лагерь революционного пролетариата.

Объединив вокруг себя большинство рабочего класса, поведя за пролетариатом непролетарские трудящиеся слои, компартия поведет большинство германского народа на штурм фашизма, на штурм капитализма.

Этот день настанет. Его исторические сроки приближаются.

Июнь, 1933 г.

И. ДВОРНИН.

ОТ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ К НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМУ *

Создание национального правительства является одним из этапов борьбы за реконсолидацию буржуазного режима в Германии.

Это уже не первая реконсолидация, проводимая в послевоенной Германии. Нет никакого сомнения в том, что после ряда лет революции и инфляции, поставивших все под вопрос, веймарская коалиция, успешно осуществившая «большую экономическую программу» и стабилизацию 1923/24 г. при тогдашней расстановке тех сил, которые необходимо было в то время укротить, безусловно представляла собой реконсолидацию буржуазного режима. С политической точки зрения эта реконсолидация удержалась до *нового кризиса 1930 года*. Кризис во всяком случае обнаружил, что она была только кажущейся и несовершенной реконсолидацией, и он вызвал в дальнейшем своем развитии ее развал и взрыв, подобно тому как начало кризиса 1918/19 г. подорвало и разрушило кайзерский режим военного времени. История послевоенной Германии содержит события, которые *динамически родственны* нынешнему состоянию ее развития, и при внимательном сравнении можно сделать выводы о задачах нынешнего этапа. Параллелизм фактически простирается поразительно далеко.

Тогдашняя социал-демократия и нынешний национал-социализм *функционально* сходны в том, что оба были могильщиками предшествовавшей системы, *но затем, вместо того чтобы повести руководимые ими массы к провозглашенной революции, направили их к новым формам буржуазного господства*. Часто проводимое сравнение между Гитлером и Эбертом правильно именно в этом отношении.

«Разбуженные» ими движения имеют далее структурное сходство в том отношении, что они оба были народными движениями—это

---

* Данная статья взята из бюллетеня «Дейтше Фюрербрифе» (июнь 1933 г.), органа германской тяжелой промышленности.

Статья эта наглядно выясняет, почему буржуазия считала необходимым на данном этапе допустить национал-социализм к захвату власти в Германии. Этот документ также проливает свет на роль германской социал-демократии в развитии и пришествии к власти германского фашизма и назначение коалиции социал-фашизма с крупной буржуазией для консолидации буржуазного режима в Германии. Орган тяжелой промышленности дает совершенно откровенную оценку услуг, оказанных социал-демократией буржуазному господству в первый период послевоенной консолидации.

было только забыто в отношении социал-демократического прилива 1918/19 г. Оба движения, апеллируя к антикапиталистическим освободительным стремлениям, обещали осуществление нового социального или «национального» общественного строя, *социальный состав их сторонников вербовался из масс мелкой буржуазии и часто даже за ее пределами, и, наконец, их идейный характер отличается свойственной им обоим исключительной путаницей, а преданность их сторонников столь же фанатична, сколь и недолговечна.* Констатировать этот параллелизм не значит клеветать на национал-социалистическую идею, это вообще не касается идей, а только аналитического вывода о функциях и значении двух массовых движений, которые играли и играют аналогичную политическую роль в одинаковых социальных условиях в двух исторически сходных периодах. *Уже этот параллелизм свидетельствует о том, что национал-социализм должен сменить социал-демократию в выполнении ее задачи представлять собой массовую опору господства буржуазии в Германии.* Это есть одновременно в известной части более точная постановка проблемы настоятельно необходимой реконсолидации этого господства. *Способен ли национал-социализм перенять эту функцию опоры от социал-демократии и каким образом это могло бы произойти?*

Проблема консолидации буржуазного режима в послевоенной Германии вообще определяется тем фактом, что *руководящая буржуазия стала слишком тонкой прослойкой, чтобы быть единственной носительницей своего господства. Если она не хочет довериться чрезвычайно опасному оружию чисто милитаристского насилия, она должна подчинить своему влиянию слои, социально к ней не принадлежащие, но оказывающие ей незаменимую услугу тем, что они внедряют ее господство в народ и тем самым становятся подлинными и последними носителями этого господства. Этим последним или «крайним носителем» буржуазного господства в первый период послевоенной консолидации была социал-демократия.*

Выполняя эту задачу, она отличалась свойством, которое отсутствует у национал-социалистов, по крайней мере, отсутствовало до сих пор. Правда, ноябрьский социализм был идеологическим массовым потоком, это было движение, но это было не только движение, ибо за ним стояла власть *организованного рабочего класса*, социальная сила профсоюзов. Поток мог сбиться с пути, идеологический натиск мог разбиться, движение могло спадать, но профсоюзы оставались, а вместе с ними, вернее, благодаря им, оставалась и социал-демократическая партия. Национал-социализм же является пока только движением, только натиском, наступлением и идеологией. Если эта стена рухнет—за ней окажется пустота. Ибо, охватывая все слои и группы, он не идентичен ни с одним из них, ни в одном из постоянных звеньев общественного организма он социологически не воплощен. В этом важном обстоятельстве заключается, наряду с вышеустановленным параллелизмом обеих массовых партий, их *фундаментальное различие в смысле значения их для реконсолидации буржуазного господства.* В силу своего социального характера, как подлинная рабочая партия, *социал-демократия внесла в систему тогдашней консолидации, помимо ее чисто политического веса, гораздо*

более ценный вклад организованного рабочего класса и, парализовав его революционную энергию, спаял его с буржуазным государством.

На этой основе социал-демократия могла довольствоваться лишь соучастием в буржуазном господстве, она по существу своему даже не могла никогда быть ничем иным, как *только частичным партнером буржуазного господства*. Она перестала бы существовать как социал-демократия, если бы случай предоставил ей всю власть над государством, экономикой и обществом; это настолько верно, что в этом случае можно сказать, как в известной поговорке, *что если бы не было буржуазного общества, то социал-демократия должна была бы выдумать его.*

В конкретном противоречии с этим недостаток *внутренней социальной силы* обуславливает фашистский характер национал-социализма. Так как он не имеет специфической социальной базы, которая сама по себе и без Гитлера явилась бы носительницей национал-социализма, то он может либо завоевать *всю власть*, чтобы, овладев государственным аппаратом, заполнить пробел в отношении социальной базы, либо его сила разобьется о социальную структуру, которая политически ему противостоит и куда он не находит доступа. Так как он не является исконным звеном этой структуры, то он не может без существенного изменения стать частичным партнером буржуазного господства, которое базируется на общественной власти и нуждается в политической поддержке «массового базиса» только в смысле социальных корней и социального укрепления. *В этом истинный гвоздь современного положения, фашистские возможности национал-социализма миновали, а его социальные возможности еще не найдены.* Но от того, будут ли они найдены, зависит, добьемся ли мы теперь действительно новой и продуктивной реконсолидации, или мы очутимся в тупике перед альтернативой: *военная диктатура или возврат к социал-демократии.*

Поэтому вопрос, к которому все сводится, состоит в том, располагает ли национал-социализм *специфическими социальными возможностями*, благодаря которым он бы мог превратиться из фашистского движения в один из органов буржуазного господства *так, чтобы он мог заменить для буржуазии прежнюю роль социал-демократии.*

В тот момент, когда реконсолидация буржуазного господства становится вопросом жизни, необходимо уничтожить фашизм национал-социалистического движения, если попадется насильственным путем, но только для того, чтобы превратить одновременно самый национал-социализм в общественный орган, который может служить опорой этому господству и стать положительным звеном ее государственного выражения. Имеющиеся к этому возможности можно здесь набросать только в самой краткой форме. *Необходимым условием всякой социальной реконструкции буржуазного господства, которое оказывалось возможным в Германии со времени войны,—является раскол рабочего класса.* Всякое сплочение, вырастающее из низов рабочего движения, должно было бы быть революционным и против него это господство нельзя было бы удерживать на продолжительное время даже средствами военного насилия. Стоя на общей базе этого необходимого условия, различные системы буржуазной консолидации отличаются друг от друга теми дополнительными условиями, которые достаточны

для того, чтобы укоренить государство и власть буржуазии в широких слоях расколовшегося рабочего класса.

В первый период реконсолидации послевоенного буржуазного режима, в период с 1923/24 г. до 1929/30 г., раскол рабочего класса основывался на достижениях в области зарплаты и социальной политики, на которые социал-демократия разменивала революционный натиск. Социал-демократия действовала подобно механизму шлюзов, посредством которого занятая и прочно организованная часть рабочего класса в потоке рынка труда ползовалась значительным, хотя и дифференцированным, но все же замкнутым в себе преимуществом более высокого уровня жизни по сравнению с безработными и колеблющейся массой низшей категории. Ее жизненный уровень был относительно защищен от абсолютного влияния безработицы и общего течения кризиса хозяйства. Политическая граница между социал-демократией и коммунизмом проходит почти по социальной и экономической линии этих шлюзов; и все тщетные до сих пор попытки коммунизма направлены на вторжение в эту защищенную область профсоюзов. Но так как социал-демократическое разменивание революции на социальную политику совпадало с перенесением борьбы из предприятий и с улиц в парламент, министерства и канцелярии, то это превращение борьбы «снизу» в гарантии «сверху» целиком приковало с этого момента социал-демократию и профсоюзную бюрократию, а с ними также и всю идущую за ними часть рабочего класса к буржуазному государству и к участию во власти, и это продолжается до тех пор, пока, во-первых, остается еще возможность защищать этим путем хотя бы самую незначительную часть достижений, во-вторых, пока рабочий класс идет за ними.

Четыре важных вывода вытекают из этого анализа: 1. «Политика «меньшего зла» является не тактикой, она является политической субстанцией социал-демократии. 2. Связь профсоюзной бюрократии с государством «сверху» важнее, чем связь с марксизмом, следовательно, с социал-демократией, и это правильно по отношению к любому буржуазному государству, которое захочет ее привлечь к себе. 3. Связь профсоюзной бюрократии с социал-демократией политически живет и умирает вместе с парламентаризмом. 4. Возможность либеральной социальной конституции монополистического капитализма обуславливается наличием автоматического механизма для раскола рабочего класса. Буржуазный режим, заинтересованный в либеральной социальной конституции, должен быть вообще не только парламентаристским, но и опираться на социал-демократию и оставить на долю социал-демократии достаточно достижений. Буржуазный режим, унытожающий эти достижения, должен пожертвовать социал-демократией и парламентаризмом и, создав замену для социал-демократии, перейти к ограниченной социальной конституции.

Процесс этого перехода, который мы видим в настоящий момент, переживает острую стадию опасностей. Дело в том, что экономический кризис неизбежно разрушает достижения верхушечной части рабочего класса и с исчезновением этих достижений перестает функционировать покоящийся на нем механизм раскола рабочего класса, следовательно, рабочий класс начинает скатываться в направлении к коммунизму, а буржуазное господство приближается к грани

бедственного положения военной диктатуры. Но переход в это бедственное положение был бы переходом из фазы нищенской консолидации в фазу безнадежного состояния буржуазного господства.

Спасение из этой пропасти возможно только в том случае, если удастся вызвать раскол и связанность рабочего класса другим и притом прямым способом ввиду того, что невозможно вновь восстановить в достаточной мере механизм шлюзов. В этом заключаются положительные возможности и задачи национализма.

Сама проблема указывает недвусмысленно два направления в разрешении этих задач. Надо либо включить в систему буржуазного господства занятую в частном хозяйстве часть рабочего класса, т. е. профсоюзы при помощи политического закрепления их по-новому в корпоративной конституции, либо надо попытаться, наоборот, опереться на безработную часть, организовав для нее искусственный сектор хозяйства в форме трудовой повинности.

Отрыв профсоюзов от социал-демократии лишает их прежнего политического представительства, взамен которого они нуждаются в новом и своеобразном политическом руководстве в непарламентарном или весьма условно парламентарном государстве.

Если бы национал-социализму удалось перенять это руководство и включить профсоюзы в ограниченную социальную конституцию так, как включила их социал-демократия в либеральную, то национал-социализм стал бы носителем необходимой для будущего буржуазного господства функции и должен был бы неизбежно найти свое организованное место в социальной и государственной системе этого господства.

Опасность государственно-капиталистического или даже социалистического развития, которой часто аргументируют против такого корпоративного включения в социальную конституцию профсоюзов под национал-социалистическим руководством, в действительности устраняется именно этим путем. Пропагандируемый бюллетенем «*Tatkreis*» («третий фронт») есть тип ошибочной конструкции, какие возникают во время социальной пустоты; он является иллюзией переходного периода, в котором профсоюзы, освобожденные от прежней связи и не опутанные еще новой, производят впечатление, что самостоятельно существуют, к чему они по самой своей природе неспособны.

Между двумя возможностями—реконсолидации буржуазного господства и коммунистической революции—нет места третьей.

Правда, наряду с корпоративным включением профсоюзов в буржуазную реконсолидацию есть еще, по крайней мере теоретически, второй путь — организовать и связать безработных с государством через трудовую повинность и поселения. Само существование национал-социализма, лишенное социальных корней, особенно склонно, повидимому, к такому разрешению задачи, и оно поэтому глубже всего им продумано. Но нужно ясно видеть, что оба указанных пути включения профсоюзов в буржуазную реконструкцию представляют собой два совершенно различных направления развития всего хозяйства. Включение значительных безработных масс в социальный организм страны путем трудовой повинности возможно только при помощи широких государственных и плано-хозяйственных методов, которые должны

ослабить по экономическим и финансовым причинам свободный сектор народного хозяйства. Так как на этот путь можно вступить только за счет свободно нанятых рабочих, то подобный режим неизбежно должен перенести свой центр тяжести на аграрный сектор, а этот последний, благодаря крайней политике автаркии, лишит всяких шансов экспортную промышленность и связанные с ней интересы, помешает включиться в улучшающуюся мировую конъюнктуру, и стало быть, усилит рост безработицы и, наконец, заморозит подавляющую часть всего хозяйства в принудительной системе государственного хозяйства нищеты. Можно ли это назвать реконсолидацией?— сомнительно. Этот путь, поэтому, может осуществляться только частично и второстепенным образом приблизительно так, как он включен в экономическую программу правительства, с целью облегчить переход к системе настоящей реконсолидации буржуазного государства, которая должна опираться, как и прежде, на основной состав всего рабочего класса, на профсоюзы под новым руководством.

ПОИСКИ СПАСЕНИЯ В НАСТУПЛЕНИИ, БАВАРИЯ — ОПЛОТ ПОРЯДКА

«Я буду говорить теперь о заговоре, предательстве и злодеянии, о чем правду говорить опасно, неправду же — грех».

(Отберт фон-Люттих—1106)

Тайные союзы в Германии

Этот эпиграф, которым Е. И. Гумбель начинает свою книгу: «Предателей не минет приговор» мог бы стоять в заголовке любой хроники германской республики, потому что история германской республики — это сплошная цепь государственных измен и предательств, творимых реакционными кругами при бессовестнейшем покровительстве или даже одобрении властей.

Только при длительном специальном изучении можно разобраться в запутанном клубке тайных союзов и «союзов обороны», из которых капитал создал себе защитную гвардию против попыток социализации, робко и расплывчато намечавшихся в первых административных мероприятиях республиканского правительства.

Кроме многочисленных добровольческих отрядов, организованных самим правительством для сохранения «спокойствия и порядка», уже рано возникают активистские группы, сливающиеся в 1923 г. в гигантскую верхушечную организацию «Объединенных патриотических союзов Германии», в которую входят приблизительно пятьдесят отдельных союзов, которые в свою очередь охватывают многочисленные низшие организации: «Стальной шлем», Союз фронтовиков, Германский государственный союз воинов «Кифгейзер», союз «Оберланд», «Бавария и государство», Младогерманский орден, союз «Викинг», Пангерманский балтийский союз, «Вервольф», Германский союз обороны, Государственный офицерский союз, Национальный союз германских офицеров, Союз морских офицеров, Государственный союз бывших кадетов, Союз обществ германского флота, «Рейхскригсфлагге»¹, Блюхеровский союз...

Столкновения интересов

Вот некоторые, дажеко не все, названия организаций, задавших целью разбить германскую республику и, несмотря на общие цели, жестоко враждующих друг с другом. Часто причиной тому является лишь мелочная завистливость и властолюбие так называемых «вождей», которые своих конкурентов — нередко из чисто матери-

¹ «Имперский военный флаг».

альных соображений—обвиняют в мягкотелости, подчищении влияния евреев или же в республиканских взглядах. Но за всеми этими мелочными раздорами скрывается столкновение интересов двух хозяйственных комплексов: тяжелой промышленности и аграрно-милитаристического феодализма...

Причиной тому, что шествие знаменосцев мелкой буржуазии берет свое начало именно в Мюнхене, является то обстоятельство, что почва здесь особенно благоприятна для любого заговора. К глубокому столкновению интересов в Баварии присоединяется конфликт, вырастающий не на почве самой Германии. Католическое духовенство стремится использовать смятение в Германии для достижения той цели, о которой оно собственно никогда не забывало за все время существования германской империи: создания Дунайской монархии, в которую войдет Бавария, немецкая Австрия и части Рейнской области и которую будет возглавлять династия Виттельсбахов, чья верность Риму тысячекратно испытана.

Мюнхен — Мекка национализма

Так Мюнхен становится Меккой германских националистов. И нисколько не противоречит линии интернационального национализма то, что как раз в центре (германского) шовинизма завязываются нити, ведущие к «исконному врагу» — Франции, поддержавшей в Баварии «франко-национальный путчизм» суммой в 93 тысячи марок золотом, попавшей в карманы отдельных патриотов. Ведь классовые симпатии, которыми здесь пользуется Франция, достаточно сильны, чтобы искать союзника в борьбе против марксизма и по ту сторону черно-красно-золотых пограничных столбов.

История возникновения всех этих заговорщических групп почти всегда одинакова: республика поручает какому-либо офицеру, не имеющему на ее взгляд отношения к политике, организацию добровольческого отряда для поддержания «спокойствия и порядка» внутри страны или для защиты находящихся под угрозой восточных границ. Но вскоре к величайшему удивлению властей оказывается, что данный руководитель добровольческого отряда вовсе не аполитичен, а преследует под маской лояльной военной поддержки правительства крайне нелояльные контрреволюционные цели. Отряд расформируется часто с большими трудностями, но солдаты своего оружия не сдают, не расходятся по домам, а объединяются в вооруженные до зубов тайные союзы, в которых политическое убийство и кровавые террористические акты становятся обычным явлением. Поддержка крупных землевладельцев или промышленников даст бывшим добровольцам возможность оставаться сомкнутыми колоннами в имениях или на фабриках в качестве «мирных» рабочих. Правительство считает, что распустив добровольцев, оно сделало все, что можно было сделать для удовлетворения страны, и только с трудом или вовсе не может решиться выступить против этих нелегальных организаций.

Неудобные союзники

Причины этого еще в трудностях особого порядка: пока эти добровольцы были «верными правительству» солдатами, их естест-

венно привлекали для задач, которые довольно часто шли вразрез с текстом Версальского договора. Для кондотьеров германской республики таким образом не осталась скрытой закулисная сторона политики и их осведомленность парализует решимость властей, чей страх перед возможным разглашением тайн этой политики, что может иметь тяжелые последствия, оказывается сильнее желания энергично пресечь контрреволюцию.

Только так можно объяснить и понять некоторые странные факты: правительственные учреждения совершенно открыто оказывают заговорщикам энергичную поддержку даже тогда, когда их уже давно заклеймило общественное мнение за враждебную государству деятельность. В августе 1921 г. отставной капитан-лейтенант Манфред фон-Киллингер сидит в оффенбургской предварилке за содействие в деле убийства Эрцбергера и вдруг получает от официального учреждения сумму в 22 500 марок золотом. Это, видите ли, подъемные и продовольственные суммы, которые Киллингер должен израсходовать на размещение полка самообороны в Верхней Силезии.

Или еще: капитан Пабет, руководитель австрийского хайвера, разыскиваемый для предания суду по делу об участии в кашовском путче, еще в 1929 г. получал все время поддержку от полуофициальной организации «Дейтшер шутцбунд»¹, финансируемой министерством внутренних дел. Мотивируется это тем, что данное правительственное учреждение считает капитана Пабета «особенно подходящим представителем германских интересов!».

Национал-социализм и добровольческие отряды

Для оценки истории возникновения национал-социализма знакомство с социологическими основами добровольческого бесчинства обязательно. Мы увидим, что все те путчисты, которые в 1919—1925 гг. играли в германской республике столь роковую роль, выплывали потом на руководящих постах национал-социалистической германской рабочей партии². Кроме того нац.-соц. движение за все время своего существования ни на минуту не теряло связи с этими блюстителями порядка в стране. Совершенно безразлично, являлись ли при этом решающим фактором феодальные или капиталистические интересы. Факт остается фактом, что эта «рабочая партия» с самого начала шла вместе с реакцией.

У германского народа слабая память. Все эти вещи давно забыты, и руководству нац.-соц. партии по понятным причинам совсем не по душе, когда напоминают о возникновении национал-социализма и ставят его в связь с добровольческими отрядами. Это сбивание с толку общественного мнения лишь потому имело успех, что крупные столкновения интересов, породившие путчизм внутри страны, вовне почти или совершенно не проявлялись. Основная цель, которой нужно было прежде всего достигнуть, это устранение социалистического элемента в республиканской внутренней и хозяйственной политике.

¹ Германский союз обороны.

² В дальнейшем именуется «Нац.-соц. партия». (Прим. перев.).

Стратегический план нац.-соц. партии в 1920 г. определяется двумя комплексами: попытками создать пангерманскую директорию, которая должна ликвидировать как тенденции социализации, так и республиканскую форму правления, и противоречиями между Баварией и имперским правительством.

Партикуляристские тенденции в Баварии всегда воплощались в такие формы, которые часто граничили с государственной изменой. Е. И. Гумбель говорит об этом: «Противопоставление себя имперскому правительству всегда в какой-либо мере чувствовалось. Но сильная идеологическая и психологическая надстройка не давала первоначальным источникам и влияющим на них причинам ясно обозначаться. Это — противоречия между растущим промышленным государством и истари аграрной страной. Этому соответствовало самодовольное ограничение достигнутым, что оптимистами могло быть ложно истолковано, как некоторый отход от империализма. К этому присоединялось другое противоречие: католицизм — протестантизм, наконец, также мелочная завистливость династий, которые потеряли свой суверенитет... Источники баварского партикуляризма нужно искать таким образом целиком в материальной заинтересованности и идеологии правящих слоев. Но так как эта идеология обычно передается и тем, чьи интересы никоим образом не однородны с интересами правящих слоев, то настроение это передалось и совершенно аполитичным тогда рабочим массам и крестьянству...»

Виттельсбахи притворяются пацифистами

Это дремлющее противоречие — Бавария и имперское правительство — прорывается к концу войны в своеобразно измененной форме: чем вероятнее становился неблагоприятный исход войны, тем резче становились в Баварии голоса, желавшие взвалить ответственность за это на официальную имперскую политику и прежде всего на Вильгельма II. Показательно, что династия Виттельсбахов подхватила это настроение народа и стала делать вид, что ее желанием с самого начала было если не воспрепятствовать войне, то во всяком случае как можно скорее окончить ее. Но революционная пропаганда пресекла в зародыше эти выступления в интересах спасения династии. Особое положение Баварии как пограничной области в такой мере повысило настроение против войны, что еще до матросского мятежа в Киле политическое течение в Баварии с лозунгом «мир какой угодно ценой», как некоторым образом логическое последствие баварского партикуляризма, могло привести к революции.

Курт Эйсер, централист чистой воды по своему духовному складу и политическому прошлому, пытался использовать старое противопоставление Баварии и северной Германии в целях революции. В своей агитации, которая в известный период его политического руководства дошла до открытой угрозы отделения от империи, он использовал это противопоставление только в борьбе между своей радикальнопацифистской политикой и имперским руководством социал-демократической партии в Берлине, которое не знало, по какому пути пойти — по пути «социального или национального освобождения».

После убийства Эйслера, совершенного тогдашним лейтенантом и теперешним директором финансируемой из имперских средств «Южногерманской Люфтганзы» графом Арко-Валей, противоречие между Баварией и имперским правительством достигло своего крайнего заострения во время баварской республики советов, которая погибла вследствие того, что баварские крестьяне не дали продовольствия и в борьбу вмешался добровольческий корпус северной Германии.

Франко-баварский союз

Параллельно с сепаратистскими стремлениями крестьянство, настроенное партикуляристски и клерикально сделало попытку добиться восстановления в Баварии прежних порядков путем соглашения с Францией. Вождь крестьянства и руководитель баварской народной партии д-р Гейм уже в декабре 1918 г. совершенно открыто пропагандировал в «Баварском курьере» образование под французским протекторатом и предводительством Виттельсбахов нового Рейнского союза, в который предполагалось включить и немецкую Австрию. После крушения правительства советов эти попытки столь усиленно возобновляются, что игравший спустя двенадцать лет руководящую роль в баварской политике д-р Гейм мог в Висбадене вести переговоры с офицерами французской оккупационной армии об отделении юга Германии. Всеми мерами стараются войти в контакт с сепаратистским движением в Рейнской области, политическим руководителем которого в то время был висбаденский прокурор д-р Дортен.

Наиболее выдающимся внешним успехом этих враждебных государству попыток является посылка Францией в 1921 г. специального французского представителя, аккредитованного при баварском правительстве, в чьих руках сосредоточиваются все нити этой партикуляристской политики, в которой Виттельсбахи и римская курия являются решающими факторами.

Победа реакции в Баварии

Таково было в общих чертах положение в момент, когда капшовский путч поставил баварскую внутреннюю политику перед новыми задачами. Эта попытка реставрации феодализма кончилась в Баварии тем, что обер-президент верхнебаварского округа д-р Густав фон-Кар захватил исполнительную власть. «Национальный» кабинет, который 16 марта 1920 г. сменил правительство социалистического большинства, устраняет последние остатки социалистического влияния на баварскую политику. Ни у кого не остается сомнения в том, что Кар руководится указаниями свыше, что ему обеспечены поддержка курии и обширные международные связи дома Виттельсбахов. Господина фон-Кара поддерживают баварские крестьянские союзы, которыми всецело вертит духовенство и политическим фактором власти которых является гражданская милиция.

Эта организация, в которую входят в то время десятки тысяч боеспособных и отлично вооруженных людей, становится зародышем всех позднейших козней.

История баварской гражданской милиции со всеми ее широкими связями в высших правительственных учреждениях Баварии и моральная и фактическая помощь, которую эти правительственные органы оказывали при совершении, покровительстве и сокрытии около 200 политических убийств, совершенных праворадикальными элементами после низвержения правительства советов, вырисовывается со всей ясностью из протоколов 27-го заседания рейхстага по поводу расследования деятельности тайных организаций и тайных убийств.

Отряды гражданской милиции

Весной 1920 г. организация Эшериха так называемый «Оргэш», и организация Канцлер, «Орка», объединились в союз баварской гражданской милиции. Дело идет об обширной организации самообороны буржуазии и крестьянства, которая не ограничивает свою деятельность территорией баварской республики, но основывает и поддерживает аналогичные организации во всей Германии. Национальный кабинет господина фон-Кара постепенно придает этой гвардии капитала характер официального учреждения. Легальной полиции дается предписание во всех случаях, которые могли бы привести к внутриполитическим осложнениям, предварительно согласовывать свои действия с действиями гражданской милиции, чтобы правительственные мероприятия не мешали тайным планам последней. Закон о разоружении населения от 8 августа 1920 г. к баварской гражданской милиции не относится. Баварское правительство совершенно открыто поддерживает саботаж этого имперского закона и не препятствует тому, что гражданская милиция из «принадлежащих» ей 400 тысяч ружей официально регистрирует и сдает лишь 179 тысяч, так что и после сдачи оружия в ее руках еще остаются запасы, достаточные для вооружения пяти армейских корпусов.

Национальный кабинет! Оружия больше, чем достаточно, — и Мюнхен становится Меккой националистов, баварская республика — «оплотом порядка», который воспламеняет надежды реакционеров всех мастей. Генерал Людендорф, пруссак чистой воды, поселяется в это время в одном из предместий Мюнхена. Он не остается один: в Мюнхен стекаются со всех концов Германии потерявшие социальную почву под ногами мещане; солдаты и офицеры, оставшиеся без куска хлеба после роспуска союзов самообороны в северной Германии; честолюбивые офицеры старой армии, которые в баварских организациях обороны надеются завоевать себе положение и власть; молодые люди, преследуемые за исполнение какого-либо «патриотического поручения» законом в других частях германской республики. Полумиллионный город наводняет безработный, часто голодающий, оборванный и ободранный буржуазный люмпенпролетариат, с напряженными до крайности вследствие материальной нужды нервами, восприимчивый к любому путчистскому лозунгу, в состоянии полной беспомощности, с жгучим желанием в сердце — освободиться от этого невыносимого состояния бесплодного возбуждения. Высшие школы, университет, техникум и ветеринарная школа в Мюнхене становятся сборным пунктом реакционных студентов, единственной

серьезной работой которых часто является участие в нелегальных организациях.

Мюнхен — главный штаб

Завязываются связи с северной Германией, где единомышленникам не дают развернуть свои силы мероприятия властей. Крупного масштаба кондотьеры республики переносят мало-помалу свое местожительство в Мюнхен. Они далеко превосходят своих южногерманских коллег энергией и решимостью. В тихонькую исполненную кабацкого благополучия жизнь баварской столицы вносятся размах и темп. Заражаются этим настроением и робкие умы. Инстинктивное сопротивление королевских баварских чиновников, которые пытаются оказать противодействие северогерманскому вторжению, устраняется инструкциями высших официальных органов. Начальник политического отдела полицейпрезидиума — д-р Фрик предан активистской реакции телом и душой. Его используют для темных махинаций, которые он покрывает своим авторитетом начальника политической полиции.

Появление капитана Эргардта

В марте 1920 г. после капповского правительства в Мюнхене появляется капитан корвета Эргардт. Это он при помощи своего рабски поклоняющегося ему трехтысячного морского отряда доставил в Берлин генерального директора по делам сельского хозяйства Каппа. Это одна из наименее понятных личностей германской революции. По внешности он невзрачный человек, влияние которого на солдат остается загадкой: небольшого роста, тучноватый, с водянисто-голубыми невыразительными глазами и маленькой бородкой à la принц Генрих. Его связи очевидно очень обширны. Флотская бригада Эргардта, составленная им в борьбе с революционерами в гарнизонах Вассерканте, долгие годы считается одной из наиболее дисциплинированных, а ее руководитель — кондотьером высокой марки. Никто не знает, по чьему поручению он, собственно, действует. Но то, что он работает не за собственный страх и риск, для каждого ясно, потому что мировоззрение его чрезвычайно узко даже для флотского офицера, не имевшего во время войны возможности в должности командира эскадры миноносцев расширить свой политический кругозор. Знаменитыми стали его слова, с которыми он обратился 13 марта 1920 г. у Бранденбургских ворот к «рейхсканцлеру» Каппу: «Мы благополучно вас доставили сюда, теперь покажите, что вы умеете управлять государством!».

Не существует ни одного заговора против германской республики, ни одного политического убийства, ни одной конспирации внутри республиканских войск или флота, с которым бы не было связано как-нибудь имя этого человека. Его не сразу поймешь, и он человек влиятельный: в то время как после ликвидации капповского путча были изданы приказы об аресте всех занимавших руководящие посты путчистов, Эргардта не трогают. Он постоянно бывает в министерстве рейхсвера и достигает немислимого: республиканские власти выплачивают его наемникам ту «премию верности», которую пятнадцатый канцлер Капп обещал своим солдатам в награду за верную службу во

время путча! Приказ об его аресте публикуется лишь 25 мая 1920 г. К тому времени он уже давно в безопасном месте.

Организация «Консул»

В этот промежуток времени Эргардт завязывает сношения с баварскими правительственными органами. Его флотская бригада расформирована, но продолжает существовать под мистическим названием «Организация Консул». Из этого тайного союза капитан Эргардт, «консул» или «шеф», как его называют, создает сплоченную организацию против республики и пролетариата. Члены ее все без исключения бывшие флотские или армейские офицеры, которым нечего терять, но которые могут выиграть все, которых приводят к присяге особе без памяти обожаемого вождя Эргардта. Большинство этих людей — Керн, Фишер, Хустерт, Ольшлегер, Хельмут, Тиллессен, Шульц, фон-Киллингер и фон-Саломон — вошло в историю германской республики как деятельные участники или укрыватели убийства министра Эрцбергера и Ратенау, покушения на бывшего министра-президента Шейдемана и бесчисленных других террористических актов. И почти все бывшие члены организации «Консул» играют впоследствии руководящую роль в нац.-соц. партии и организации ее штурмовых отрядов...

«Связи»

Мало-по-малу активистское движение начинает приходить в систему. Баварская полиция бесцеремонно передается в распоряжение реакционных сил. Приказ об аресте Эргардта не может быть приведен в исполнение в Баварии. У консула связи. Ему покровительствуют не только националисты в баварском правительстве: с Эргардтом и в других местах считаются. В военном министерстве республики его также не хотят обидеть: в то время как его еще разыскивают именем закона, республиканское верховное командование постановляет вновь выдавать государственному изменнику пенсию отставного королевского капитана жорвета, выдача которой была временно приостановлена. Почтальон, который ежемесячно приносит ему на дом эти деньги, находит его. Государственная прокуратура якобы не может его найти.

Весной 1923 г. Эргардта в Мюнхене по ошибке все же арестовывают и доставляют в дом предварительного заключения в Лейпциге. Но уже в июле 1923 г. кой-кому из его приверженцев удается освободить его из тюрьмы. Он бежит в Мюнхен и получает тут, как до и после него многие другие государственные изменники, фальшивый паспорт, избавляющий его от назойливости бестактных судебных властей...

Оборона или нападение!

Баварские боевые союзы это, как говорится официально, союзы обороны, созданные и поддерживаемые исключительно на случай необходимости вооруженного вмешательства при попытках коммунистического переворота, с которым якобы надо считаться. В дей-

ствительности же всякий знает, что в один прекрасный день ружья сами выстрелят, когда настанет для этого время, и что объединяющей целью всех этих организаций является отмена веймарской конституции и «наказание ноябрьских преступников». Национальная освободительная борьба против Франции, лозунг, под которым главным образом агитируют в северной Германии в национально-активных кругах «фелькише»¹, в пропаганде баварских союзов естественно отступает на задний план. Игра в франко-баварский союз считается еще далеко не проигранной...

Чтобы понять, насколько подготовленной была почва для агитации Адольфа Гитлера, который в это время впервые выступал на массовых собраниях, необходимо учесть это состояние неимоверного возбуждения полумиллионного города, в котором каждый встречный говорит о расправе с «ноябрьскими преступниками», о разгроме республики, о восстановлении монархии или установлении диктатуры. Нац.-соц. партия все больше и больше становится выразителем воли национальных активистов в среде мелкой и средней буржуазии. Германская национальная народная партия, партия реакционеров во что бы то ни стало, застывшая в своем феодализме, никогда не находила в себе достаточного размаха, чтобы увлечь рабочую массу пропагандой широкого масштаба. Да она никогда серьезно и не задавалась этой целью, если не считать поддержки совершенно невлиятельных христианских профессиональных союзов. Германская народная партия, клуб избранных, представляющая строго определенные интересы, никогда за время своего существования не думала о чести стать массовой партией. Да и условия для этого у нее чрезвычайно неблагоприятны: вовлечение в текущую политическую борьбу хозяйственных вопросов с самого начала вызывает к ней подозрительность той части мелкой буржуазии, которая сохранила еще здоровое недоверие к «богачам». Баварская народная партия, наконец, болеет своим прошлым, когда она была верной опорой клерикальной реакции и как таковая не стяжала себе особенных симпатий среди городских избирателей, считавших себя просвещенными и либеральными.

Путь для Гитлера открыт

Путь для новой партии, в которой радикальные активистские тенденции буржуазии смешиваются с псевдосоциалистическими побуждениями, открыт. Гитлер видит его, вступает на этот путь — и имеет успех. Масса, которая, затаив дыхание, слушает тирады «барабанщика», — социологически совершенно фантастическое явление. Приверженцы Гитлера набираются в 1921 г. из всех буржуазных партий. Они слышат от этого нового человека все те же старые декла-

---

¹ Понятие «фелькише» соответствует этимологически русскому понятию «народники»; но ввиду того что с названием «народники» у нас связано понятие о революционном мелкобуржуазном движении, в то время как «фелькише» представляют собой контрреволюционное движение, мы оставляем везде или просто немецкий термин «фелькише» или же описываем это понятие «национал-фашистский». Характерные черты «фелькише»: понятие расы как основной категории, воинствующий антисемитизм и попытка опереться на массы. (Прим. перев.).

мации, которые они постепенно полюбили и к которым привыкли: «Сбросим Веймар! Сбросим Версаль! Долой социализм!» Основные различия, примерно отличающие партикуляриста Густава фон-Кара от пангерманца капитана Эргардта или мелкого буржуа Гитлера от близкого вительсбахской политике санитарного советника Питтингера, политического руководителя хаймвера, для них, понятно, остаются скрытыми. Энергичная контрпропаганда совершенно отсутствует в Мюнхене: коммунизм разбит в Баварии белым террором, неделями свирепствовавшим в Мюнхене после разгрома республики советов. Агитационная сила социал-демократов была сильно ослаблена якобы доказанной идеологической связью с правительством советов. В итоге — мелкобуржуазная публика, политически совершенно несознательная, мягущаяся из стороны в сторону между тоской по доброму старому времени и романтическим представлением о лучезарном будущем, не удавливающая в речах Гитлера ничего кроме совокупности всех тех политических инстинктов, которые присущи классу мелкой буржуазии уже десятилетия: антисемитизм, миссия германского народа...

Социологический хаос

Приказчик, состоящий в гражданской милиции, студент, клянущийся именем Эргардта, офицер, служащий в учреждении рейхсвера по вольному найму, заплывший враг поляков из организации «Оберланд» — все они видят в Гитлере своего политического вождя. Все они ничуть не считают факт своей принадлежности к союзу обороны с особой ярко выраженной политической тенденцией препятствием для того, чтобы чувствовать себя приверженцами нового нац.-соц. движения и в духе последнего проявлять свою деятельность:

Гитлеру вначале приходится бороться с трудностями; его верность пангерманской идее вызывает недоверие к нему духовенства. Связь, которую он завязывает с Людендорфом, ему также вредит в глазах баварских патриотов, считающих Гитлера поэтому опасным. Некоторые промышленные круги называют его мелкобуржуазные социальные устремления социалистическими. Его даже однажды выпроваживают за «большевистские идеи» с митинга баварских тайных организаций, в котором принимают участие вожди отдельных союзов. Но он не унывает, пристаёт к вождям реакции и добивается того, что те по истечении короткого времени признают его человеком, с которым необходимо считаться.

Радикализация мелкой буржуазии

Начинающаяся инфляция радикализирует мелкую буржуазию. Оккупация Рурской области французами вызывает в кругах националистов бурю негодования и усиливает тайные мечтания, которые всегда существовали: ожидают, что ответственные имперские органы власти решат выступить против оккупационной армии. Из самых различных союзов наспех составляются отряды, направляемые в Рурскую область. Они насчитывают в своих рядах людей, которые выдвинулись в боях с революционным движением и в войне верхнесилезских частей самообороны против Польши. Организуются акты

саботажа в надежде поставить правительство перед совершившимся фактом, от последствий которого оно не сможет уклониться. На массовых митингах и тайных собраниях вождей открыто борются против прокламирования правительством пассивного сопротивления. Надеются, что партизанская война в Руре перейдет в великую освободительную войну, после которой автоматически наступит доброе старое время.

Черный рейхсвер и война — реванш

Имперское правительство энергично сопротивляется этим попыткам. Но в военных кругах считаются со всякими возможностями. В министерстве рейхсвера делают вид, что опасаются, чтобы вторжение французов в Рурскую область не вызвало нападения Польши. Насколько действительно серьезно считаются с этой возможностью, трудно определить. Во всяком случае это обстоятельство дает желательный повод, чтобы пополнить легальный рейхсвер нелегальными союзами.

«Черный рейхсвер» размещается в III военном округе, в окрестностях Берлина и в провинции Бранденбург. Снова привлекаются отечественные союзы. Молодые люди, стремящиеся попасть в набираемые кадры, убеждены, что со временем смогут принять участие в подавлении предполагаемого коммунистического восстания и попутно ликвидировать республику. Жуткая атмосфера бражничания оружием, национального воодушевления, конспираций и истерического страха, перед выдачей политически нелегального рейхсвера Антанте или хотя бы даже только прусской полиции, порождает десятки убийств, раскрытие которых много лет спустя наполняет ужасом и отвращением немецкое общество.

Инфляция продолжается: 4 августа 1923 г. американский доллар стоит 4 700 тысяч бумажных марок. Мелкая буржуазия в неслыханном отчаянии. Мало-по-малу начинают понимать, что это невиданное ограбление мелкокапиталистических слоев вовсе не является стихийным бедствием, которому невозможно противиться. Но эти опасные выводы парализуются ненавистью к республике и социализму, который якобы виноват в этом ограблении народа.

Одновременно с этим в различных частях Германии вспыхивают революционные движения. Агитация коммунистов приобретает все большие размеры. В головах пролетариата укрепляется мысль о «советской Германии». События вынуждают принять какое-либо решение.

Приходят к соглашению

В то время как возбуждение населения достигло точки кипения, совершается незамеченный общественностью решающий поворот: уже в августе 1923 г. начинаются переговоры между рурскими промышленниками и французской оккупационной армией. Обе стороны признают преимущества полюбовного соглашения. Французы начинают приходить к выводу, что при сопротивлении рабочей массы эксплуатация оккупированной зоны не даст тех выгод, на которые они рассчитывали. Немецкие промышленники предвидят неминуемый крах пассивного сопротивления, на которое правительством

затрачиваются баснословные суммы, но одновременно они учитывают невозможность перехода от пассивного сопротивления в наступление, пока главная индустриальная область Германии в руках у врага. Кроме того они опасаются, что судя по угрожаяющим признакам со стороны коммунистического движения, желанное национальное освобождение может пойти по линии пролетарской революции. Отечественным союзам дают директиву оставить Рур.

С заключением договоров общества «Микум»¹ ликвидацию рурской авантюры можно считать законченной и мысль о войне с Францией, как месть за Рур, решающими кругами окончательно отброшенной.

Но стихийное и искусственно поддерживаемое возбуждение мелкой буржуазии уже не дает над собой командовать. Инфляция продолжается: 1 октября доллар стоит уже 240 миллионов марок, несколькими днями позднее — 600 миллионов, потом миллиард, 3 миллиарда...

В саксонской и тюрингенской республиках образуются социалистические министерства, в которые — в первый раз за все время существования германской республики! — входят даже коммунисты. От рабочих! правительства требуют вооружения рабочей массы. В воздухе пахнет путчистскими планами. Похоже, что пришел конец германской — республике.

Новые задачи реакции

Восстановление рурской промышленности совместно с французами и крах пассивного сопротивления ставят реакцию перед иными задачами. Отказываются от лозунга национального освобождения, которое могло бы быть достигнуто только в борьбе против Антанты, и ограничиваются внутривойсковыми целями. Всеобщая растерянность и замешательство достигают фантастических пределов. Никто не знает, что нужно делать.

В «оплоте порядка — Баварии» из этой невиданной неразберихи выкристаллизовывается под конец лозунг: «В бой против красного Берлина!». В неустанных выступлениях Гитлер, как Муссолини в Италии, доказывает необходимость сокрушить социализм путем похода на Берлин. Никто его не удерживает от открытого провозглашения этой государственной измены. Господин фон-Кар и баварский министр-президент фон-Книллинг, командующий войсками Баварии генерал фон-Лоссов и начальник баварской полиции полковник фон-Зейссер, — все они поддерживают Гитлера в этом и способствуют вооружению и организации национальных боевых союзов, как только могут.

Но за этим видимым единодушием скрываются веские противоречия, которые ни Гитлер в своей мелкобуржуазной ограниченности, ни генерал Людендорф в своем «пангерманском устремлении» не в состоянии понять.

---

¹ Смешанное германо-французское общество, осуществлявшее по соглашению Ратенау — Люберзак поставки натурой в покрытие германских репараций (Прим. перев.).

Диктатор Кар

26 сентября германское правительство прекращает пассивное сопротивление. Через день после этого фон-Кар назначается генеральным государственным комиссаром Баварии с неограниченными полномочиями; баварская республика объявляется на военном положении, под прикрытием которого сейчас же издаются некоторые резко антисоциалистические распоряжения. Так, между прочим, объявляется всеобщий запрет стачек, для подкрепления которого используются давно отмененные постановления промышленного регламента.

Спустя лишь несколько часов после объявления Баварии на военном положении правительство в Берлине решает на давно уже подготовлявшееся мероприятие: рейхспрезидент Эберт передает, на основании § 48 имперской конституции, исполнительную власть военному министру Гесслеру, который передоверяет ее отдельным дивизионным командирам имперского войска. Диктатором Германии является генерал фон-Зект, глава верховного командования. Зект сумел создать себе репутацию скрытного человека, за молчаливостью которого, охотно сравниваемой с молчаливостью Мольтке, скрываются великие планы спасения Германии. Симпатии, которыми в кругах реакции пользуется в общем генерал Зект, не служат препятствием тому, чтобы он казался отдельным реакционным вояждям весьма подозрительным. Недавно судебным властям пришлось заняться заговором против него, который был инспирирован германским советником юстиции Классом. Но никогда не будет против этого советника юстиции выдвинуто обвинение в подстрекательстве к убийству...

Бавария самоопределяется

Двойственность военного положения: одного — имперского, другого — баварского, имеет для разрешения вопроса, кому же принадлежит в Баварии легальная исполнительная власть, причудливые последствия. По имперскому военному положению командующий войсками Баварии генерал фон-Лоссов является государственным комиссаром для Баварии, по баварскому же военному положению — господин фон-Кар. В Берлине как будто не хотят видеть действительных намерений Кара. Во всяком случае открытый саботаж, который Кар противопоставляет диктатуре Зекта, не препятствует тому, чтобы глава верховного командования попросил баварское правительство о поддержке в предполагаемом вводе войск рейхсвера в Саксонию и Тюрингию. Кар удовлетворяет эту просьбу: во главе состоящей исключительно из членов отечественных союзов армии в 10 тысяч человек, которой дается название «временной полиции», он ставит капитана Эргардта и посылает его в северную Баварию. Этот кондотьер со своей армией располагается на границе Баварии и Тюрингии, готовый по первому требованию ввести в последнюю свои войска. «Участок Кобург», которым командует Эргардт, делается местом сбора войск национальных активистов юга в борьбе против красного Берлина.

Что Кар поручает эту задачу именно разыскиваемому имперским правительством для предания суду по обвинению в государствен-

ной измене Эргардту, нельзя считать исключительно преднамеренной провокацией по отношению к берлинскому правительству. Кар вырос в школе виттельсбахской иезуитской политики: цель оправдывает средства. Он ни разу не отказался от своих сепаратистских планов, в проведении которых в жизнь пангермански настроенные боевые союзы, считающие своими вождями Гитлера и Людендорфа, были бы наибольшим препятствием. Эргардт, которого эти боевые объединения считают своим безусловным союзником, приносит в качестве приданого в новый союз с господином фон-Каром симпатии этих людей, сила сопротивления и бдительность которых парализуются этим удивительным маневром.

Тонкие различия

Решающих противоречий, отделяющих боевые союзы Гитлера от политики господина фон-Кара, не видят ни Гитлер, ни Людендорф. И прежде всего остается совершенно неучтенным один фактор — генерал фон-Зект.

На севере в это время происходят крупные события. В то время как Гитлер снова и снова проповедует необходимость похода на Берлин, вооружает свои отряды и старается уговорить ответственные власти Баварии пойти совместно с ним, из кругов рейхсвера разносятся слухи, что Зект якобы хочет создать национальную директорию, которая должна занять место парламента. Промышленные круги, уже не заинтересованные со времени отказа от пассивного сопротивления в пангерманском движении в Мюнхене, дотолпользовавшемся сильной финансовой поддержкой, обещают этой предполагаемой директории полнейшую поддержку...

Кюстринский путч

Но «простецкие солдатские умы» путчистов, переполненные до предела восторженными мечтами о великом грядущем сведении счетов, приходят в отчаяние от смутно ощущаемого конфликта внутри национального фронта. Майор Бухруккер, вождь черного рейхсвера провинции Бранденбург в добром намерении принять наконец какое-нибудь решение — мобилизовал и пополнил значительные вышние предусмотренного уставом подчиненные ему нелегальные отряды. Зект, усматривая в этом самочинстве опасность для официальной политики рейхсвера, привлекает Бухруккера к ответственности и издает приказ об его аресте. Но один из офицеров в министерстве рейхсвера (еще двенадцать лет спустя находившийся на активной службе в рейхсвере), подполковник Хельд, своевременно оповещает Бухруккера, тот бежит в Кюстрин, бьет тревогу и, во главе черного рейхсвера, пытается овладеть крепостью, которая занята регулярными войсками рейхсвера. Комендант крепости полковник Гудовиус отказывается перейти на сторону мятежника Бухруккера. Бунтовщики удерживаются в крепости Кюстрин два дня — с 30 сентября по 1 октября — и сдаются после непродолжительной стрельбы прибывающим активным частям рейхсвера. Бухруккера и его офицеров берут под арест...

«Кюстринский путч» грозит вызвать разрядку высокого напряжения, внутри отечественных союзов. В одну секунду становится

ясным, что Зект преследует свои собственные цели, несколько не совпадающие с целями национальных активистов. События начинают развертываться с неимоверной быстротой.

Война против Саксонии и Тюрингии

10 октября имперское правительство объявляет поход против Саксонии и Тюрингии. Этим достигнута вершина политического попустительства. В то время как французы стоят у Рура, германский рейхсвер собирает свои войска на границах Саксонской и Тюрингенской республик, не заботясь даже особенно о том, чтобы найти хотя бы мнимую причину для такого образа действий. В Саксонии и Тюрингии в правительстве сидят социал-демократы и коммунисты — этого достаточно, чтобы имперское правительство дало свое согласие рейхсверу ввести туда войска! Не существует больше «исконного врага». Важнейшая задача республиканского правительства — не допустить, чтобы на развалинах инфляции выросла германская социалистическая республика. Под командованием генерала Мюллера войска рейхсвера вторгаются в Саксонию и Тюрингию. Министерство смещается безо всякого правового основания. Начинается дикий террор против социалистических и коммунистических рабочих. Массовые аресты, зверские истязания стоят в порядке дня и никогда не являются предметом даже простого судебного расследования. Белый террор в Средней Германии. Министры в Берлине могут спокойно спать: господин фон-Зект спас капиталистическую республику.

У южной границы завоеванной во время мира немецкими войсками немецкой территории стоят шайки Эргардта, готовые к прыжку, и дожидаются, когда путь в Берлин будет свободен. Надо опасаться стычек баварской «временной полиции» с отрядами имперского правительства. Спешат курьеры из Кобурга в Мюнхен, из Мюнхена в Берлин, из министерства рейхсвера к его отдельным южногерманским отрядам...

Баварская фронда

За это время конфликт баварского и имперского правительств крайне обострился. Кар переходит к открытой борьбе против имперского правительства, выяснив предварительно, что отделение Баварии не вызовет со стороны Антанты военных контрмер. Распоряжения генерального государственного комиссара становятся все агрессивнее. Так например государственная прокуратура издает приказ об аресте вождя верного Кару боевого союза «Рейхскригсфлагге». Капитан Хейс своими бунтарскими речами провинился против статьи закона об охране республики. Кар путем простого распоряжения отменяет этот имперский закон для баварской республики!

Одновременно с этим он отдает распоряжение о том, чтобы баварская служба имперской железной дороги и почты подчинялась впредь лишь приказам генерального государственного комиссариата, а не распоряжениям законных берлинских властей. Его открытая оппозиция правительству доходит до того, что он не пропускает транспорта с золотом, который нюрнбергское отделение

имперского банка хотело отправить в Берлин. Все грозные протесты берлинских властей разбиваются о медный лоб баварского шовиниста Кара.

Теперь наконец Зект решается дать распоряжение командиру 7-й дивизии рейхсвера генералу фон-Лоссову — вооруженной силой добиться в Баварии исполнения распоряжений законного имперского правительства. Зектом был запрещен орган нац.-соц. партии «Фелькишер Беобахтер» за непрерывное подстрекательство к государственной измене. Кар допускает, чтобы газета эта появлялась и впредь. Лоссову дан приказ вмешаться, но генерал этот не подчиняется и несмотря на все приказы Зекта остается при своем нежелании идти против распоряжений Кара.

Лоссов снят

Зект решается на крайность: он снимает генерала Лоссова с должности и оповещает об этом всех подчиненных Лоссову командиров. На эту меру командующий войсками Баварии отвечает тем, что, недолго думая, решается все стоящие в Баварии отряды рейхсвера объявить неподвластными имперскому правительству и заставляет их принести присягу баварской республике, т. е. Кару. Лоссов утверждает, что действует при этом в интересах империи, чтобы избежать гражданской войны между Баварией и имперским правительством, и называет это приведение к присяге «принятием обязательства». Подчиненные ему генералы — на его стороне.

Партикуляризм шествует вперед. Кажется, что восстановление вительсбахской монархии может стать действительностью. Со всех сторон в Мюнхен съезжаются легитимисты. Адмирал Хорти посылает эрцгерцога Иосифа, Муссолини тоже посылает представителя, экс-король Болгарии переселяется в Мюнхен, наконец приезжает и б. императрица Цита, чтобы блюсти интересы габсбургской династии при близящемся разделе Средней Европы. В то же время папа созывает в Риме конференцию баварских епископов, которая должна обсудить политику ближайшего будущего...

Лозунг все еще прежний — «борьба против красного Берлина», — объединяющий мелких буржуа и реакционных активистов, партикуляристов и пангерманцев.

Время созрело, но для чего?

На процессе Гитлера — Людендорфа генерал Лоссов дает в своих показаниях выпуклую картину той роли, которую ничего не подозревающий мелкий буржуа Гитлер сыграл в этом высокополитическом представлении: «Гитлер полагал, что нельзя дожидаться выработки программы. Можно преспокойно начать править страной, а программа уже приложится впоследствии... Гитлер держался мнения, что не имеет смысла искать в Берлине людей для будущей директории. Да это якобы и вообще ни к чему, так как нужный человек уже имеется — это он сам, Гитлер...» Очевидно, хотят во что бы то ни стало что-то предпринять: время созрело, но для чего?

Гитлер, политический барабанщик, который должен был мобилизовать массы под лозунгом пангерманской капиталистической директории, забывает взятую на себя роль, которую враждующие со-

братья по реакции предоставили ему с редким единодушием: он не желает больше быть только агитатором, он сам хочет быть диктатором. Но его ограниченный политический ум не может разобраться в этой комедии разнородных интересов и интриг. Он видит вокруг себя одних лишь «патриотов», которые хотят заняться чисткой этого «свиного хлева в Берлине». И больше ничего. Поход на Берлин становится у него навязчивой идеей, которой все должно быть подчинено. За это время политика реакции уже поставила себе совсем иные задачи, но Гитлер ничего не замечает.

Мелкую буржуазию не спрашивают о ее мнении. Кошмарное возбуждение, которое охватило мюнхенские путчистские организации, не имеет практически ни малейшего значения: разрешение вопроса о том, что будет впереди, совсем не там, где предполагают Гитлер и его приверженцы...

Неприятные сюрпризы

В начале ноября полковник полицейской службы фон-Зейссер едет в Берлин. Там он ведет разговоры с Зектом и остальными «господами с Севера», на которых уповает пруссак чистой воды Людендорф, надежды которого в свою очередь направляются всегерманским советником юстиции Классом. Зейссер возвращается в Мюнхен с тревожными вестями: в Берлине ему пришлось убедиться в том, что за спиной господина фон-Зекта стоят «решающие круги аграриев и промышленников», что Класс уже не хочет убить фон-Зекта, а собирается его поддерживать, что баварские попытки отделения Берлин встретит во всеоружьи, что пангерманское движение с целью создать директорию, которое должно было исходить от Мюнхена, в высших правительственных кругах будет сочтено несвоевременным. Лоссов и Зейссер начинают колебаться, Кар—или его клерикальные хозяева—не находит в себе мужества для принятия решения.

Национальные круги Севера высказались, при специальном участии в этом решении «Стального шлема», за директорию, во главе которой с диктаторскими полномочиями должен стоять генерал фон-Зект. В помощь ему должны быть даны Штреземан как директор по иностранным делам, среднегерманский сахарозаводчик Рабетге как директор по делам народного хозяйства и крупный землевладелец граф Каниц в качестве директора снабжения. Генерал, промышленник, крупный землевладелец и профессиональный политик, на протяжении всей своей жизни бывший лишь экспонентом одной из групп тяжелой промышленности, — эта предполагаемая директория воплощает все надежды, связываемые с ликвидацией республики.

Более далеко идущими планами не интересуются, особенно же о какой-либо диктатуре Гитлера—Людендорфа настолько не приходится и говорить, что лишь в безнадежно ограниченных головах мюнхенских «революционных» политиков может серьезно возникнуть мысль, что возглавляемое этими вождями движение «против красного Берлина» могло бы снискать себе в северной Германии хотя бы малейшее одобрение.

Между тем как мюнхенские идеалисты вооружены до последнего патрона для марша на Берлин, между тем как истерические воодушевленных на борьбу добровольцев, которых заставляют дожидаться более выгодного момента, грозит прорвать дисциплину путчистских отрядов, между тем как газета «Фелькшпер Beobachter» падает дикие истерические вопли,—свершается судьба мелкой буржуазии, которая молится на нового человека—Гитлера. С юга выступает в поход взбунтовавшаяся мелкая буржуазия. В Гамбурге начинается коммунистическое восстание, с которым полиция одна уже не может справиться. Посылается на подмогу рейхсвер и военные моряки; баррикады, грохот орудий, пожары, раненые и убитые...

Германская республика переживает кризис. Имя властителя ее фон-Зект.

4 ноября главнокомандующий рейхсвера обращается ко всем командирам и начальникам гарнизонов с циркуляром: «Борьба в Руре и ее исход потрясли Германию в ее основах. Предательское вторжение Франции и Бельгии в имперскую область, хозяйственная нужда, приводящая народ к границе отчаяния,—все это нас не сплотило, а наоборот разожгло борьбу партий до крайних пределов.

Коммунистический переворот в Гамбурге только что ликвидирован вмешательством полиции и имперского флота, но не сломлена решимость коммунистов повторить переворот, как только обострение нужды и политической борьбы представит новую возможность для этого. Возросли, с другой стороны, мощь и количество приверженцев тех, кто видит спасение Германии только в возможно скорой замене существующей системы правления национальной диктатурой. Баварские национал-социалисты требуют похода на Берлин».

Сигнал к отступлению

«За все время, что я занимаю этот пост, я всегда держался взгляда, что нас спасет не та или другая крайность, не внешняя помощь или внутренняя революция, откуда бы она ни шла—слева или справа,—а лишь тяжелый труд и трезвое отношение к создавшемуся положению. Только это даст нам возможность существовать дальше. Этого мы можем достигнуть лишь на почве закона и конституции... Пока рейхсвер силен своей внутренней дисциплиной и непоколебимым доверием к его вождям, до тех пор никакой враг государства нам не страшен, до тех пор государство останется единым, до тех пор не угаснет надежда видеть Германию свободной и великой...»

Воззвание главы верховного командования кончается обращением к командирам служить исключительно «государственно-политической необходимости» и не допускать в армии какой бы то ни было «партийной борьбы»: «Рейхсвер, сохраняющий единодушие и повиновение, непобедим и является сильнейшим фактором в государстве».

Партикулярист Кар теряет свою уверенность. Генерал Лоссов начинает понимать действительную силу главнокомандующего, которая до сих пор недооценивалась. Для баварских сепаратистов ситуация становится критической: средство борьбы, которое они создали для достижения своих целей долголетней упорной работой, пангерманские путчисты грозят выбить из их рук. Недоверие и дикая злоба как болезнь врываются в казавшийся до тех пор таким сплоченным фронт южногерманской фронды. Каждый думает, что должен защищаться от другого: Гитлер от Кара, Кар от Людендорфа, Гитлер от Зекта, Лоссов от Зекта и Гитлера...

Варабанчик подбивает и толкает к решающему шагу. Кар все еще колеблется дать первый толчок для похода на Берлин. Ведь ему этот лозунг служил лишь для того, чтобы добиться поддержки пангерманских активистов в защите особых баварских прерогатив! Эта фикция грозит потерять свой смысл. Кару приходится вести борьбу со своими собственными креатурами; высшие чиновники государственного комиссариата проповедают за свой страх и риск поход на Берлин и идут наперекор планам своего начальника. И самым мощным в этой злосчастной неразберихе является человек, о котором перешептываются лишь посвященные: его высокопреосвященство кардинал фон-Фаульгабер, архиепископ епархии Мюнхен-Фрейзинг...

Пангерманская революция давно уже потеряла свое первое поражение: Только вожди ее никогда не уяснили себе, что тут дело шло о большем, чем о незначительной потере престижа.

Густав фон-Кар прорвал фронт «боевого союза», в который под предводительством Гитлера слились сепаратистские и пангерманские союзы. Эргардт был первым, который поддался. Он сам все еще командует «участком Кобург» и ждет сигнала к выступлению. В Мюнхене он оставил своим заместителем капитан-лейтенанта Кауттера, которому подчинена эргардтовская боевая формация «Викинг-бунд». «Викинг-бунд» и «Рейхскригсфлаге» официально выходят из «боевого союза» и становятся на сторону Кара. Своевременно были завязаны связи с советником юстиции Классом, который подал сигнал Эргардту...

Стиннес не хочет платить

Во всеобщей суматохе остается незамеченной короткая заметка, которую газеты дали петитом: Господин Гуго Стиннес решил расстаться со своим многолетним главным директором Фридрихом Мину. Внутреннее дело фирмы Стиннес? Нет, это явный симптом гибели пангерманской революции.

Гуго Стиннес, некоронованный король Германии, с невиданной беззащитностью разгромивший десятки крупных концернов, фанатик наживы, почти мистическая личность, месяцами субсидировал пангерманское движение. Мину, всемогущий министр в царстве Стиннеса, поддерживал сношения с революционерами во круг Людендорфа и Гитлера. Его считали будущим заправкой хозяйства пангерманской директории. Теперь его господин и хо-

зьяни отмахивается от него. Мину опять лишь незначительный безработный директор. Но Гитлер и Людендорф остаются к этим симптомам глухи и слепы...

Безрассудный барабанщик

Эти угрожающие симптомы остаются незамеченными и фанатизированной массой забунтовавшейся мелкой буржуазии. Она все еще опьяняется представлением о возможности восстановления доброго старого времени; верит в определяемый нац.-соц. идеей и сознанием миссии германского народа идеал германской революции и бессмысленно повторяет за барабанщиком пароль, который тот годами вбивал им в мозги и в бессмысленности которого грозно разряжается исторический трагизм обреченного на гибель класса: «В бой против красного Берлина!»

Продолжается шатание из стороны в сторону идеалистических глупцов, которые с закрытыми глазами проходят мимо крупных хозяйственных и политических явлений и в отчаянии бунтовщиков с мольбой цепляются за идеал вождя, политического мессии, германского сверхчеловека: «Гитлер! Гитлер! Гитлер!»

И никогда еще вера масс не была обманута более жестоко. Революционизирование мелкой буржуазии опутывается и глущится зарослями экономических фактов, рядом с которыми нет места для класса, называемого мелкой буржуазией, а есть место лишь для своры отчаявшихся, озлобленных, бешеных собак с мертвой хваткой, которым высвобождают головы для того, чтобы они могли хватать зубами врагов капитализма.

Апокалиптический страх бытия умирающего класса выливается в дикий призыв: «Гитлер! Гитлер! Гитлер!»

Никогда еще крик ужаса не был так тесно оплетен ложью, как этот крик мучительной агонии: умирающие хватаются за живых и душат их, умирая. Революция мелкой буржуазии кончается фашизмом, слепой, сумасшедшей злобой против германского социализма, чьей целью является освобождение и мелкой буржуазии.

Призвание Гитлера

«Гитлер! Гитлер! Гитлер!»—катится зов во мгле ноября 1923 г. Гитлер?

Необходимо призадуматься.

Необходимо присмотреться к портрету этого маленького буржуа, человека, который заставил массу поверить в призрак «германской революции» и который предал этот живой идеал, чтобы самому стать знаменем германского фашизма.

ПОРТРЕТ МЕЛКОГО БУРЖУА

ОН ДАЕТ О СЕБЕ СПРАВКУ

Государство это цель в себе. Сохранение государства это цель в себе. Сохранение государства служит сохранению армии. Сохранение армии служит государству, но армия и сама опять становится целью. Для национал-социалистической идеи государство является средством к цели. Гарантировать эту проблему — вот задача государства.

(Адольф Гитлер на лейпцигском процессе рейхсвера, 1930)

Этот сплошной бред не является продуктом мысли психически больного, неспособного связно мыслить: это стенографически точные слова человека, в которого шесть с половиной миллионов немцев верят так, как только можно верить в человека! И слова этого путаника никто не встречает издевательским смехом! И эта непреднамеренная жестокая пародия на недомыслие кабацкого оратора не уничтожает этого человека, не превращает его в посмешище!

Гитлер — мессия

Нет: шесть с половиной миллионов немцев верят в этого человека, как только можно верить в человека.

Проблема эта вовсе не называется Адольф Гитлер. Проблема влияния на массы этого слабоумного не есть психологическая проблема, — это проблема социологическая. Гитлер мог бы говорить еще больше глупости, немецкому мелкому буржуа эта пошлая болтовня все же оказалась бы откровением. Этот человек совсем не стоит изучения. Но он — портрет мелкого буржуа, он иллюстрирует исторически-мировой эпизод, и поэтому нужно с ним ознакомиться.

Плохая раса

«Впервые я увидел Гитлера вблизи. Лицо и череп — плохая раса, помесь. Низкий, убегающий назад лоб, некрасивый нос, широкие скулы. Коротенькая, и зирину носа, четкая усьба придает его лицу нечто особенно вызывающее. Выражение лица не сдержанно повелевающее, а безумно возбужденного человека. Мускулы лица переполнены дерганьем. И особенно на лице разлитое выражение счастливого самоудовольствия. Таким его видит человек, которого никоим образом нельзя заподозрить в том, что он марксист, еврей или прислуживающийся к евреям: профессор фон-Грубер, президент Баварской академии наук.

«Кто его наблюдает, тот через пять минут приходит к выводу, что придется еще долго ждать появления северной расы господ, которую собирается парадить Гитлер. То неудачной, то разбитой, он всегда был далеко от той замкнутой сдержанности, которая является следствием внутренней, возмозной свою задачу уверенности вождя. Случается, что он принимает парад стой, с руками сложенными на животе, как берлинская квартирохозяйка. Ни один из его жестов не закончен, не сглажен. В каждом сквозит болячка выдвинувшегося незначительного человека, который все время бормочет, что в чем-то оплошал, но еще не знает, будет ли это замечено. Время от времени он делает попытки к большей декоративности, но это всегда кончается неудачей, как и все, что он делает, всегда будет обречено на неудачу. Но самое сногосшибательное — это плетка, без которой он почти никогда не появляется. Не подумайте, что это какой-нибудь длинный хлыст для верховой езды, которым диктатор в гневе ударяет по голенищу, чтобы этим подчеркнуть обязательность или срочность исполнения какого-либо приказа. Нет, — это собачья плетка, с толстой серебряной ручкой и истрепанным кожаным ремешком. Иногда он держит ее в руках как жезл, и получается впечатление, что вот-вот раздастся звонок к началу циркового представления. Эта плетка — символ: она слишком коротка. Плетка эта ничемная, как и сам этот человек. Но именно поэтому он стал вождем масс, Клеоном немецкого междоусобия. В нем великий найдет себя, и подражать его криканию, его сипловыванию никому не трудно. Для этой массы все, что бы он ни сделал, будет хорошо...» Таким видит его человек, веривший некогда в будущность барабанщика, национальный революционер Вейгад фон-Мильтенберг.

Гитлер — вождь масс? Фантазия мелкого буржуа чья, как господин Мюллер представляет себе внаслетыв Герман. Таков Адольф Гитлер, родившийся в 1889 г. в Браунлау у австрийского Инна...

На досуге своего тюремного заключения Гитлер написал книгу, в которой он отчитывается в своих эвических стремлениях, вынудивших его к попытке германской революции. Эти стремления ему казались достаточно великими и эвическими, чтобы принести в жертву восемнадцать жизней, 9 ноября 1923 г. погибших под градом пуль баварской полиции на площади перед зданием Фельдгертауле в Мюнхене.

«Моя борьба»

И эта книга называется «Моя борьба». Моя? Почему не упоминает он о тех свидетелях кровавых дел, о той пробуждающей Герман, которой должны принадлежать мир и будущее? Почему не об освободительной борьбе нац.-соц. партии?

Почему? «Государство — это я» — эта блестящая формула была последним жестом, для которого собрал свои силы умирающий абсолютизм.

«Моя борьба» Адольфа Гитлера это больше, чем заголовок книги, это символ окончательной и безвозвратной гибели германской мелкой буржуазии в фашистской диктатуре. Не народ уже, не класс, толь-

ко лишь сумасшедшее опьянение властью взбесившегося мелкого буржуа: «И, я Адольф Гитлер!»

Хроникеру национал-социализма приходится взять на себя много неприятного, ему нужно пробить себе дорогу через ложь, искажение и пошлое непонимание, чтобы выбраться в конце концов к тем основам основ, на почве которых можно разрушить как картонный домик одним дуновением идеологический воздушный замок этой «рабочей партии». По самое ужасное, через что ему приходится пройти, — это прочесть те семьсот восемьдесят две страницы, на которых Адольф Гитлер изощряется в своей пошлой болтовне. Результатом этого чтения является не отвращение, ненависть или презрение: это только лишь стыд, жгучий стыд, что в 1930 г. эта книга могла разойтись «на родине поэтов и мыслителей» в количестве 84 тысяч экземпляров.

1000 слов по-немецки

За Гитлера стыдно не потому, что этот национал-фашистский обвинитель не может писать по-немецки. Хотя и не совсем приятно наткнуться на каждой странице на неправильно употребленное «этот самый, та самая, то самое». Можно примириться и с комическими перлами красноречия, вроде «зуб времени, который уже высунул не одну слезу». Хотя очень трудно оставаться серьезным, когда читаешь: «жесткий кулак судьбы, который мне открыл глаза», или: «Германия борется в тисках разъяренной гадюки». Или комичное смешивание «ибо» и «постольку-поскольку». Или вот еще: «Ища Колумба рассеяны сотнями тысяч вокруг, только Колумб можно встретить уже реже». «Основание, на котором стоит партия, это — рукоятка щита народа...»

Не в этом дело. Нельзя господину Гитлеру ставить в упрек, что он не подучился — как более умные из его товарищей по партии — у марксистов или еврейских литераторов применению немецкого языка.

Но ищешь в этой пугающе толстой книге хотя бы какой-либо новой мысли, не бывшей в головах людей и не пережеванной тысячи раз. Но не находишь ни одной. Буквально! Находишь такое ужасное нагромождение общих мест, что сам в себе начинаешь сомневаться: не может ведь этого быть, чтобы этому набраннику шести с половиной миллионов решительно ничего было сказать.

Но это так.

Но тут еще и другое: Гитлер мог бы этой книгой, в которой он дает отчет о своей жизни, дать человеческий документ громадного значения, которого не умалили бы ни его дешевое красноречие, ни плохой стиль. Для этого ничего не требовалось, кроме честности к самому себе. Но автобиография Адольфа Гитлера не есть исповедь ищущего человека. Это фарисейское самооправдывание и лживость, без стеснения выдвигающая себя в центр мироздания и не знающая ничего об искании и борьбе, о сомнениях и самопознании. Обыватель окидывает взором пройденную жизнь и находит, что все хорошо и прекрасно.

Инстинкт чистоплотности восстает против этого жалкого произведения. Но оно типично. Не столько для Адольфа Гитлера, сколько для его окружения. Этот человек в своей книге зловещим инстинктом угадал как раз то, что нужно, чтобы убедить и увлечь немецкого обывателя. Таким образом, читая автобиографию Гитлера, написанную в возрасте 35 лет, надо обращать внимание не столько на то, что он говорит, сколько на то, для чего он это говорит.

Конечной тенденцией его книги является не историческая истина, а лишь подчеркивание того, что он и еще раз он — избранный вождь Германии. Этой тенденции должно все подчиниться, и она приводит его к грубейшим психологическим абсурдам.

«Счастливейшей участью мне кажется сейчас, что судьба мне именно Браунау на Ринне наметила местом рождения. Лежит же этот городок на границе тех двух немецких государств, объединить которые вновь, — по крайней мере для нас, более молодых, — является целью жизни, к которой мы стремимся всеми средствами». Что «судьба» знает, что она хотела, это само собой разумеется, как мы потом увидим.

Отец его — таможенный чиновник, который, перейдя на пенсию, покупает крестьянский двор в окрестностях Ламбаха. Гитлер говорит «именно». Здесь мальчик вырос. «В это время во мне наметились мои первые идеалы. Постоянное пребывание и жизнь на дворе, дальний путь в школу и общение с грубыми парнями, сильно огорчавшее иногда мою мать, все это дало мне возможность стать кем угодно, но не кабинетным человеком... Мне кажется, что уже тогда стал развиваться мой ораторский талант в форме более или менее настоячивых объяснений с моими товарищами. Я стал маленьким вожаком...»

Маленький вождь

Должен был появиться на страницах книги маленький вождь, чтобы попасть в стиль тех ни перед чем не останавливающихся рассказов из книги для чтения, которыми десятилетиями забивались головы учеников немецких народных училищ. Рассказ о богатом торговце или великом генерале, который «уже маленьким мальчиком» играл шашкой или собирал каждую булавку и каждую пуговицу от штанов, продавал и конечно этим неправдоподобным способом разбогател, а под конец отвозил свою обожаемую мать в свой замок. Это меццианин понимает, это на него действует. «Вы читали? Уже маленьким мальчиком...»

Но дальше еще лучше: маленькому вожаку понадают и руки рассказ из франко-германской войны. Можно вычитать, что ему тогда могло быть десять лет от роду. И что же он делает? Читает с горящими щеками о кровавых схватках и воспроизводит эти впечатления и воспоминания о пролитом и диком драках? Ничего похожего! Адольф Гитлер делает совсем другое: «Впервые, хаги и неясно, стала передо мной вопрос, есть ли и каково отличие между сражающимися немцами и теми другими? Почему же и Австрия не приняла участия в этой войне? Почему не отец и все другие тоже?»

Разве мы не то же самое, что и все другие немцы? Разве мы не принадлежим все к одному целому? Эта проблема впервые стала вращаться в моем маленьком мозгу...»

Рано упражняется...

Маленький десятилетний Адольф начинает задумываться над проблемой национальностей. «Хотя и неясно». Но это длится недолго. Представления проясняются, и в 13 лет он уже хорошо разбирается в немецкой политике национальностей. А это объясняется, кроме гениальности Адольфа, еще воздействием профессора д-ра Леопольда Петча, который когда-то преподавал историю в реальном училище в Линце и таким образом вошел в мировую историю. Послушайте Гитлера: «И здесь то же правило, что и при чтении и учебе: существенное запоминать, несущественное забывать». Гитлер печатает эту очевиднейшую истину из-за ее оригинальной важности в разбивку. «Возможно, что это имело значение для всей моей дальнейшей жизни, что мне выпало на долю счастье именно по истории иметь учителя, который сумел, как очень немногие, в преподавании и проверке знаний сделать этот взгляд основным. В моем тогдашнем профессоре—д-ре Леопольде Петче в реальном училище в Линце это требование (какое?) было воплощено истинно идеальным образом. Старик, добродушный и строгий в одно и то же время по отношению к ученикам, особенно своим блестящим красноречивым смог не только фиксировать наше внимание, но по-настоящему увлечь нас». И от этого учителя зависело, что Адольф Гитлер считает возможным сказать о себе: «Когда и теперь спустя столько лет взвешивая результат этого периода жизни, то я вижу два ярко выделяющихся, особенно значительных факта: во-первых—я стал националистом; во-вторых—я научился вникать в смысл истории». Это и заметно.

И в том же духе дальше: не случается ничего, в чем бы Адольф Гитлер не усмотрел перет расположенной к нему судьбы, наметившей его в вожди Германии. Это самомнение своими размерами и безысходной глубиной действует почти обездаривающе.

«Художник»

Все это пересыпано индизаниями: борьба между отцом и сыном из-за выбора будущей профессии. Адольф хочет стать «художником», отец хочет его сделать чиновником. Этот конфликт разрешает опять-таки доброжелательная судьба: «В тринадцать лет и неожиданно потерял отца. Крепкого еще в остальном господина хватил удар и безболезненным образом завершил его земное существование, что повергло нас всех в глубочайшее горе». В остальном еще крепкий господин уже не мог противиться художественным планам Адольфа, и когда спустя два года умирает мать, путь к профессии художника открыт.

Академия в Вене его не принимает. Адольф в отчаянии, начинает думать, что его влечет к архитектуре, и хочет стать строителем. Так как он не сдал выпускных экзаменов, этот план остается пустой мечтой, и самолюбивый молодой художник опускается до профессии рабочего—до чернорабочего на стройке.

То, что Гитлер говорит о своем превращении в антимарксиста, до того пошло и невероятно, что великий перелом в его жизни—если его вообще следует отнести к этому периоду—надо объяснить себе иначе, чем он это представляет.

Гитлер думает, что может заставить поверить нас в то, что семидесятилетний голодающий и отчаявшийся чернорабочий пришел к следующим выводам уже в первую пору своего существования как пролетарий: «Уже тогда я видел, что только двойным путем можно прийти к цели улучшения этих (социальных) условий: эти пути—глубочайшее чувство ответственности для создания лучших основ нашего развития в соединении с грубейшей решимостью к истреблению неисправимых наростов». Эти «наросты»—разве это могло бы быть иначе?—алые марксисты, которых Гитлер тогда еще называл социалдемастами, как он сам говорит об этом с добродушной насмешкой над таким юношеским непониманием. Превращение в антимарксиста совершается в нем бешеным темпом. Так ясно, так поистине, что этот голодающий подручный, который только что еще сам с горечью отмечает, что каждое посещение театра для него означает лишший день голода, что этот молодой человек из этого грустного факта не может вывести другого заключения, кроме следующего: «Подобно грозовой туче уже тогда висел свободный профессиональный союз над политическим горизонтом и существованием каждого в отдельности. Он являлся одним из наиболее страшных инструментов террора против безопасности и независимости национального хозяйства, устойчивости государственной власти и свободы личности... Таким образом я уже тогда познакомился с этим другим человечеством. С течением времени мой взгляд на него расширился и углубился, менять его мне не пришлось».

Ведь Адольф Гитлер, обновитель Германии, прыгнул в этот мир уже законченным и созревшим героем, готовым и совершенным, как Афина из головы Зевса.

Не достаточно ли этих примеров?

Страх перед жизнью пролетария

Если не поленишься проследить психологическое развитие господина Гитлера, придешь к другим выводам. Никогда Гитлер не был рабочим, никогда не был пролетарием. Он всегда оставался мещанином, ограниченным обывателем, тем, кто оторвавшись от своего класса, не смог найти в себе другого чувства, кроме ненависти к пролетарию, с которым он фактически стоит на одной социальной ступени.

Мещанин, который имея несчастные крохи незаконченного образования, видит себя стоящим недосягаемо высоко над рабочим, которого он никогда не познал и никогда не поймет.

Случайные замечания освещают ситуацию чернорабочего Гитлера явнее, чем дальнейшее в несколько страниц декламации о предательском характере социал-демократии: «Уже с самого начала было не очень приятно. Мое платье было еще в кое-каком порядке, мой язык пылок, мое поведение скромно...» Это звучит правдоподобно,

этому можно поверить, что он судорожно сторонился своих коллег по работе на стройке, чтобы не быть вовлеченным в пролетарское движение; что он яро отказывался вступить в профсоюз, потому что он видел в этом опасность для своей мелкобуржуазной исключительности. Свой отказ организовать он оплетает ложью возмутительнейших теорий о якобы преступной деятельности профсоюзов, а потом все же как-то опять возвращается к истине: «Я выливал свою бутылку молока и ел свой кусок хлеба (во время завтрака) где-нибудь в сторонке и изучал осторожно мое новое окружение или задумывался над моей несчастной долей». Несчастная доля, которая заставляла этого ставшего впоследствии вождем рабочей партии мещанина зарабатывать свой хлеб честным трудом!

Еврей-марксист

Так Гитлер научился ненавидеть и презирать пролетария. Он приходит к выводу, что еврейство и марканизм одно и то же: «Только знание еврейства одно дает ключ к пониманию внутренних и тем самым настоящих намерений социал-демократии». «Ключ к пониманию» он находит так же легко, как он нашел эту искаженную картину. Нужно было бы цитировать все двадцать страниц, в которых молодой строительно-рабочий с незаконченным школьным образованием и не блещущий чрезмерной интеллигентностью, которого ни одна пролетарская организация еще не научила строгому мышлению берет за разбор вопроса о еврействе.

Адольф Гитлер — мужественный человек. Скорее можно указать: отчаянный человек. Он не боится без стеснения выставлять агитаторские фразы своих зрелых лет результатом мышления своей юности, и таким образом получают изображения чрезвычайной комичности.

«Когда я как-то гулял в старой части города, я наткнулся случайно на существо в длинном кафтани и с черными локонами. Это тоже еврей? — было моей первой мыслью. Опи, правда, в Лице выгадали иначе. Я стал наблюдать за этим человеком незаметно и осторожно, однако чем дольше я изучал эти чуждые черты, тем определеннее этот первый вопрос принимал в моем мозгу другую форму: И это тоже германец? Как всегда в таких случаях я старался устранить свои сомнения путем чтения книг. Я купил себе тогда за несколько геллеров первые в моей жизни антисемитские брошюры...», и антисемит готов.

Человек, пришедший из ратуши

Настолько готов, что за рассказом об этом убедительном приключении с этим «длинным кафтаном и черными локонами» следуют длинейшие декламации об евреях. Отдельные подзаголовки посвящают этот ошеломляющий путь развития: «Превращение в антисемита. — Еврей как вождь социал-демократии. — Еврейская диалектика. — Марканизм как разрушитель культуры».

И уже здесь изблюбленные фразы национал-социалистов являются якобы продуктом мысли молодого Гитлера: «Разве существовало какое-либо безобразие, какое-либо бесстыдство в какой-либо форме,

прежде всего в культурной жизни, в котором бы не участвовал? Или бы один еврей?»

Не было такого.

Мы видим: то же пренебрежение к смешению еврейства с марксизмом, которое наблюдается уже у Штеккера и в начальный период политического антисемитизма в Германии. Но Гитлера это конечно не касается. Его германская миссия представляется ему самому в этих размышлениях как логическое соединение всех тех идеологий, которые мелкая буржуазия культивировала для обоснования своего бытия от собственных антикапиталистических устремлений.

После того как Гитлер в своей книге добрался до этого, он уже не может приостановить свою болтливость: вместо того чтобы теперь подвести фундамент под эти якобы повоприобретенные мысли, может быть путем критического разбора учения Маркса, он дает на шестидесяти страницах «общие политические размышления, относящиеся ко времени моего пребывания в Вене, в которых он, в качестве человека «принесшего из ратуши, дает точный прогноз судьбы Австрии. К сожалению все эти пророчества, которые он «уже тогда» высказывал, уже тогда, когда он писал свою книгу, стали действительностью. Но это его ничуть не смущает.

Незначительная жизнь

Внешние этапы этой жизни не имеют значения: после нескольких лет деятельности в качестве ремесленника в Вене Гитлер направляется «в качестве рисовальщика и акварелиста» в Мюнхен, где он после объявления войны записывается добровольцем на военную службу. При описании этого события бросается в глаза странное явление, с которым мы еще часто встретимся в описании его жизни.

О внешних событиях он повествует с удивительной неточностью. Тот факт, что он, будучи австрийцем, добровольно поступает на службу в баварский полк, он объясняет тем, что не захотел сражаться в рядах австрийской армии, в армии того государства, которое его политический гений признал созревшим для гибели.

Можно было бы «добровольность» его поступления на военную службу объяснить и иначе: так как он, вне всякого сомнения, уклонился от воинской повинности в Австрии, то ему не оставалось возможности и в дальнейшем, после объявления войны, от этой обязанности уклониться; его наверняка отправили бы в Австрию, где он конечно не пользовался бы тем моральным престижем, который он заслужил себе званием «добровольца» в Германии.

Хороший солдат

Допустим, что это неважно. Гитлер участвовал в качестве немецкого солдата в мировой войне, был дважды ранен, и нет сомнения, что он был хорошим солдатом. Странным кажется только, что хотя он упоминает о награждении его железным крестом первой степени, однако стыдливо умалчивает о факте своего повышения в ефрейторы. И он имеет свои основания: после революции мы застаем его

вдруг в Мюнхене «офицером-политинструктором» своего полка. В порыве честности Гитлер сам ставит в одном месте своей книги это обозначение в кавычки, но это ничего не меняет, и получается впечатление, что его, австрийца без «образовательного ценза», якобы произвели в офицеры.

Гитлеровское изображение мировой войны — это не что иное, как набор всех тех фраз, которые реакционеры всех мастей после войны постоянно употребляли: удар книжкой в спину, революционная агитация, наше доблестное войско, непобедимый в бою и т. д. «Для этого уже требуется настоящее еврейское нахальство, чтобы вину в крушении приписать военному поражению, в то время как центральный орган всех предателей страны «Форвертс» писал же, что германский народ на сей раз не посмеет вернуться победоносно со знаменем домой!»

В лазарете в Назевалке, где он лежит после тяжелого отравления глазами, он узнает о революции. Послушайте его: «10 ноября в лазарет пришел пастор и выступил с небольшой речью; тут мы узнали все. Я, до крайности возбужденный, тоже присутствовал при этом... Но когда старик пытался рассказать дальше и начал сообщать, что теперь нам нужно кончать войну, что наше отечество — так как мы войну проиграли и должны отдаться на милость победителей — подвергнется тяжелым притеснениям, что исермирие должно быть принято нами в надежде на великодушие наших бывших врагов, — тут я не выдержал. У меня полерзло перед глазами и я, шатаясь, добред до спальни, упал на свою кровать и спрятал свою горящую голову в подушку. Я не плакал с того дня, когда стоял у гроба матери...»

Тут он плакал.

Скорбь на могиле родителей

Могилы матери, у которой взрослый мужчина плачет, как маленький ребенок, должна была фигурировать, как и «маленький покаянный и общение с «грубыми парнями».

Портрет мелкого буржуа.

Рыдающий человек в спальне лазарета в Назевалке встает, протирает глаза и размышляет таким образом: «Кайзер Вильгельм II был первый германский кайзер, протянувший воздвиг марксизма руку для примирения, не подозревая того, что у него нет чести. В то время как они еще держали руку кайзера в своей, другая уже пощупывала книжку. С евреем не может быть соглашения, а только лишь твердый ультиматум. Я же решил стать политиком».

Словом, как это обычно происходит.

Карьера Гитлера как политика начинается с пробела в памяти. То, что он делал в 1919 и 1920 гг., даже для его самолюбования кажется недостойным упоминания. Ничего другого не узнаешь об этом, как только то, что он как-то раз во время советской революции в Мюнхене вызвал неудовольствие центрального совета, и его должны были арестовать. Но вы не знаете Гитлера: «Этих трех парней, при виде направленного на их грудь карабина, покинуло все их мужество и они ушли, как пришли, ни с чем». Один против трех Гитлер против всего мира.

Чем он вызвал неудовольствие центрального совета, мы не знаем. Страшным образом отсутствует в его книге какое бы то ни было описание борьбы после крушения власти советом. Белый террор в Мюнхене — где Гитлер? Может быть он участвовал в уничтожении красных паростов и умолчал перед потомством о своих подвигах? Это нелепо! Может быть он хотел сберечь свою ценную личность для более высоких задач и не пожелал выставить ее — говоря его слогом — на растерзание марксистской гадюке и ее ядовитым зубам?

Установление этого пробела в столь отлично в остальном функционирующей памяти Гитлера нельзя назвать высокомерием филолога. С его гениальной способностью «достигать внутреннего смысла истории» Гитлер непременно должен был бы заметить и обратить должное внимание на важность этой исторической детали. Он должен был предвидеть, что впоследствии о нем могут заговорить, как о человеке, который первые два года после революции — пока он еще не стал великим барабанищиком — был профессиональным оратором партии социалистического большинства!

Если это злословие не простая выдумка, то все, что Гитлер говорит о своем превращении в антимарксиста, явилось бы чистейшим вымыслом.

Тут мы находим ряд несоответствий, которые уже навряд ли когда-либо можно будет объяснить: После «освобождения Мюнхена» мы вдруг находим Гитлера в «комиссии расследования революционных событий во 2-м пехотном полку». Он, стало быть, остался в полку — простым ли ефрейтором рейхсвера или агентом правительства, это остается невыясненным.

Офицер или шпик?

Он сам видит себя вдруг «офицером-политинструктором» своего полка. Круг своих задач он описывает следующим образом: «Дисциплина в полку была в то время еще довольно слаба. Она еще не изжила последствий периода солдатских советов. Только совсем медленно и осторожно можно было перейти к замене добровольного подчинения — как красиво называли свиарник, существовавший при Курте Дйслере, — военной дисциплиной и беспрекословным подчинением. Также нужно было позаботиться в том, чтобы полк сам научился чувствовать и мыслить, как мыслят националисты и верные сыны отечества. В этих двух направленных лежала область моей новой деятельности. И приступил к ней ревностно и с любовью. Ведь мне сразу здесь представлялась возможность говорить перед широкой аудиторией. То, что я раньше, не зная по опыту, предполагал чисто интуитивно, сбылось: я мог говорить перед массой... Не могло быть задачи, которая бы озадачивала меня больше, чем эта... Многие сотни, пожалуй, тысячи моих товарищей я вернул за время моих выступлений моему народу и отечеству. Я национализировал полк и мог этим содействовать также укреплению общей дисциплины».

Что дал ему поручение «национализировать» полк? Если его работа действительно состояла в чтении докладов — то можно ему поверить, что он занялся этим делом «ревностно и с любовью», и необходимо знать, что он мог говорить перед массой. Но уже следующая глава дает любопытные указания насчет действительного значения этой его военной деятельности. Гитлер продолжает: «В один прекрасный день я получил от учреждения, которому я был подчинен, приказание посмотреть, что из себя представляет политическое объединение, которое под названием «германской рабочей партии» в ближайшие дни предполагало устроить собрание, на котором должен был выступать Готфрид Федер; мне было поручено пойти туда и представить отчет».

Так. Зачем же такая царьщеничность, господин Гитлер? Отсюда следует, что офицеру-политинструктору были даны задания, в выполнении которых обычно поручается людям с красивым немецким профессиональным названием «инициель»¹. Посещать собрания, давать о них отчет любое хорошо обетавленное немецкое гарнизонное командование имело на первых порах после революции такое «сведомительное отделение», но членам последних никогда не приходило в голову называть себя «офицерами-политинструкторами». Но здесь речь идет не о простом смертном, а об Адольфе Гитлере, который настолько разбирается во всяких тонкостях, что подчеркивает, что участники этих собраний были «главным образом из низших слоев населения». Вождь рабочей партии определяет очевидно своим «иницием» пролетариев и придает величайшее значение поддержанию функции, что он сам — офицер!... Менцзин.

Германская рабочая партия

Это первое посещение собрания германской рабочей партии имеет для Гитлера богатое последствием значение. Его первое впечатление от этого клуба идеалистов, цели и задачи которого, возможно, члены сами еще знали, двойственное: «Это же говорильня самого скверного пошиба! Чтобы я вступил в этот клуб!», восклицает он с возмущением, чтобы через несколько строк начать серьезно порицать это собрание за то, что оно так мало похоже на настоящее общество: «Я начал расспрашивать, но кроме нескольких тезисов ничего не оказалось: ни программы, ни листовок, вообще ничего печатного, никаких членских билетов, даже самой обыкновенной печати...»

Даже печати! Это должно измениться, и изменяется. Ведь Гитлер наконец нашел исходный пункт, с которого он может прыгнуть сделать прыжок в высокую политику. И это проходит без ослониваний, как все в жизни Гитлера: «Чем дольше я пытаюсь (пытаюсь!) задуматься над этим, тем больше росло во мне убеждение, что именно исходя из такого небольшого движения можно в будущем подготовить восстание нации...»

Почему господин Гитлер так думает? Если бы мы попросили объяснить нам, почему он (как раз) несурзаное считает разумным, он бы

¹ «Инициель».

составлен на достижении этого движения и победил нас этим несомненным доказательством. Опыт то же беззастенчивое смешивание правды и вымысла: движение это имело успех, и, Адольф Гитлер, в нем участвовал, невозможно, чтобы моя работа и эти успехи не имели друг с другом причинной связи, и вообще—благодаря моей политической гениальности и все предугадал заранее...

Член № 7-

И мелкий буржуа ему верит. Он верил бы также, если бы Адольф Гитлер стал утверждать, что плачевный исход гитлеровского путча был преднамеренным умыслом его вождя, который хотел дать своим подчиненным урок практики революции. Гитлер мог бы теперь перейти к делу. Он бы мог рассказать, как он сумел мобилизовать для этой «рабочей партии» людей с деньгами, которые этому движению давали в виде кредитов или подарков возможность устраивать массовые собрания. Ничего подобного. С фактом его вступления в будущую национал-социалистическую рабочую партию, в которой он был седьмым членом (партийности он, поистине, выказал намедленно), связана пространная глава о «причинах крушения». И тут Гитлер ассоциирует не задумывавшееся. Ничего, о чем он случайно в ту минуту думает, не остается неотмеченным, каждая тень какой-либо мысли, неопределенно промелькнувшей в процессе писания и сфере его сознания, аккуратно регистрируется. Отдельные подзаголовки дают представление об этом безнадежном хаосе мыслей: «Ошибка воспитания.—Монархические монархии.—Три группы читателей газет.—Государство и пресса.—Сифилис.—Стерилизация неизлечимых.—Большевизм в искусстве.—Монументальные государственные сооружения прежних времен.—Политическое злоупотребление религией.—Немецкие преимущества.—Стабильность монархической формы правления...» Так мысль сметает мысль. Правдвое рядом с неправдоподобным, само собой понятное рядом с совершенным абсурдом, и все это приравнено серьезным важнейшим подубобразно-значимым объектам.

В главе «Большевизм в искусстве» Гитлер говорит например следующее: «Большевизм в искусстве—это единственно возможная культурная и эстетическая форма и духовное выражение большевизма вообще». И после этой архаичнейшей физической болтовни он продолжает: «Кому это покажется странным...» Кому это покажется странным! Кому кажутся странным, что большевизм в искусстве выражается в искусстве большевизма.

Довольно: портрет мелкого буржуа готов.

Таков распорядок в сверххарактерной годовке мелкого народного грабуна Адольфа Гитлера!

Не психологическая, а социологическая проба

Поистине ли теперь, почему проблеме шарики этого слабоумного должно считать не психологической, а социологической. Любой парикмахер, который бы выстригал и причесывал нам подобный вздор, лишился бы в нашем лице посетителя. Об господстве Адольфа Гитлера из Браунау на Инне нельзя так просто отмахнуться.

Ведь на этого человека выдлит глаза не только шести с половиной

миллион нов его избирателей; на него обращены глаза критиков национал-социализма. Не существует ни одного человека в Европе, над духовным и умственным развитием которого большее число разумных людей ломало бы себе голову. Подергивание его бровей, истерический выкрик в «Фолькшпер Беобахтер», — и делают вид, будто мир начинает колебаться в своих основах. Все, что делает или не делает нац.-соц. партия, приписывается одному этому человеку, который всю организацию этой огромной партии скроил по себе и по своей диктаторской воле.

Но... Адольф Гитлер никогда не мог думать или действовать самостоятельно. Одно единственное раз он сделал отчаянную попытку пойти против желания большинства немецкого народа и настоять на своей самостоятельной политической установке. И этот единственный раз кончился для него так позорно, что любой другой, а не господь бог из Брауншвейга, умер бы от позора. Адольф Гитлер — отражение тех реакционных сил в германской республике, сущность и развитие которых мы подробно рассмотрели. Его заслуга состоит в том, что он, путем неустанной агитации, собрал все эти силы, соединил и назвал им приращение в могучей организации. Кому это пошло на пользу и для какой цели, сейчас уже не подлежит сомнению.

Его заслуга

Он отважился заполнить пустое место в программах капиталистической и мелкобуржуазной реакции призраком ложного социализма, бессмысленность которого — и это необходимо отметить! — он повидимому ясно сознавал с самого начала. Никогда после 9 ноября 1933 г. решение о пути, по которому пойдет нац.-соц. партия, не лежало в руках Адольфа Гитлера.

Он нуль, великое ничтожество, которое сознательно и по собственному желанию даст себя изнасиловать для целей, которые порождаются не «нац.-соц. идеей» или «германским социализмом», а лишь злобствующей и идиотской жаждой власти обезумевшего мелкого буржуа, который более сильными и умными распоряжается по своему усмотрению.

Мы видели, какими ошибками и недостатками страдала пропаганда реакционных идей в Германии до подъема Гитлера.

Мы увидим, насколько каждая отдельный пункт программы нац.-соц. партии вытекает из политических попыток доверенного времени вырвать мелкую буржуазию и колесницу капитализма. Остается только — чтобы придать законченность обрисовке нац.-соц. партии в ее ранней стадии — показать, что Адольф Гитлер, несмотря на свое напыщенное искусство изращения фактов, понимает это. Он понимал это уже тогда, когда в 1925 г. заканчивал свои мемуары.

Опасная болтливость

Потрясает откровенность, с которой этот ничего не подозревающий агитатор говорит о своих сокровенных намерениях! Гитлер с самого начала преследовал лишь одну цель: овладеть массой. Какими средствами и для какой цели — безразлично. И вот увидите, что этот вождь массовой партии может позволить себе преподнести этой повиновающейся ему массе: «С чисто военной точки

зрения прежде всего для каждого офицера будет ясно, что нельзя вести борьбу с внешним врагом при помощи студенческих батальонов и что кроме мозгов народа, необходимы и кулаки. Кроме того, нужно не упускать из вида, что национальная оборона, опирающаяся исключительно на круги так называемой интеллигенции, была бы настоящим расхищением невозместимого достояния. Горько ощущалось впоследствии отсутствие той молодой немецкой интеллигенции, которая погибла осенью 1914 г. на равнинах Фландрии. Это было лучшее, что имела нация, и было невозможно возместить эту потерю за время войны. И не только сама борьба невозможна, когда штурмующие батальоны не имеют в своих рядах рабочих масс, без внутреннего единства воли всего нашего народа невозможна и техническая подготовка борьбы...

Масса пролетариев служит нумерным мисом, чтобы не дать погибнуть интеллигенции, «лучшему достоянию нации», и сохранить ее для позднейшего эксплуатации массы!

Что такое политическая борьба?

«У меня тогда было и я поныне сохраняю его, твердое убеждение, что опасно слишком рано связывать крупную политическую борьбу с делами хозяйственного порядка. Особенно это относится к нашему немецкому народу. Ибо у нас в таком случае хозяйственная борьба немедленно отвлечет энергию от политической». Что понимает господин Гитлер под словами политическая борьба? Очевидно старание отвлечь пролетария от борьбы за экономические цели и сделать его послушным рабом капитализма.

Основную проблему «массы», проблему, которая не даст успокоиться ее урчащим желудкам и горящим головам, Гитлер смазывает таким елейным непониманием: «Национал-социалистический рабочий должен знать, что расцвет национального хозяйства означает его собственное материальное благополучие. Национал-социалистический работодатель должен знать, что счастье и довольство нанимающихся являются предпосылкой для существования и развития его собственной мощи. Национал-социалистические рабочие и национал-социалистические работодатели—и те и другие являются исполнителями воли всего народа в целом».

Что это означает? Ничего,—что все остается по-старому, что национал-социализм даст массе для примирения ее с ее бедственным положением новую идеологию, которая не изживает понятий эксплуатации и классовой борьбы, а лишь видоизменяет их.

Может ли мелкий буржуа вообще мыслить по-иному?

И над этой мусорной кучей, состоящей из денег о гармонии классов, умственной лени, трусости и мании величия, возвышается мысль о «вожде»—тот мелкобуржуазный верноподданнический идеал, который стал кошмарной действительностью в лице Адольфа Гитлера!

Гитлер—вожак стада баранов

Гитлер открывает «основной аристократический принцип в природе». И тут начинается прямо-таки слоновья психология. Массу он сравнивает с бабой, которая требует грубого обращения. Вся мировая история делается, по его мнению, меньшинством, которое

увлекает за собой руководящий ум, который и является «действительным посетителем идеи». Масса — это «стадо пустоголовых баранов», должна быть паслуема вождем. Масса ничего не знает, ничего не может, ничего не понимает. «Коллективное большинство» — это абсурд. Цель великой жизни — это борьба и чудесный вождь, берущий на себя руководство этой борьбой, который в своем богоподобии не трепещет ни перед чем: «Какая-нибудь гениальная идея возникает в голове одного...»

И идея национал-социализма возникла в голове Гитлера, и гения этого зовут Адольф Гитлер.

Но Адольф Гитлер лишь конечный пункт в линии развития немецкого идеализма, который в политике может проявить себя всегда лишь как союзник глубочайшей реакции.

Мильтенбергский удар винжалом

И Адольфу Гитлеру нанесен удар винжалом в спину, как германскому фронту в 1918 г. Один из его прежних приверженцев, человек, знающий его лучше, чем Гитлер сам себя когда-либо будет знать, написал на него жестокий памфлет. Это Вейланд фон Мильтенберг, и его брошюра называется «Адольф Гитлер — Вильгельм III». В ней доказывается памена Гитлера делу «германской революции».

Психологизирующие хроникеры, не могущие отделаться от того, чтобы считать ответственным за все случившееся одного единственного человека, найдут в этом удовлетворение. Но мы напрасно обижаем господина Гитлера: он тут не при чем. Национал-социалистическая идея, крайнее заострение «миссии германского народа», бегство от межклассовой гармонии, предпологающая, что классовые противоречия между буржуазией и пролетариатом можно устранить надличными средствами из аутентичного немецкого духа, — все это должно было неминуемо привести к фашизму. Безразлично, является ли Адольф Гитлер безумцем, глупцом или преступником. Движущие силы лежат не в нем и не в нац.-соц. партии.

Еще лишь несколько штрихов пера Мильтенберга, обрисовывающих этого человека, который 8 ноября 1923 г. пытался совершить германскую революцию: «В австрийце Гитлере жива еще гибкость прежних габсбургских подданных. Очаровательный, живой, милосердный, иногда упрямое и радугое, а иногда и улыбочное и нежное Юнкерманец во всем... Это придает всему его существованию характер мягкости, которая противна настоящему политику. Все его властные манеры — это все деланное, показное.»

«Он сентиментален до отрицания и в своих настроенных колеблется между Гриндингом и Шраером с внезапностью, которая далеко не по душе его северогерманским коллегам. Показательно, что вокруг него мало светловолосых людей...»

Он может сыграть любую роль, какую пожелает: от доброго малого, целующего несколько неулыбоче руку своей пожилкой подруге Вехштейн (за что она пожертвовала его делу свое имущество, как и свою фабрику ролей), до чуткого философа настроенного художника, которому жизнь наносит раны. Он мастер в торжественных рукопожатиях и закатывании глаз...»

С 9 ноября 1923 г. умирает Гитлер — национал-социалист. То, что потом следует,—это мучительное старание мелкого буржуа не потерять контакта с правящим классом. Воли и цели Гитлера, начиная с этого дня, практически не играют ни малейшей роли. Изредка ему еще удается добиться исполнения, вопреки воле партии и своим хвоям, своих личных желаний. Но все это лишь в мелочах.

Путь Гитлера, начиная с 9 ноября 1923 г. до наших дней,—это фантастическое сплетение разного рода линий, приводящих к германскому фашизму. Ничто не дает права сравнивать его, хотя бы отдаленно, с его горячо обожаемым образцом по ту сторону Альп: Муссолини—человек, изучением которого стоит заняться, потому что он и в своей глупости, в своем комедиагентстве, в своей беззащитной насильственности—человек крупного масштаба. Оценки, на которой мог бы примириться фельетонист, для Гитлера не придумасны: он не что иное, как разъяренный мелкий буржуа, для которого нельзя найти никакой другой эстетической формулировки, как слова из «Фауста»: «Ты думаешь, что сам толкать умеешь,—глядяшь, тебя ж толкают все вперед».

Не самый факт толкания его кажется нам требующим доказательства, а лишь разбор того, кому он дает толкать себя навстречу темному призраку, поднимающемуся над Европой,—фашизму.

ЧИСТО НЕМЕЦКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

«Будьте спокойны, уж как-нибудь намалдится! Только из-за темноты придется маленько обождать».

(Подполковник Крибель в ночь революции)

Чего хочет Гитлер?

Так выглядит человек, который в ночь с 8 на 9 ноября 1923 г. предпринимает срыв одного собрания, что на языке националистов называется «пангерманская революция». В историю германской республики она вошла под названием «революция в пивной».

Чего хочет Гитлер? Никто этого не знает. Знает ли он это сам? «В бой против красного Берлина!» И это все? Когда в Берлине правит генерал фон-Зект и имеет за собой все части рейхсвера? Когда путь в Берлин преграждают отряды рейхсвера в Саксонии и Тюрингии? Когда этот путь между прочим ведет мимо завода Лойна и через возбужденную до крайности среднегерманскую индустриальную область?

«Свинарник в Берлине должен быть очищен!» Но Берлин уже не свинарник, это главный город демократической республики, которая свое дальнейшее существование только лишь тем и обеспечила, что при всеобщем одобрении из якобы социальной превратилась в открыто капиталистическую.

«Не прекращать борьбы до тех пор, пока преступники 9 ноября 1918 г. не будут разбиты?» Это давно уже случилось. Они только не знают этого. А те, которые знают, гниют в тюрьмах и на каторге

или лежат, пробитые пулями в известковых ямах Гамбурга, в средней Германии, в Рурской области, на кладбищах в восточном предместьи Берлина... Их разбили без помощи господина Гитлера. Только Гитлер этого еще не знает.

Чего же он тогда хочет? Делать революцию. Очень просто. Лишь бы революцией!... «уж как-нибудь наладится». И налаживается...

Чисто немецкая революция. Революция по расписанию: с 9 ноября 1918 г. по 9 ноября 1923 г. Мы уже видели: Гитлер — человек, могущий «достигнуть внутренний смысл истории». Мировая история приравнивается к юлианскому календарю. Пять лет должен держаться прирак германской республики. Ровно пять лет. Ни минуты дальше. Внутренний смысл истории...

В сознании генерального государственного комиссара Густава фон-Кара 6 ноября смутно начинает оформляться мысль, что поход на Берлин, который должен дать возможность завершиться его сепаратистским мечтам, будет сопряжен с некоторыми трудностями. Он создает воюдей баварских боевых союзов и в длинной речи излагает перед ними, что он, понятно, как всегда настроен враждебно по отношению к правительству Штресемана, что он на Баварию будет продвигать черно-бело-красный вопрос; но что необходимо оговоркой предупредить к делу и не предпринимать ничего, не имея гарантий полного успеха. Это — отступление по всей линии, но в настолько скрытой форме, что каждый слушающий понимает эту речь так, как это нужно для его планов.

Подполковник Фрибель, посланный Гитлера, например получает впечатление, что господин фон-Кар несколько нерешителен. Его нужно подбодрить, начать делать революцию, тогда уже и он присоединится.

«Прыжок»

Гитлером и его офицерами насчет назначения революции на 8 ноября. А какая к ней подготовка? Никакой. Хотя у Гитлера имеются почти во всех городах Баварии штурмовые отряды, но он не стягивает их своевременно в Мюнхен. Ему также ситуация представляется таким образом, что Кару, Лессову и Зейссеру нужно «облегчить прыжок», тогда уже они пойдут вместе с ним.

О том, что должно следовать за этим первым шагом, этот патентованный революционер не задумывается. Все идеи, которые он когда-либо провозглашал, образуют в его мозгу один запутанный клубок, и если кто из его окружения задает ему практический вопрос, то в ответ получает лишь пустые фразы типичного оратора.

Гитлер готовится к революции.

Вечером 8 ноября господин фон-Кар по настоянию некоторых баварских промышленников решает выступить с программной речью и внести ясность во всеобщее замешательство. Коммерческий советник Ценц берет на себя функцию уговорить владельцев крупных пивоваренных заводов отпустить бесплатно пиво, чтобы «поднять настроение» на этом высокополитическом собрании. Снимают самый большой зал в Мюнхене, зал Бюргербрей, и чтобы запол-

нить зал для речи его высокопревосходительства, всем боевым союзам вменяется в обязанность посетить это собрание.

Золотые слова господина фон-Кара не сгущаются в программное заявление. Генеральный государственный комиссар еще не донел до половины словес речи, как вдруг начинается заменательство у входа в переполненный зал.

Болтовня

Появляется Гитлер. Закатывающиеся глаза, весь в поту; голос его срывается от волнения, он потрясает револьвером, за ним толчатся некоторые члены его штурмового отряда, тоже с револьверами в руках.

Крики, шум.

Гитлер векакивает на ближайший стол и стреляет в потолок. После этого он векакивает на трибуну, где за спиной Кара стоит также господа фон-Лоссов и фон-Зейссер.

После выстрела зал притих. Гитлер орет в толпу: «Началась национальная революция, зал осажден 600-ми вооруженных людей. Никто не смеет покидать зал. Баварское правительство свергнуто. Имперское правительство свергнуто. Составляется временное государственное правительство. Заняты казармы рейхсвера и баварской полиции, рейхсвер и полиция идут сюда под фашистскими знаменами...»

Мешты. В этих экзотических выкриках правда лишь то, что Гитлер со своими штурмовыми отрядами окружил шпигу и что его эмиссары из всех сил стараются склонить рейхсвер и полицию пойти вместе с ними.

Гитлер просит господа Кара, Лоссова и Зейссера последовать за ним в соседнюю комнату. В этой комнате происходит в высшей степени комическая сцена. Гитлер, революционер Гитлер, собирающийся захватить власть, умоляет и упрямничает законных представителей власти в Баварии примкнуть, ради бога, к революции. При этом он все еще держит в руке револьвер, и комната полна вооруженных до зубов гитлеровцев, направивших револьверы на трех эмигрантах в руку.

Personalia

С крайней поспешностью он излагает перед этими тремя свою программу: «Имперское правительство составлено. Баварское правительство смещено. Бавария—трамплин для имперского правительства. Она должна иметь государственного правителя. Пепер будет министром-президентом с диктаторскими полномочиями. Его превосходительство фон-Кар будет государственным правителем Баварии; имперское правительство—Гитлер, национальная армия—Людендорф, министр рейхсвера—Лоссов, Зейссер—министр полиции».

И тут Гитлер становится сентиментальным, как влюбленная горничная: «Я знаю, что вам, господа, очень трудно решиться, но шаг этот необходим. Я хочу облегчить вам первый шаг—каждый из вас должен залечь пост, на который его ставит... Вы должны теперь бороться дальше вместе со мной и вместе со мной победить или умереть».

Но господа эти не соглашаются. Они не хотят ни победить, ни уступить. Они хотят, чтобы их оставили в покое. Больше ничего.

Его превосходительство фон-Кар не в духе. Утверждают, что в час рождения национальной диктатуры у него не было никаких других ощущений, кроме досады на то, что Гитлер с поднятым револьвером вывел его из зала. Слышно, как он вше себя то и дело бормочет: «Быть таким образом запроваженным из зала! Невозможно!»

Вмешательство Людендорфа

Ситуация становится неприятной. Нужно принять решение за собственной ответственностью. Нет никого, кто в эти трудные минуты мог бы дать директивы представителям какой-либо баварской исполнительской власти. Ни делегат Муссолини, ни французский посол, господин Дар, ни кардинал фон-Фаульстабер. И это облегчает дело для Гитлера. Как *deus ex machina* перед изумленным собранием появляется генерал Людендорф. Его на автомобиле специально привезли в повзду, чтобы он своим присутствием придал торжественность национальной революции. «Господа, я так же поражен, как и вы. Но враз этот сделай, мы должны стать на защиту отечества, на защиту великого национального дела. Я могу вам только посоветовать: идите вместе с нами».

Кар старается принять какое-либо решение: «Хорошо. Но ведь все мы, собравшиеся здесь, монархисты. Я могу взять на себя правление Баварией лишь как наместник монархии».

Конечно монархии Виттельсбахов — той династии, которой совершенно безразлично «великое национальное, народное дело» и которая до сих пор дивала господину фон-Кару совершенно иные поручения. Но Гитлер — революционер, считающий себя защитником немецкой революции, ничего не имеет против наместничества господина фон-Кара. Наоборот, он принимает позу трагического величия. И обратите внимание на то, что даже в эти решающие минуты он не забывает выражаться изысканными формулами испанского придворного церемониала: «Да, ваше высокопревосходительство, именно для королевства, нашего жертвой бесстыдного преступления, важно взглянуть тяжелый проступок. Если ваше высокопревосходительство разрешит, я сам прямо в сопровождении поеду к его величеству и доложу его величеству, что германская движением будет заглажена и несправедливость, причиненная покойному отцу его величества».

Подмигивающие монархисты

Мелкий буржуа, который потел от сплошного почтения, чувствует себя до крайности польщенным, что вхож в общество таких знатных людей, к которым обращается «ваше высокопревосходительство» или даже «ваше величество». И это величество является родственником и единомышленником той династии Габсбургов, над которой Гитлер в своих мемуарах продвигает чашу своего гнева и презрения...

Следующие после этого сцены Вейгад фон Мильтенберг описывает таким образом: «После Кара соглашаются и Лессов и Зейссер,

которым Кар, как он сам утверждает, подмигнул, чтобы дать понять, что пока еще надо участвовать в разыгрывании этой комедии. Единственный режиссирующий для Кара момент—револьвер в руке Гитлера, хотя Гитлер воспользовался им лишь для салюта. Господин Кар, возможно, иначе и не подмигнул бы вовсе... Рука об руку верные королевской власти республиканцы и подмигивающие монархисты после этого направились обратно в зал, где разыгрывается второй, наиболее сильный акт этой комедии. Тут Гитлер произнес речь, которая имела бы право на место в «Симоницисс-мусе». Речь перед ничем не подозревающей пивной ареной.

Провозглашение правительства

Вот эта речь: «Кабинет Книлинга распущен, составляется баварское правительство. Я предлагаю правителем Баварии господина фон-Кара, министром-президентом Ценера. Правительство ноябрьских преступников в Берлине объявляется лишеным полномочий. Еще сегодня в Баварии, здесь, в Мюнхене, назначается новое германское национальное правительство. Германская национальная армия будет немедленно сформирована. Я предлагаю: до окончательного сведения счетов с преступниками, погубившими Германию, я беру на себя руководство политикой национального временного правительства. Людендорф берет на себя руководство германской национальной армией, Лоссов будет министром рейхсвера, Зейссер—министром имперской полиции. Задачей временного правительства является: соединенными силами всей Баварии и с привлечением всех германских областей пойти в наступление против греховного Берлина. Я вас теперь спрашиваю—за этой стеной стоят эти трое: Кар, Лоссов и Зейссер, и трудно им решиться,—согласны ли вы с таким решением германского вопроса? Вы видите, что нами руководят не самоопиение и корысть, а мы хотим взять на себя в последний час борьбу за наше германское отечество, мы хотим построить федеративное союзное государство, в котором Бавария займет то место, на которое она имеет право. Утро увидит или национальное правительство в Германии или нас мертвыми»...

На следующее утро—полнейший хаос, и господин Гитлер живес живых. Это первая клятва, которую Гитлер не сдержал, поскольку шансы на героическую смерть он без зависти предоставляет другим...

После Гитлера выступает Людендорф: «Тронутый величием настоящей минуты и пораженный, я отдаю себя по собственному почину в распоряжение германского национального правительства»...

Бог и путч

Сегодня мы ставим все на карту... Этот час является поворотным пунктом в нашей истории. Приступим совместно с остальным народом к нашей работе. Вели мы с чистым сердцем возьмемся за это дело,—все мы германцы душой, я не сомневаюсь в том, что божее благословение, которое мы призываем в этот час, будет с нами. Ничего не случается без божьего благословения. Я уверен и не сомневаюсь в том: господь-бог на небесах, когда увидит, что опять существуют нагряты, будет с нами».

Господин фон Кар: «В тяжчайший час нашего отечества и беру в свои руки судьбы Баварии, как наместник монархии, которая пять лет тому назад была разбита преступными руками...»

Нечер, Лоссов, Зейссер — все они дают национальной революции свое благословение, призывают германского господа-бога и тайно от великодушия и любви к отечеству.

Подполковник Крибель дает приказ взять под почетный конвой министр кабинета Киппальтса, которые также пришли послушать речь Кара. Их на главе с министром президентом сажают под арест в вилле книгопродавца-издателя Лемана.

Между тем революционерам удалось склонить на свою сторону некую школу. Один из гитлеровских эмиссаров уговорил находящихся в этом институте на обучении офицеров и прапорщиков рейхсвера, уже месяцами обрабатывавшихся в духе путча, профинансировать с фашистским знаменем и в полном вооружении перед местом собрания, где Людендорф принял этот парад. Туда приходит и союз «Оберланд» под предводительством д-ра Вебера и «Рейхскригсфлаге» с капитаном Ремом во главе, который все еще остается активным офицером рейхсвера. Кроме того Гитлер мобилизовал молодежные цанг, соц. штурмовые отряды...

Революционная диентльменская тактика

Что же дальше? Возьмет ли Гитлер этих трех подвратительно медленных союзников Кара, Лоссова и Зейссера под наблюдение, будет ли ставить препятствия тому, чтобы они спешились друг с другом и саботировали его мероприятия? Ничуть не бывало: революционер Гитлер доверчив, как дитя. Он верит этим трем на слово, что дело национальной революции — их общее дело. Забыты сенартистские наклонности Кара, забыты перенятельное честолюбие Лоссова, забыты описные информационные путешествия начальника баварской полиции полковника Зейссера в Берлин. Они ступили на почву революции, и Гитлер совершенно спокоен.

Еще одна несмелая попытка вывесить некоторые вопросы с господином фон Каром тут же, обсудить с ним необходимые практические меры. Но господин фон Кар устал, он хочет лишь спать, вечер, проведенный в лишив, его утомил, ему необходим покой, которого Гитлер ему от души желает: «Это и завтра утром еще успеется». «Конечно, ваше все окончательное решение, само собой разумеется».

И между тем как Гитлер с остерионением начинает править, триумфирует баварской неполнозательной власти идет своими путями и умает использовать время, предоставленное ему добродушием Гитлера.

Случилось иначе

Одним из важнейших пунктов программы национальной революции являлось немедленное занятие главного вокзала, чтобы «богатые девизами ежене не воспользовались последними ночными

скорыми поездами для бегства в Берлин». Революционные отряды находят вокзал занятым полицией, категорически отказывающейся уйти. Точь-в-точь то же на главном телеграфе. Гитлер и военный руководитель путча подполковник Крибель дают распоряжение занять генеральный государственный комиссариат. Национал-социалистические войска и там нападают на полицию. Предводитель группы Оберланда становится ступик, спрашивает, может ли он применить оружие, чтобы убрать отсюда полицию. Людендорф берет обратно приказ о занятии генерального государственного комиссариата. Только капитану Рему и его солдатам удается занять помещение штаба военного округа. Он арестовывает, на всякий случай, несколько офицеров и солдат, но командующего Лоссова там нет.

Лоссов между тем вошел в сношении с подчиненными ему генералами, приказал очистить казармы от вооруженных национал-социалистов и воспринять силой оружие всякой попытке овладеть казармой. Отбирается оружие в казарме саперов у группы «Оберланд».

Революционное руководство все еще заседает в зале Бюргербрей. Мало-по-малу эти господа начинают понимать серьезность положения. Хотят переговорить с Каром. Кара не пахнет дома. Где Зейссер?—Зейссер в одной из казарм рейхсвера... Лоссов?—

Занулисная игра

Лоссов тоже там. Наконец узнают, что господин фон-Кар отдал себя под защиту войск рейхсвера. К Лоссову в казарму посылают парламентаря. Парламентаря там арестовывают. Посылают второго, третьего—ни один их них не возвращается к Гитлеру.

При этом случае подполковник Крибель произносит незабываемые слова: «Будьте спокойны, уж как-нибудь паладитесь. Только из-за темноты придется маленько обождать».

Чисто немецкая революция.

Трудно установить, что происходило за кулисами в эти несколько часов. Известно лишь, что вскоре после собрания в зале Бюргербрей Кар разговаривает с министром просвещения Маттом, который избег участия остальных министров кабинета Киплингга, потому что не пришел на собрание. Матт является доверенным лицом баварской народной партии и кабинета Киплингга. Слова Матта могли бы с таким же успехом быть словами господина фон-Фаульгабера или Рупрехта фон-Виттельсбаха...

Примерно к половине одиннадцатого собрание в зале Бюргербрей закончилось. Только в 2 часа 50 минут передается по радио: «Кар, Лоссов, Зейссер относятся отрицательно к мюллеровскому путчу, вынужденное оружием в зале Бюргербрей признание объявляется недействительным, рекомендуется не злоупотреблять вышеупомянутыми именами».

Потребовалось четыре часа, прежде чем эти трое выступили с своим заявлением перед широкой публикой. Четыре часа, в течение которых имели место несколько телефонных разговоров. Ничего

большое. Его величество» перебрался в день, предшествовавший на-
чалу путча, в свой замок в Бергестаден...

Через два часа появляется второе сообщение, которое разъясняет
положение окончательно: «Наваррия и главные здания в наших
руках, рейхсвер и вспомогательные отряды государственной полиции
идут на помощь. Город спокоен».

Улучшенные возможности

Революционеры со своей стороны ничего не предпринимают. Или
предприимчивает тот, что: толпы национал-социалистов начинают
громить здание социал-демократической «Мюнхенер Пост» и в бога-
тых кварталах избивают прохожих, походящих, по их мнению, на
евреев. А Локсов может тем временем спокойно стигциать свои
отряды, может обсуждать с генералами Рунгом, Даниером и Крессом
вопрос о захвате штаба военного округа, и еще до рассвета призраки
германской революции улетучиваются. Государственная диктатура
Гитлер-Людendorff просуществовала примерно пять часов. Утро
9 ноября находит лишь горсточку удрученных, которые с бесконеч-
ным долготерпением все еще пытаются склонить на свою сторону
для дела революции трех вероломных

Гитлер пытается осознать то, чего уже спасти нельзя. Все важнейшие
пункты города заняты рейхсвером и баварской полицией, расчет
действительных намерений которой после событий этой ночи не мо-
жет оставаться ни малейших сомнений. Борьба была бы единственным
средством, которое еще можно было бы признать. Но вожди гер-
манской революции связаны с вождями вражеской стороны нераз-
рывными узами, в них прославается sentimentalность: и на вра-
жеской стороне стоят старые солдаты, любящие свое отечество,
вместе с которыми боролся четыре долгих года, стоя «аллегом и
часечу» на поле битвы.

Идеологическая связь с провинциальными классами дает себе чувство-
вать и обрекает на гибель попытку путча. Это знаменательный сим-
вол для всего, что сейчас совершается в нац.-соц. партии. Ну, а
Гитлер? Гитлер — agitator, человек массовых собраний, провозгла-
сивший себя диктатором, не знает другого исхода, кроме следую-
щего: «И поехал еще раз в зал Вюргербрей, чтобы там инструп-
тировать разных лиц. Они должны были провозносить речи и
заявлять снова в большом масштабе для нас общественное
мнение...»

Митинговые речи вместо революции

Прощность речи! Речь! Декламация вместо выступлений, демаго-
гические трюки вместо мероприятий: Гитлер наслаждается на револю-
ционной присудей ему отпечаток.

Рейхсвер мобилизован и приведен в боевую готовность нац.-
соц. инструкторов отрядов в Регенсбурге, распоряжение о чем было
дано Гитлером еще несколько дней тому назад. Штурмовой батальон
Ландехут под предводительством антикари Грегора Штрассера пре-
бывает в Мюнхен, когда уже давно все кончилось.

Революционный комитет видит перед собой лишь один единст-
венный шанс: организовать демонстрацию! Рейхсвер занимает мит-

через Изар, на всех важнейших перекрестках стоят полицейские отряды с карабинами и ручными гранатами. Доброжелатели обращают внимание Гитлера и Людендорфа на то, что солдаты и полиция могут открыть стрельбу. Но отрядная уверенность в том, что «рейхсвер» по стрельбе в национал-социалистов, так сильна, что Людендорф объявляет: «Мы будем маршировать!».

Итак они маршируют. Они пытаются таким образом делать революцию путем организации местного демонстрантов с замыкающими шествие вооруженными, идущими, как на прогулку, с винтовками за плечами. Шествие движется по городу и выставляет себя напоказ перед изумленной толпой. На рыночной площади раздается «ура!». От этого внезапного выражения одобрения Гитлер приободряется, хотя эта манифестация, при существующем положении, не имеет ни малейшего практического значения: перед Фельдгернгалле им преграждает путь отряд государственной полиции.

Кровь у Фельдгернгалле

Раздается выстрел из тяжелого орудия. Ружейная стрельба. Крики. Знамя с фашистским знаком скользит на землю. Тридцать человек раненых валяются на земле...

Среди демонстрантов начинается замешательство, они останавливаются, разбегаются.

Линия Людендорф марширует вперед, один-одинешенек, пока ему не преграждает путь ограда здания. Вокруг него пустота.

Гитлер лежит где-то позади на животе. Он не убит, он даже не ранен. Старый германский бог приберег его для более высоких задач. Гитлер лежит на животе, он лет не сам, когда грянул орудийный выстрел—ничуть не бывало: он придает значение установленному факту, что его потянул на землю маршировавший рядом с ним д-р фон-Шейбнер-Рихтер. Рихтер, в которого попала пуля.

Готовые на помощь товарищам партии убирают любимого вождя с линии огня, сажают его в автомобиль и доставляют в безопасное место, в то время как 18 убитых лежат на панели. Горсточка полицейских, руководимых молодым оберлейтенантом, один единственный выстрел из орудия—и этого достаточно, чтобы сломить революционный пыл тех сотен тысяч, которых Гитлер мнит идущими за ним. Никогда еще ни одна революция не была разбита в такой короткий срок...

Комедия после трагедии: после обеда 9 ноября господин фон-Кар отправляет вежливую телеграмму генералу фон-Зекту. Благодарит за любезное предложение помощи на подмогу баварскому правительству войск рейхсвера—в этом уже нет необходимости, незначительные разногласия в национальном лагере уже ликвидированы.

Люди устраниваются.

Борцы протягивают друг другу руку

Кроме восемнадцати убитых на поле брани остается мечта о дунайской монархии под предводительством Виттельсбахов и отеческим покровительством Ватикана. Цита и эрцгерцог Иосиф, господин Дар и капитан Мильорати зря себя утруждали: путь для республиканской политики, поворачиваемой резко вправо, открыт.

Состязание кончалось. Борцы протягивают друг другу руку.

А Адольф Гитлер, пангерманский диктатор, все еще не знает, почему его прекрасная революция разбита. В течение трех дней ему удастся скрываться в маленьком верхнебаварском местечке Уффинг. Потом его арестовывают и отправляют в следственную тюрьму— в крепость Ландсберг. Вместе с ним—частью еще в ночь на 9 ноября—арестовывают некоторых его сообщников.

Как бы это ни было неприятно для всех, нужно отдать под суд этих государственных преступников. Но прилагаются все старания к тому, чтобы этот процесс оказался не слишком неприятным для господ Кара, Лоссова и Зейссера и чтобы не причинить боли господам подсудимым.

Хорошая постановка

Дело «Гитлера—Людендорфа» слушается не в имперском суде, а в народном суде в Мюнхене. Этот народный суд—учреждение, вызванное к жизни во времена советов, которым впоследствии охотно пользовался белый террор, чтобы проталкивать неслыханные кровавые приговоры, не подлежащие обжалованию. Как все, что когда-либо было предпринято в Германии для защиты «революционных достижений», и учреждение народного суда оборачивается своим острием исключительно налево. 1 апреля 1924 г. предполагается наконец, после продолжительной парламентской борьбы, народные суды ликвидировать. Необходимо во что бы то ни стало закончить процесс до этого срока. После осторожного проведенного предварительного следствия, которое, не затрагивая настоящей сущности этого политического представления марионеток, занимается лишь второстепенными вопросами, 26 февраля 1924 г. в мюнхенском народном суде начинается слушание дела Гитлера и его сообщников, обвиняемых в государственной измене. Невадолго до открытия процесса директор баварского суда, который должен был быть председателем в процессе, переводится на более высокий пост. Председательствование возлагается на другого, а бывших отношений которого с класикальными кругами говорит весь город...

В одном нац.-соц. издательстве появляется анонимный стенографический отчет о процессе, начинающийся следующим образом: «Зал переполнен до отказа. В передних рядах сидят иностранные корреспонденты и патачивают карандаши, чтобы рассказать читателям утренних газет в Париже, Лондоне, Нью-Йорке о новейшей германской драме. В дипломатической ложе сидят представители союзных держав. Оркестр играет тихую, жалобную мелодию...»

Лео Манни, который присутствовал на процессе как корреспондент, описывает начало этой немецкой драмы несколько менее драматически. Но он совершенно согласен с нац.-соц. писателем в том, что этот процесс не что иное, как театральное представление:

Суд-спектакль

«Судебное разбирательство началось с внушительного пролога. За день до процесса покой Мюнхена был нарушен отточенными гулом ружейных залпов. Этим правительство хотело дать политическим национал-социалистам, что неблаготворительно с их сто-

роны пускаться на авантюру и что с рейхсвером шутки плохи. Стрельба баварской полиции в Обервизенфельде, пробная тревога стрелковых батальонов и жандармов, сосредоточение верных пфальцских частей рейхсвера в Мюнхене и окрестностях, оцепление вооруженными до зубов патрулями рейхсвера равных частей города, провололочные заграждения, окружившие превращенное в аданис суда бывшее военное училище, — все это было иступлением. Занавес поднялся.

Сцена представляла следующее:

«Столовая пехотной школы. Она похожа на аудиторию... Первое впечатление: здесь ведется не сверхнеприятное судебное следствие, это лишь закрытое собрание, на котором дискутируются некоторые серьезные политические вопросы. Все происходит очень чинно, очень академично. Избегают всякого ненужного обострения. Светские люди с положением, обвинители стараются блюсти права противника и оказывать справедливость в полной мере, даже если они совершенно иных взглядов... Тут нет посторонних, нет и барьеров, которые могли бы возбудить в подсудимом горькое чувство, что с ним здесь не будут считаться, что на него будут смотреть как на заклейменного. Судебное разбирательство? Нет, скорее семинарий по вопросу о государственной измене».

Персонажи драмы

Обвиняемые? Кроме Гитлера и Людендорфа обвинение предъявлено члену окружного суда Пеперу, назначенному для занятия поста баварского министра-президента; начальнику мюнхенского полицейского управления д-ру Фрику, которого предполагалось сделать полицейским президентом; д-ру Фридриху Веберу, взято германского издателя Ломана, который поддерживал путч в качестве предводителя союза «Оберланд»; капитану Рему, предводителю «Рейхскригсфлагге» и оберлейтенанту Брюкнеру, командиру нац.-соц. «Мюнхенского полка»; лейтенанту Вагнеру, который распорядился о приведении в боевую готовность пехотной школы, и отставному подполковнику Крибелю, которому ставится в вину командование мятежными войсками. Кроме того обвинение предъявлено пасынку Людендорфа, некоему отставному оберлейтенанту Пернету в том, что он утром 9 ноября конфисковал в двух крупных предприятиях деньги для революционных войск.

Уже по составу обвиняемых видно, что ни у кого нет желания включать в следствие ту государственную измену, которую совершал генеральный государственный комиссар Густав фон-Кар три года подряд, как и ту, в которой повинен генерал фон-Лоссов, выведший дивизию баварского рейхсвера из повиновения имперскому правительству.

А судебные защитники—как бы истерически они ни вскрикивали при каждом подходящем случае или горячо ли восхваляли великодушие и героизм своих клиентов—и они одобряют, предупредительно исполняя все пожелания о производстве следствия при закрытых дверях, то джентльменское соглашение, которое состоялось за кулисами. Таким образом остается только поведать об этом величайшем из всех фарсов, которые когда-либо разыгрывались в судебном зале германской республиканской юстиции.

Подсудимому Гитлеру дают возможность в четырёхчасовой речи изложить мотивы, которые его толкнули к революции в швейцарской Бюргербрей.

Слушаешь фанатизированного мелкого буржуа, который все снова повторяет старые фразы, в которых его агитации за три года уже исчерпала себя.

Гитлер еще теперь — в 1931 г. — считает свои речи перед мюнхенским народным судом исключительно счастливым внушением своего политического гения. Эти вспышки гениальности состоят из пошлостей, вроде следующей: «Марксистское движение это вопрос существования германской нации. Под марксизмом я понимаю учение, принципиально отрицающее значение личности, на место энергии ставящее массы и этим действующее разрушающе на основы всей культурной жизни». И это поразительное постижение сущности марксизма дает этому революционеру право на следующее политическое выступление: «Будущее Германии в уничтожении марксизма. Либо этот туберкулез расы будет процветать — и тогда погибнет Германия, либо он будет вытравлен из народного организма — и тогда будет процветать Германия... Для нас революция была уголовным преступлением по отношению к германскому народу, поком в спину германской армии. Необходимо было развязать новую борьбу и поднять народ против сбивающих его с пути марксистов, которые даже не принадлежат к германской расе. Вот почему марксистская проблема переиздается с расовой и стала труднейшим и глубочайшим вопросом нашего времени... Для нас ясно, что мы ничего не достигнем старыми методами пытки и управления. Правительство не может защищать движение идеологического порядка. Поэтому мы решались следовать правилу: для того, кто готов бороться духовным оружием, у нас есть дух, для других — кулак».

Мелкий буржуа — шовинист

Необходимо принять во внимание одно: во всех длинных речах Гитлера перед народным судом отсутствует социальная функция. Перед этим форумом нет необходимости надевать маску. Если вы упрекать буржуазию в чем-либо, то можно в лучшем случае говорить о незначительности ее национальной активности. Перед народным судом видит в Гитлере не мелкого буржуа с социальными претензиями, а мелкобуржуазного шовиниста, совершенно естественного с реакцией.

В конце концов этот процесс действительно трагедия: молодой вождь партии еще не научился охватывать взором действительные интересы капитализма и поэтому он должен потерпеть неудачу; поэтому он ничего другого не может придумать, как многократно апеллировать на «измену» Кара, Лоссова и Зейссера: «Фактом остается, что Кар, Лоссов и Зейссер преследовали ту же самую цель, что и мы, а именно: устранить имперское правительство с его тенернейшей интернациональной и парламентарной установкой и поставить на его место антипарламентское правительство. Если бы действительно

все, что мы делали, являлось государственной изменой, тогда надо было бы считать, что и Лоссов, Зейссер и Кар вместе с нами все время занимались государственной изменой, так как все эти месяцы ни о чем другом не говорилось, как о том, за что мы сейчас сидим на скамье подсудимых». Это вопрос, который сам по себе должен был бы быть совершенно безразличен для решений вопроса о наказуемости революционеров. Но так как никто не смеет обвинять представителей баварской исполнительной власти в измене государству, так как никто не заинтересован в том, чтобы раскрыть роль Виттельсбахов и Ватикана в этом процессе, начпаются бескопечные словесные состязания, не затрагивающие сути дела.

Гитлер декламирует: «Я чувствую себя, как лучший немец, который желал наилучшего для германского народа».

Председатель: «Как вы мыслили себе будущее революции?»

Гитлер: Сначала представлялась возможность полнейшего одорования Баварии. Кроме того было ясно, что в тот момент в Германии было вызвано к жизни сильное национальное т... Далее, обширные хозяйственные реформы можно было проводить лишь в том случае, если где-либо будет для этого существовать государственная база. И наконец это должно было оказать мощное влияние на развертывание событий в Берлине. Снятие с поста Эберта вынудило бы северную Германию поставить себе вопрос: будем ли мы бороться против Мюнхена, чтобы удержать Эберта? Для этого личность его высочества все же недостаточно значительна. Стало быть, за Эберта не стали бы держаться.

И этим была бы вконец исчерпана цель германской революции. Вы видите: незначительный персональный вопрос, ничего больше. От Эберта бы отступались, чтобы не быть вынужденными идти против Мюнхена.

Политика у стойки, революция в пивной...

В числе десяти обвиняемых генерал Людендорф и член окружного суда Пенер,—люди достаточно крупного масштаба, чтобы им можно было доверить роль, которую они собирались играть в драматургии.

Ультранационализм

Людендорф, упрямый пруссак, несговорчивый, упорный, единственный, решающийся в своих показаниях сказать закулисные стороны процесса. Он напомавет о сенаративных попытках крестьянского вождя Гейма и приводит под конец к таким неоправданным выводам: «Генерал и должен возбудить вопрос, затронуть который мне бесконечно тяжело. Я знаю, что лишь соглашение между вероисповеданиями может нас двинуть вперед, да и тогда все вероисповедания равны... Создание бесклассной Германии после раздробления Пруссии было идеальным национальным политикой, как она проявилась при объединении Германии и потом во время войны... Как реальная политика, в Пруссии и в Германии, в Германии неизменно фактически существовала, но не была признана. Мы не можем не оставаться нейтральными в отношении этой политики, но мы должны ее осудить. Наша идеология не должна быть признана, но мы должны ее осудить».

Гуре. Кроме того бросалось в глаза возрастающее покрытие пастисо стороны высшего духовенства евреям».

И Людендорф, после этого обеспокоивающего введения, дипломатично переводит речь на планы государственной измены наших патриотов и доказывает, что эти трое почти вплоть до 8 ноября были согласны с тем, чего хотел Гитлер и Людендорф. «У меня было впечатление, что Лоссов хотел искать у меня прикрытие. И обещал ему мое лояльное сотрудничество. Мне казалось, что он хотел организовать бунт, в котором он был повинен, каким-либо патристическим поступком... Это участие баварской государственной власти было решающим для моего участия во всем этом деле».

Людендорф поскользнулся

Обвиняемый Людендорф зашел слишком далеко. «Затем последние откровения подворится патнутое молчание. Людендорф задел неписанный закон, который здесь имеет больший вес, чем все статьи немецкого кодекса законов: говорить по существу не разрешается!»

Член окружного суда Ценер ведет себя совсем иначе. Осторожно иди, провинциальный господин, в чьих руках собирались многие души на концах которых танцевали марионетки вожногерманского патристизма. Человек, который много лет подряд был доверенным лицом Кара, пока между ними не возникли веские разногласия. Ценерг на последние, он с сентября 1923 г. опять сотрудничал с егеральным государственным комиссаром и опять-таки по инициативе той «авторитетнейшей стороны», которая в этом таинственном процессе играет такую большую роль. Ценер не скрывает своих убеждений, он не ратуаширует своих реакционных помыслов патристическими или социальными фразами: «Я не скрываю своего взгляда на вещи. Если то, в чем вы меня обвиняете, государственная измена, то и этим делом занимаюсь уже пять лет».

В протоколе к этому месту написано: «движение в зале». Один из наших баварских защитников, бывший в течение многих лет доверенным правительству, обвиняет сам себя в государственной измене — обвинение, которое, стало быть, должно оставаться в силе и для егальства. Но при всех обстоятельствах необходимо воспринимать ственно ясности в некую таинственную связь. Баварский сепаратизм, планы директории господина фон-Зекта — все это вещи, которые в обычных условиях должны бы попасть под определение «государственная измена». Но мюнхенский народный суд совершенно не склонен обижать себе на этом пальца.

Таинственные связи

Один из защитников также делает попытку разъяснить суду сущность дела: «Прокуратура и суд очевидно не видит связи, существующей между выступлением в Мюнхене и подготовляемой в северной Германии кампаней. Как только речь заходит о советнике юстиции Класе, свидетели отмазываются. Движение 8 ноября можно объяснить лишь тогда, если знать, что господин фон-Кар получал от советника юстиции Класе точные поручения. Необходимо на этом процессе опросить господина фон-Зекта и Класе о

том, что именно предполагалось в северной Германии, к чему события в Мюнхене 8 и 9 ноября должны были явиться лишь введением».

Это обращение прокурор тут же отклоняет: «Я не вижу этой связи».

Да, он и не смеет ее видеть, иначе пришлось бы развернуть перед этим форумом трагедию германской республики, которая в течение 1923 г. ее призваниями вождями была предана и продана капиталу и тяжелой промышленности...

Одну из наиболее жалких ролей играет в этом процессе д-р Фрик, маленький чиновник баварского учебного округа. Когда читается его показание, то получается впечатление сверхъестественной неподдаемости или сверхъестественного страха перед ответственностью. Но все эти жалкие пустые отговорки, которыми в изобилии оперирует этот неответственный чиновник, не являются препятствием к тому, что он становится надеждой нац.-соц. партии, которая видит в этом специалисте по административным делам диктаторского гения и поручает ему впоследствии ликвидацию парламентаризма в Гюрингии.

Кар или молчание в лесу

Положение господ фон Кара, Лоссова и Зейссера на этом процессе трудное. Но баварское правительство позаботилось о том, чтобы им нельзя было слишком строго допрашивать. Генеральному государственному комиссару Густаву фон-Кару дано лишь ограниченное право показаний. Ему разрешено высказываться лишь по поводу событий, непосредственно приведших к путчу в шиввой. При всех вопросах, затрагивающих закулисную сторону политики мюнхенского активизма, он может ссылаться на приказ своего правительства о хранении молчания. Кроме того представителям баварской исполнительной власти была дана возможность предварительного просмотра обвинительного акта, так что они могли сговориться между собой относительно определенной линии поведения. Показания Кара и Лоссова во многих пунктах сходятся дословно.

Мерило возможного

Генерал фон-Лоссов — человек, который придает значение роли «политических» военных, — единственный, пытающийся свести национал-социализм и роль Гитлера к их действительному значению. В своих обдуманных разъяснениях он дает народному суду несколько пронических пунктов: «Различие во взглядах между Гитлером и мной состоит в том, что я был за директорию, Гитлер — за имперскую диктатуру Гитлер-Людендорф в Баварии. Воспроизведение господином Гитлером наших тогдашних разговоров в значительной части неправильно. Говорил господин Гитлер, и я же задавал ему вопросы, и то очень редко. И ведь уже указывал на то, что совершенно излишне возражать. Это достойно сожаления, но это так. Господин Гитлер не допускает возражений. Он призван повелевать, а остальные должны подчиняться тому, что он говорит... Всем известно, увлекающее, гипнотизирующее красноречие господина Гитлера вначале на меня производило сильное впечатление. Но чем чаще я слышал Гитлера, тем быстрее становилось это впечатление».

И пришел к заключению, что эти длинные речи очень походили одна на другую, что часть сказанного в них для всякого национально настроенного немца представляет само собой понятное, а другая часть является доказательством отсутствия у Гитлера мерила возможного и достижимого... Господин Гитлер тут как-то говорил, что во время одного из его визитов он застал меня в очень подавленном настроении. Это конечно его впечатление. Но пусть мне будет разрешено здесь указать, что можно было получить иное впечатление: а именно, что долготерпение генерала фон-Лоссова, который уже не первый раз слышит эти разглагольствования, приближается к пределу...»

Люди чести

Благожелательное добродушие, которым иногда отличаются высокопоставленные немецкие военные, моментально исчезает у генерала Лоссова, как только разговор заходит о мелком буржуа—Гитлере, чья спесивость выскочки действовала ему на нервы. В остальном показания этих трех главных свидетелей, которых ожидали с таким напряжением, крайне скудны, они не дают ничего нового, а давно известное представляют таким образом, точно Кар, Лоссов и Зейссер были действительными хранителями имперской идеи в Баварии и ничего не предпринимали, что бы не соответствовало планам «господ с Севера».

Итак ничего другого не остается, как засвидетельствовать, что почти в течение 14 дней разговоры вращались вокруг одного и того же вопроса: действительно ли Кар, Лоссов и Зейссер «играли комедию», когда в пивной Бюргербрей дали свое согласие на германскую революцию, или они уже впоследствии, поддавшись другим влияниям, отказались от своей готовности участвовать в революции? Эти три свидетеля категорически отрицают, чтобы они когда-либо имели в мыслях «поход на Берлин»; их намерением якобы было лишь оказать «давление на Берлин», под этим же они понимали совершенно легальное мероприятие.

Таким образом процесс оканчивается так же, как горнбергская стрельба. Ни один из крупных исторических вопросов не решен. И приговор, с невыразимо скудной мотивировкой, тоже оставляет все неразрешенным.

Правда, обвиняемых присуждают к тюремному заключению: Гитлера, Вебера, Крибеля и Пенера каждого на пять лет; Фрика, Рема, Брюкнера, Пернета и Вагнера на год и три месяца. Но последним пяти обвиняемым выносится условное наказание с немедленным вступлением в силу, остальным—по отбытии шестимесячного заключения обещана возможность отмены наказания. Людендорфу выносится оправдательный приговор. Мотивировка этого оправдательного приговора звучит дословно следующим образом:

Невинный генерал

«Людендорф занимает противоположную позицию не только по отношению к обвиняемым, но и по отношению к Кару, Лоссову и Зейссеру.

Употребленное им в Бюргербрей выражение, что он «действи-

ст по собственному почину», обозначает, как он сам поясняет, лишь то, что он отказывается следовать за Гитлером.

Большинство остальных обвиняемых вообще ничего не знало о каровской идее директории, а те, которые о ней знали, отнеслись к ней отрицательно. Также и Кар, Лоссов и Зейссер не хотели осуществлять свою идею, они лишь согласились на самом деле или для вида с идеей Гитлера. Людендорф, стало быть, в государственной измене не повинен, так же как и в пособничестве. В его действительности вообще нельзя найти состава преступления. Если даже осуществление каровской идеи оказало давление на рейхспрезидента, чтобы добиться назначения директории, — можно было бы подвести под статью оказание давления на чиновников, то ведь не было даже приступлено к осуществлению этой идеи. Людендорфу следовательно надлежит вынести оправдательный приговор». Но и Гитлера не хотят обидеть. Мотивировка приговора говорит о нем следующее:

«Гитлер — немецкий австриец. Он считает себя германцем. К такому человеку, как Гитлер, мыслящему и чувствующему, как немец, служившему во время войны четыре с половиной года добровольно в германской армии, заслужившему своей исключительной храбростью перед лицом врага высокие военные знаки отличия, раненому и потерявшему здоровье и с военной службы переведенному в контроль окружного командования Мюнхен 1, по мнению суда не может быть применен пункт II § 9 закона о защите республики ни по смыслу ни по его назначению.

Радость

Чтобы серьезный тон не царшил комедию этого процесса, исход его похож на шествие стрелков на мюнхенском октябрьском празднестве. Неоднократно цитированный нац.-соц. отчет о процессе заканчивается следующими словами:

«Между тем у оцепленных выходов на Блютенбургштрассе скопились довольно значительные толпы народа, кричавшие время от времени «ура!» У многих были цветы в руках. Наконец копыта полицейские оттеснили толпу в переулки. Генерал Людендорф оставался в здании суда до 11³/₄. В целях безопасности полиция хотела распорядиться, чтобы автомобиль Людендорфа, стоявший у главного подъезда на Блютенбургштрассе, покинул здание суда со стороны двора, и было даже дано распоряжение закрыть главные ворота, за которыми стоял автомобиль Людендорфа, что и было сделано. Но генерал Людендорф категорически настаивал на своем, что он не сидит в автомобиль во дворе. Спустя некоторое время ему разрешили отъехать с главного подъезда. При выходе из здания суда Людендорф был предметом оваций; из окон, выходящих на Блютенбургштрассе, его оживленно приветствовали. Крики «ура» не умолкали, пока Людендорф проезжал оцепленный квартал. Также и Гитлер, который несколько раз появлялся на балконе, был встречен криками «ура!» К 12 часам возбуждение на улицах постепенно затихло. Одиночные группы с пением патристических песен направлялись в сторону центра города».

Спустя шесть месяцев все государственные изменники опять на свободе.

«Мне теперь 40 лет. И должен наконец прийти к власти».

(Адольф Гитлер)

Восхваления предприимчивости

Путь развития нац.-соц. партии, начиная с основания «германской рабочей партии» до катастрофы 9 ноября 1923 г., в отчете нац.-соц. хроникеров усеян множеством анекдотов, которые урцаются вокруг неутомимой предприимчивости Адольфа Гитлера. Забывают, как мало это говорит о политическом значении партии в 1920—1923 гг., если только историческая суетливость типичного молодого политика — единственное, что заслуживает похвалы.

Но ведь нельзя иначе: серьезное историческое исследование без героической поэзии должно привести к заключению, что при всей пропагандистской ловкости первых национал-социалистов, все же массовый успех нац.-соц. партии ни в коем случае нельзя объяснить действием внутренних сил партии, а лишь импульсом поставленной себе реакционными и сепаратистскими кругами цели.

Гитлер несомненно преувеличивает сопротивление, которое якобы нужно было побороть нац.-соц. партии. Он в этом схож со своим великим прообразом Муссолини, который также хочет убедить мир в том, что фашизм в Италии пришел к власти единственно с помощью присущей ему идейной и физической силы.

Маленькие ошибки

В своем цветистом отчете о начальной стадии развития партии, которому Гитлер дает заголовок: «Борьба с красным фронтом», он совершенно забывает отметить факт, о котором упоминает тогдашний руководитель политического отдела полицейпрезидиума Мюнхена д-р Фрик в своих показаниях на процессе Гитлера-Людендорфа: «Когда я стал во главе политического отдела [полицейпрезидиума], нац.-соц. партия была еще невелика, и движение легко могло быть подавлено. Но мы сознательно этого не делали. Мы покровительствовали господину Гитлеру, потому что мы видели в его лице народный для обновления Германии. Мы считали тогда, что такой молодой партии нельзя не дать некоторой свободы. Кар закрывал глаза на поведение полицейпрезидиума в данном вопросе...»

«Покровительство» баварской верховной власти, о котором говорит шестосердечный Фрик, это тот союз псевдосоциалистической партии с силами реакции, из которого не могла выцутаться нац.-соц. партия ни в один период своего существования. К идеологическим и социологическим предпосылкам, на которые наткнулась вначале нац.-соц. агитация, присоединилось энергичное содействие баварских клерикалов и путчистов из кругов тяжелой индустрии. И те и другие предсказали, что смогут равнать и использовать молодое движение как штурмовой отряд для достижения своих частных целей. Таким образом катастрофа 9 ноября 1923 г. является не чем иным, как последствием тех политических и экономических перемен, которыми осенью 1923 г. определялась история германской республики

и познание которых заставило Гитлера забыть роль, которую он себе придумал играть.

Тут требуется только несколькими датами проиллюстрировать внешний ход развития нац.-соц. партии, начиная с 1920 по 1923 год.

Член № 7

Гитлер, который несколько месяцев тому назад вступил как член № 7 в германскую рабочую партию, еще до того, в бытность свою «офицером-политинструктором» познакомился с дипломированным инженером Готфридом Федером, деятелем в экономике, который с маннакальным упорством проповедует в течение многих лет «уни-тожение процентного рабства», как называло от всех социальных и политических зол Германии...

Приблизительно со вступлением Федера в рабочую партию совпадает по времени переименование в «нац.-соц. немецкую рабочую партию».

24 февраля 1920 г. нац.-соц. партии впервые удается организовать массовое собрание в помещении мюнхенского Хофбрей. На плакатах красного цвета, сознательно выбранного для подчеркивания близости к социалистическим партиям, об этом массовом собрании объявляется в следующих выражениях: «Путем неутомимой агитации агенты международного биржевого капитала стараются привести Германию к развалу, чтобы передать государство в хозяйство в руки международных финансовых консорциумов... Предпосылкой для этого является рабство и ослабление нашего народа. Отсюда яростная борьба наемников международного крупного капитала против партии, которая в отличие от всех остальных не состоит из буржуа и пролетариев, а из работников творческого умственного и физического труда. Лишь они одни могут быть и будут носителями идеи будущей Германии».

Дебют

Уже это первое выступление молодой партии носит в себе все черты, присущие мелкобуржуазному бунту: отрицание всех классовых противоречий и проповедь национального единения; неспособность признать экономические явления за таковые и склонность считать их в грубо причинном смысле результатами сугубо личных заговоров против существования общества. Все это смешивается с антисемитскими тенденциями и фразеологией о «жизни германского народа».

Кроме реферата Адольфа Гитлера: «Рабочий в Германии будущего» сообщается о предстоящем издании тезисов к программе молодой партии.

Гитлер повествует в своих мемуарах со всей глубиной чувства, на которую способен его перо, о том торжественном часе, когда благоговейным слушателям, состоящим из мюнхенских мелких буржуа, впервые были прочтены 25 пунктов нового движения, которые в не добрый час Адольфу Гитлеру и Готфриду Федеру пришлось на ум назвать «программой» и наблюдать чрезвычайно сомнительными заключительными формулами:

«Программа национально-социалистической рабочей партии — программа, отвечающая времени. Возджи отключают обязательства, чтобы после достижения выдвинутых в программе целей выдвигать новые для того лишь, чтобы путем искусственно вызванного недовольства массе дать партии возможность дальнейшего существования.

1. Мы требуем объединения всех немцев в одну Великую Германию на основе права народов на самоопределение.

2. Мы требуем равноправия немецкого народа с другими нациями, отмены Версальского и Сен-Жерменского мирных договоров.

3. Мы требуем земель (колоний) для прокормления нашего народа и расселения нашего избыточного населения.

4. Гражданином нашего государства может быть лишь чистокровный немец, немец по крови, без различия вероисповеданий. Поэтому ни один еврей не может принадлежать к народу.

5. Тот, кто не является гражданином государства, может жить в Германии лишь в качестве гостя и должен подчиняться законам об иностранцах.

6. Лишь гражданину государства может принадлежать право решать вопросы управления и законов государства. Поэтому мы требуем, чтобы великую официальную должность, безразлично какого рода, в империи, провинциях или общинах, занимали лишь граждане государства.

Мы боремся с разлагающей парламентарной системой замещения должностей лишь в партийных интересах без учета характера и способностей.

7. Мы требуем, чтобы государство обязалось в первую очередь заботиться о заработке и средствах к существованию для граждан государства. Если нет возможности прокормить все население государства, то необходимо выслать из его пределов чужестранцев (не-граждан государства).

8. Дальнейшая иммиграция не-немцев должна быть запрещена. Мы требуем, чтобы всем не-немцам, иммигрировавшим после 2 августа 1914 г., было немедленно предложено покинуть пределы государства.

9. Все граждане государства должны иметь одинаковые права и обязанности.

10. Первейшей обязанностью каждого гражданина государства должен быть труд, умственный или физический. Деятельность каждого в отдельности не должна наносить ущерба интересам общества в целом, а должна протекать в рамках общества и на пользу всех.

Поэтому мы требуем:

11. Отмены не-трудового дохода, уничтожения процентного рабства.

12. Принимая во внимание громадные жертвы кровью и имуществом, которые великая война требует от народа, личное обогащение через войну следует считать преступлением против народа. Мы требуем поэтому полной конфискации всех военных прибылей.

13. Мы требуем передачи государству всех уже обобщественных предприятий (трестов).

14. Мы требуем участия в прибылях крупных предприятий.

15. Мы требуем значительного расширения обеспечения престарелых.

16. Мы требуем создания здорового среднего сословия и его сохранения; немедленной муниципализации больших универсальных магазинов и их сдачу в аренду за дешевую плату мелким предпринимателям. При поставках государству, провинциям и общинам обязательно учитывать интересы всех мелких предпринимателей.

17. Мы требуем соответствующей нашим национальным потребностям земельной реформы, издания закона о безвозмездном отчуждении земли для общепольных целей, уничтожения земельной ренты и запрещения всякой спекуляции землей.

18. Мы требуем беспощадной борьбы с теми, кто своей деятельностью вредит общественным интересам. Всех преступников против народа, ростовщиков, спекулянтов и т. п. следует карать смертной казнью вне зависимости от вероисповедания и расы.

19. Мы требуем замены римского права, служащего материалистическому мировоззрению, немецким гражданским правом.

20. Чтобы дать возможность каждому способному и прилежному немцу получить высшее образование и этим самым способствовать его продвижению на руководящие должности, государству необходимо позаботиться об основательном расширении сети всего нашего народного просвещения. Учебные планы всех образовательных учреждений должны быть выработаны применительно к практической жизни. Идея государства должна быть внедряема в умы с началом обучения в школе (учение о государственном праве).

Мы требуем обучения за счет государства особо выдающихся умственно детей бедных родителей, независимо от их социального положения или профессии.

21. Государство обязано заботиться об улучшении народного здравоохранения путем охраны материнства и младенчества, путем запрета труда малолетних, путем физического оздоровления посредством введения в законодательном порядке гимнастики и спорта, путем широчайшей поддержки всех обществ, занимающихся физическим воспитанием юношества.

22. Мы требуем уничтожения наемного войска и создания народной армии.

23. Мы требуем преследования по закону сознательной политической лжи и распространения ее через прессу. Чтобы способствовать созданию истинно германской прессы, мы требуем:

а) все редактора и сотрудники газет, выходящих на немецком языке, должны быть чистокровные немцы;

б) не-немецкие газеты должны издаваться лишь с разрешения государства, они не могут печататься на немецком языке;

в) всякое финансовое участие в немецких газетах или осуществление влияния на них со стороны не-немцев должно быть запрещено; несоблюдение этого закона должно караться закрытием газет.

газеты и высылкой участвовавших в ней не-немцев из пределов государства.

Газеты, вредящие общему благу, должны быть запрещены. Мы требуем преследования по закону всех направлений в искусстве и литературе, действующих разлагающе на нашу народную жизнь, мы требуем наказания всякого рода выступлений, не отвечающих вышеуказанным требованиям.

24. Мы требуем свободы всех вероисповеданий в государстве, поскольку они не подвергают опасности его существования или не оскорбляют чувства нравственности и морали германской расы.

Партия, как таковая, защищает точку зрения позитивного христианства, не связывая однако себя с каким-либо определенным вероисповеданием. Она борется с еврейско-материалистическим духом в нас и вне нас и уверена в том, что длительное исцеление нашего народа может быть достигнуто лишь внутри на основе принципа: общее благо идет впереди личного.

25. Для выполнения всего этого мы требуем создания сильной центральной имперской власти, установления неограниченной власти политического центрального парламента над всей империей и ее органами.

Организации сословных и профессиональных наем для проведения имперских законов путем приспособления их к условиям отдельных союзных государств.

Вожди партии дают обет в случае необходимости не выходить своей жизни и несмотря ни на что бороться за осуществление указанных выше пунктов».

Инфляция апостолов

Один из последователей Гитлера Эрих Чех-Мохберг следующим образом описывает впечатление от этого первого массового собрания: «Гитлер кончил. Последний тезис, как луч, упал в толпу, стоявшую вилу, забывшую все, что вокруг нее делается, беседующую один на один с оратором... И когда тот вдруг кончил говорить, то толпа не могла сразу притти в себя. Потом от возгласов одобрения задрожали старые толстые стены здания Хоффрей. Медленно стал пустеть зал. Две тысячи апостолов нового рабочего движения расходилось в кабаки, рабочие колонии, кафе и пивные, в студенческие общожития и лекционные залы, в мастерские и каморки ремесленников...»

Если принять без спора маленькое преувеличение, выражающееся в том, что всех участников собрания, которые свое неудовольствие не выразили открыто, но задумываясь зачислили в апостолы, то все же остается вопрос, что же именно убедило этих остальных? Программные посылки Гитлера? Этот винегрет фраз и отчасти пошлых теорий всех романтиков из среды немецких экономистов, начиная с Фридриха Листа до Отмара Шпанна и Готфрида Федерла?

Причины влияния

Едва ли. Нужно искать этому других объяснений. «Гиперсенситивное красноречие господина Гитлера», которое подействовало даже на умного генерала Лессона? Возможно.

Но и здесь остается кое-что, что нельзя измерить психологическими масштабами. «Новое рабочее движение», которое люди из нац. соц. партии считали созданным, опиралось вначале на пролетариат. Мы видели, к какому социологическому хаосу привел в Мюнхене разгром республики, как деклассированные элементы из всех слоев общества стекались в баварскую столицу, как они искали отдушину для своего страха перед жизнью и как Гитлер для них создал эту отдушину тем, что освободил национализм, после революции неразрывно связанный в головах мелких буржуа с понятием реакции, от этих пут и замаскировал его социально.

Для установления факта, что в кругу идей нац.-соц. партии национализм стоит на первом месте и что фикция социализма с самого начала служила лишь кулиской, имеется свидетель, стоящий вне сомнения: сам Адольф Гитлер.

Гитлер опасно болтлив. Он не задумываясь произносит даже такие вещи, которые в интересах сохранения его социальной фикции лучше было бы не произносить. В своих мемуарах он посвящает несколько страниц описанию впечатления, производимого на него после революции политическими собраниями реакционных партий. И он дает здесь очень показательное сравнение. «Они производят на меня такое же впечатление, как в моей юности предписанная ложка рыбьего жира. Его нужно принять, и он якобы очень помогает, но на вкус он отвратителен».

Отменявание от реакции

Из дальнейших изданий Гитлера можно безусловно вывести заключение, что он был совершенно согласен с тем, что на этих собраниях говорилось, и только лишь форма, оправа и все «вокруг и около» этого собрания ему якобы было не по душе. Так например он описывает собрание, состоявшееся в Мюнхене в память битвы при Лейпциге. Не услышав ни одного слова критики по поводу того, что смел нужным сказать «достойный старый профессор». Но узнав зато, что Гитлера искренне возмутило бездушное пение патриотической песни: «Нет действительно необходимости беспокоиться министру о порядке, беспокоиться... что вдруг в мылу воодушевления толпа хлывет из зала не для того, чтобы поспешить в кафе или кабаки, а чтобы стройными рядами маршировать в такт с песней «Высоко держите честь Германии» по улицам города...»

В мылу воодушевления? Какого воодушевления? Националистического. И тут Гитлер с поразительной наивностью описывает, как он каждую деталь нац.-соц. пропагандистских приемов степе перенял у ненавистных «красных», чтобы помочь нац.-соц. воодушевлению: кричаще красный цвет знамен и плакатов, организацию защиты собраний, «слепую дисциплину маршизма...»

Заботы руководителя пропаганды

Национал-социализм создает себе собственные символы, красное знамя с белым кругом и черным фашистским знаком, в сознательном противопоставлении буржуазным партиям. Но Гитлер считает

нужным пространно объяснить эту противоположность, которая якобы заключается в коренном различии мировоззрений, и объявлять это лучшим тактическим приемом. Только ничего не говорится о том, отличается ли цель, которую предполагается достигнуть этими агитационными средствами, от той, которую преследуют вышеназванные «буржуазные партии».

После этого первого массового собрания 24 февраля 1920 г. почти непосредственно следует канновский путч. 1920 год не особенно благоприятен для бурного развития нац. соц. партии: успех государственного переворота имеет в Баварии последствием консолидации существующих условий. Баварская народная партия, политический инструмент духовенства, расширяет свое влияние. Ей удается прежде всего вернуть под свою власть крестьянское население республики. Внутриполитическая агитация национал-социалистов главным образом питалась существующей в Баварии до канновского путча коалицией центра и социал-демократии. Католическое население Баварии видит в тактическом повороте баварской народной партии коренное изменение. Когда баварские ультрамонтанеры в своих официальных выступлениях делают вид, что саботируют коалиционную политику центра в Германии, их декламации принимают за чистую монету. Влияние духовенства с каждым днем возрастает, и начинают привыкать к мысли о восстановлении старых порядков, которое лишит национал-социализм возможности вести агитацию.

«Лишь кто в довольстве живет, живет приятно»

Все же молодая партия путем добровольных пожертвований и богатых друзей настолько расширила свой капитал, что в декабре 1920 г. Гитлер может купить газету «Мюнхенер Beobachter», которая с тех пор под названием «Фельклер Beobachter» становится центральным органом нац.-соц. партии.

Положение меняется, когда внешнеполитические осложнения начинают мешать реставрационным проектам баварской реакции. В январе 1920 г. так называемый «лондонский приказ» ратифицирует парижское соглашение, в котором военные долги Германии зафиксированы в сумме 100 миллиардов золотых марок. Возмущение, вызванное этим соглашением в Германии, не может быть использовано буржуазными партиями в их целях; несмотря на принципиальную готовность дать знак к началу войны реванша против Антанты уже сейчас, военные специалисты националистов понимают, что такое предприятие с самого начала обречено на неудачу. Социал-демократы, энергия которых целиком поглощена стабилизацией германской республики, начинают энергично протестовать. Но эти протесты остаются без действия, потому что за ними чувствуется желание ни в коем случае не позволить военным авантюрам нарушить спонтанное развитие Германии.

Поток собраний

Эту внешнеполитическую ситуацию нац. соц. партия использует для широкой и успешной пропаганды. Гитлер сообщает, не со-

гласован с Тейттошским объединением, которое также хочет интенсифицировать широкую кампанию протеста, собрание нац.-соц. партии в церкви «Короны». Перед шестью тысячами собравшихся он говорит на тему: «Будущность или гибель» и добивается этим видимым успехом своей массовой пропаганды того, что националисты-активисты Баварии начинают считаться с нац.-соц. партией, как с политическим фактором.

11 февраля Гитлер выступает перед двумястами студентов в здании Хофбрей на тему: «Германская молодежь, германская будущность». 24—там же на тему: «Год немецкой истории и наша программа». С тех пор цель нац.-соц. массовых собраний не прерывается.

Надо признать: организационные успехи этих агитаторских походов пока еще незначительны. Большая часть слушателей Гитлера уже организована: в баварских союзах самообороны, в военных союзах, в «Стальном шлеме», в Молодегерманском ордена. Но несмотря на это удается организовать низовые ячейки в городах Баварии.

Социал-демократия Мюнхена отчаянно защищается против роста национал-социализма. Депутат Ауэр в течение одного месяца собирает пять крупных митингов. Гитлер выступает на десяти собраниях. И так как постепенно и для нац.-соц. партии расширяются карманы баварских промышленников, явившихся до сих пор лишь покровителями гражданской милиции, то вести пропаганду и созывать массовые собрания нетрудно.

Под совместным панорам агитации клерикалов и национал-социалистов социал-демократия в Мюнхене все больше терпит поражение. Решительные пролетарии пытаются сорвать собрания Гитлера, и вначале это им и удается.

Рассказы Мюнхгаузена

Гитлер и нац.-соц. хроникеры представляют это по политическим причинам таким образом, что дело якобы здесьшло о вадолго подготовлявшемся терроре далеко превосходящих сил. Из некоторых писавших товарищами по партии хроник узнаем даже о тысяче организованных «красных», которых руководство социал-демократической партии Германии якобы послало на нац.-соц. собрание. Насколько можно верить этим цифровым данным, известно из того, что нац.-соц. охрана зала собрания в количестве 45 человек смогла выбросить эту огромную штурмовую колонну из зала!

4 ноября на попытку срыва собрания, организованную коммунистическими рабочими, отвечают побойцем в зале, которое патетически называют «часом рождения штурмовых отрядов». Опыт Гитлера в технике массовых собраний уже давно привел его к тому, что наиболее убедительным аргументом в идейных спорах является грубая сила. Изящество делавших замечания с мест и неудобных дискуссионных ораторов становится мизансценным обычаем на всех дальнейших нац.-соц. собраниях.

Показательным для развития штурмовых отрядов является факт, что этот «отряд распорядителей» после побойца в зале собрания 4 ноября вдруг был переименован в «штурмовой отряд». В Мюнхене

Находит достаточно офицеров старой армии, которые берут на себя обучение этих «штурмовых» отрядов, на которых скоро развивается настоящая армия гражданской войны, уже (с начала 1923 г.) в одном только Мюнхене и верхней Баварии насчитывавшая 6 тысяч хорошо вооруженных и обученных людей.

Поиски собственного лица

Несмотря на противоположные утверждения националистов, наибольшие опасности для расцвета национал-социализма нужно искать не в «красном фронте», а в самом центре реакции. Мы видели, что идеологическое и политическое отмежевание нац. соц. партии от партии реакции и баварского сепаратизма было самой трудной задачей из тех, с которыми Гитлеру довелось столкнуться в Мюнхене.

Катастрофа 9 ноября 1923 г. лишь тогда объяснима, когда различаешь, помимо противоречия интересов, которые со дня основания нац. соц. партии всегда существовали между отдельными направлениями и индивидуальными активистами, но скрывались за туманным гуманным идеалом, — глубокого определения цели.

Эти столкновения интересов в националистическом лагере являются единственным фактом, который стал решающим для дальнейшего хода развития нац.-соц. партии.

Народно-немецкая («фелькише») партия свободы

В 1923 г. партия угрожает опасностью, которая представляется Гитлеру достаточно значительной, чтобы в статье в печатный лист пояснить различие между его партией и тем «народным движением», которое в северной Германии получает все большее расцвет: на германском партийном съезде национальной немецкой народной партии три депутата рейхстага заявляют о своем уходе из партии, но отказываясь однако от своего парламентского мандата. Депутаты фон-Грефе, Вуалье и Хеннинг объявляют себя «народно-немецкой партией свободы». Основные экономические и идеологические элементы этой новой партии точь-в-точь те же, которым нац.-соц. партия обязана своим существованием, однако северогерманские «фелькише» отказываются совершенно от социальной функции. Вследствие своей тесной связи с кругами полыхаков реванша они чувствуют себя достаточно сильными, чтобы начать борьбу против марксизма без неудобной мазировки социальными лозунгами.

Основанием новой партии возобновляется развитие, которое началось еще в первые годы германской империи. Многочисленные антисемитские дискуссионные клубы, общества, ордены, которые прозябают по всей Германии, видят в существовании народно-немецкой партии свободы возможность для непосредственного проявления политической активности. Гитлер своевременно угадывает опасность, что нац.-соц. партия не сможет стать массовым движением, а застанет на уровне мелких националистических групп, и устраняет ее ловким маневром, используя существующие в Баварии столкновения интересов в кругах реакции.

Гитлер сам видит отличие нац.-соц. партии от «народного движения» в северной Германии не в его существовании, а лишь в степени ради-

кальности программы. В довершение всего он утверждает, что нац.-соц. партия нашла для таинственной «народной идеи» применение в практической жизни. Это все, что он может сказать об отличии мнимо-социалистической партии от реакционности аграриев Греде и компании.

Первая проба

Особое положение, которое занимает национал-социализм в путчистской политике Баварии, дает ему возможность принимать в свой союз мелкие национальные группы и опираясь на многочисленные местные группы по всей южной Германии и приблизительно шеститысячную армию штурмовых отрядов вступить в 1923 г. как партия, представляющая в Мюнхене важный политический фактор.

1 мая 1923 г. Гитлер считает себя уже достаточно сильным, чтобы преграждать с оружием в руках путь разрешенному мюнхенской полицией шествию социал-демократических и коммунистических демонстрантов. Неприятная переоценка собственной силы: в то время как Гитлер при помощи капитана Рема вооружает из запасов рейхсвера свои штурмовые отряды, баварское правительство дает ему понять, что ему нежелательно это вмешательство в функции полиции. Гитлер не понимает ситуации: «Только через мой труп пройдет демонстрация ноябрьских преступников!»—воскликает он в исступлении.

Господин Гитлер продолжает жить, а майская демонстрация проходит без дальнейших инцидентов. Перед решительным видом баварской полиции исчезает революционный пыл штурмовиков, и они вечером мирно сдают свое оружие в казарме рейхсвера, ни разу не выстрелив в рабочих...

Подобные поражения терпит нац.-соц. партия каждый раз, когда Гитлеру вздумается идти против воли господина фон-Кара или генерала фон-Лоссова, но они его ничему не научили.

Во всю свою жизнь он никогда не поймет, почему назначение им 14 митингов в октябре 1923 г., на которых предполагалось демонстрировать против отказа от пассивного сопротивления, стало для баварских сепаратистов желанным предложением для назначения господина фон-Кара генеральным государственным комиссаром...

Познание факта своей безусловной зависимости от крупной буржуазии—это один из наиболее существенных уроков, которые получил Гитлер от плачевного исхода бюргербрейской революции.

Меланхолический мятежник

Люди, близкие к Адольфу Гитлеру, посещавшие его во время его заключения в крепости Ландсберг, в один голос утверждают, что революционер Гитлер так безмерно страдал от заключения, что даже одна только мысль о возможном отказе в условном наказании привела его к безоговорочному признанию принципа законности.

Баварское духовенство правильно посоветовало народному суду дать Адольфу Гитлеру отсидеть из его пятилетнего наказания фактически лишь шесть месяцев. Легкое шестимесячное заключение

своей жестокости не дает покоя. Вскоре мы увидим, что революционеры-нацисты. Кроме того даже через шесть месяцев достаточно, чтобы разъяснить Гитлеру то, в чем он до сих пор навсегда не мог сойти с ума: что он был попрежнему или, по крайней мере, поддерживал реакционных республиканских властей — ничто, политический нуть.

Нац.-соц. партии не имела счастья видеть, как ее поведет в этих крепостях Ландеберг становится твердым. Этот Гитлер уже не мог быть опасным. Он был совершенно разбит. То, что Эрнст фон Саломон, Гейбц, Тухон, Шикши, Гейбц и т.д. были подобны им, могла терпеть годы и, несмотря на это, выходить на камер, не изменив своим взглядам, у этого мягкого художника перевернуло все нуть. В Ландеберге умирает барабанщик. Весной 1925 г. стены заключенной покидает известное лицо Адольф Гитлер, возмущенный одной лишь мечтой: стоять отныне всегда на почве закона. Он очевидно был единственным преступником в Германии, который до последней минуты соблюдал условия, на которых даются условное освобождение. В газетах писали о нем и его политических спутниках, что все они сумасшедшие, люди незрелые, готовые только разрушать, далекие от мира сего мальчишки с путешескими наклонностями. В отношении Гитлера все это уже было неверно. Он стал разумным, стараясь не порвать с теми, кто стоит у власти.

Гитлер постигает свою задачу

Это является своего рода психологическим объяснением, которое дает революционный национализм решающему повороту нац.-соц. партии: поворот от мелкобуржуазно националистического бунта к твердой капитала, к роли передового поста в борьбе за постепенный перевод парламентарной республики на рельсы фашистской диктатуры.

В социологическому и решающему обоснованию этого существенного изменения нац.-соц. партии может прийти, лишь переход из других точек зрения. Последствия путча 9 ноября нельзя было указать каждае и отдельности, потому что они смешиваются в своем влиянии на мелкую буржуазию.

Отсюда возникает ряд кажущихся противоречий, которые можно объяснить лишь двойными силами, действующими вне нац.-соц. партии.

Нужно было ожидать, что повторный исход гитлеровского путча значительно сократит влияние нац.-соц. партии. Но это не так.

Переход влириалов в наступление

Непосредственно после путча в Баварии начинается активная агитация баварской народной партии, которой действительно удается перевести на свою сторону большую часть крестьянского населения. Но несмотря на это, могущество национал-социалистов в Мюнхенге остается несомненным. Мелкобуржуазный избиратель, не видя политической возможности титло-роевского предпринятия, и облизывает фанатско-свероломством Дара, Моссона и Зейссера. Символично народа остается на стороне Гитлера.

В северной Германии видят неясно. Хотя и здесь смешивают политику республиканцев и капиталистов, но все же понимают, что мелкобуржуазный миттель потерял крушение воле и способности господства.

ствующего класса. Так нужно отметить факт, что в северной Германии нац.-соц. движение растет, в то время как национал-социализм в Баварии терпит одну победу за другой. Только этим можно объяснить, что недоножество мелкой буржуазии по поводу отсутствующего действия дефляционной политики выражается в поддержке нац.-соц. движения.

Почти непосредственно после процесса Гитлера Людендорфа немецкая («фельдкинге») партия свободы объединяется с нац.-соц. рабочей партией в «нац.-соц. движение свободы». Во главе этой партии стоит не Адольф Гитлер, а генерал Людендорф. Депутат фон-Грефе и национал-социалист Грегор Штрассер из Ландехута делит с ним руководство этой партией.

32 нац.-соц. депутата в рейхстаге

Выборы в рейхстаг 4 мая 1924 г. приносят молодой партии неслыханный прирост сил. В новый рейхстаг попадает не больше не меньше, как 32 «фельдкинге» и нац.-соц. депутата. Но как выразительна ни была эта парламентская победа, нельзя обойти вниманием, на какой колеблющейся почве построен картонный домик этой партии, в которой соединены самые противоречивые экономические тенденции.

Прежде всего эти столкновения интересов опыты становятся заметны в часто уже неиспользованном политически противоречии между северной и южной Германией. Грегор Штрассер, который руководит партией как заместитель Гитлера во время заключения последнего, ограничивает затраты своей политической энергии организационным укреплением партии в южной Германии и вынужден отказаться от произнесения вступления партии над северогерманским нац.-соц. движением.

Это ограничение необходимо: внутренняя слабость нац.-соц. партии на виднее всего доказывается разумными действиями в собственных рядах. В тот самый момент, как Гитлер сходит с политической сцены, начинается борьба за его наследие: дает себе волю истинное политическое извешивание конкуренции политических «неудачников», считающих себя на высоте для защиты места «обожжаемого вождя».

Борьба диалектов

Грегор Штрассер пытается всеми силами удержать партию от распада. Изменили унадка в Баварии выливаются в сильную ненависть к Гитлеру, который обманул надежды, возложенные на него, и в заключение вел себя, как типичнейший меланхолик, и о жизненных задачах партии почти совсем не заботился. Сопротивление исходит не только от честолюбивых главарей преторианцев, вроде вождя национал-социалистов в Нюрнберге Юлиус Штрейхера или партийного чиновника Германа Дессера, которого называют «наиболее видоизменяемой фигурой гитлеровского штаба». За этим стоит крупная политическая движущая сила, которая в основном исходит от немецкой национальной народно-партии.

Советник высшего баварского суда Шварц, как умный долог и опытный деловой человек, скоро после процесса понял внутреннюю слабость нац.-соц. партии. Для него задачей состоит лишь в том, чтобы

привести мои знаменитые марсы пролетариализующейся мелкой буржуазии назад, к подчиненно реакционной немецкой национальной народно-партии. Поддержку он находит прежде всего у вождя нац.-соц. фракции в баварском ландтаге, Д-ра Бутмана, правдивое отношение которого к заключенному вождю влияет как будто и на Грегори Штрассера.

Не только немецкая национальная, но также и баварская народная партия пытается перспективой министерского поста добиться отречения честодобрых партийных деятелей от антиклерикальных тенденций нац.-соц. партии.

В этой связи впервые появляется Отто Штрассер, который впоследствии будет играть в нац.-соц. партии такую роковую роль. Утверждают, будто Отто Штрассер уговорил своего брата Грегори не поддаваться обольстительному ценю клерикальных и реакционных политиков. Документальных данных, удостоверяющих подобные вещи, конечно не существует, и таким образом остается только констатировать, что Грегори Штрассеру с помощью Альфреда Розенберга, главного редактора газеты «Фелькинер Beobachter», удалось удержать партию в южной Германии под руководством Гитлера.

Стабилизация влечет за собой потери

Эти заботы войногерманских национал-соц. партий особенно контрастируют с успехом 4 мая 1924 г. Непосредственные причины этой победы на выборах — чувство катастрофы и начинающейся стабилизации цен и дальнейшее антиреспубликанское идеологии — теряет свою доказательность в тот самый момент, когда с принятием плана Дауэса наступает некоторое успокоение в внешнеполитической ситуации. Движению еще не в состоянии пользоваться в организационном смысле — и тем более в идеологическом — своей победы на выборах. К тому же фракция рейхстага не оправдывает ни одной из больших надежд, возлагавшихся на нее избирателями. Немыслимые социальные противоречия, которые должны мирно уживаться в партии, могут быть лишь несколько заглушены. Вследствие того, что немецкая народная партия свобода часто парализует нечеткие тактические мероприятия руководства нац.-соц. партии, опять оживает старый конфликт Мюнхен — Берлин.

Это больше, чем продукт неправильной тактики, когда уже 8 декабря 1924 г. на новых выборах в рейхстаг народная партия терпит больше половины своих голосов. Потери 17 мандатов — рефлекс на отход от пуллизма, которым до сих пор жила партия.

Северогерманские товарищи становятся неудобными

Когда весной 1925 г. Гитлер выходит из заключения, перед ним хаос. О фантастических успехах, которых достигла его партия в своей начальной стадии, нет и речи. Пулливо начинать сначала. Задача тем труднее, что вождь уже не является для своих последователей тем сверхчеловеком, которым он бы хотел, чтобы его считали. Но то, что представлялось до сих пор борьбой диаволов, приобретает все больший и больший вес: северогерманский нац.-социализм имеет совсем другие черты, чем войногерманский. Он агрессивнее, сдержаннее и

подчеркивает теперь, прежде всего социальное значение движения с такой исключительностью, что даже единственно в организационных вопросах не может вызывать должного впечатления сплоченности партии.

В течение всего 1925 года длится попытка Гитлера и Штрассера, советником которых в вопросах идеологии является Адольф Розенберг, поддержать окончательный распад нац.-соц. партии. Это им удается в такой степени, что на рейхсрейском съезде партии 26 июня 1925 г. все же участвует 10 тысяч человек.

Правда, предостыльной для этой стабилизации нац.-соц. партии было решительное мероприятие, которое опять исходило не от официального вождя партии Гитлера, а было предложено и проведено братьями Штрассерами: летом 1925 г. нац.-соц. партия порывает с немецкой («фелькише») партией свободы.

Разрыв с «фелькише»

Внутренняя необходимость этого разрыва вовсе не лежит исключительно в вопросах организационного характера, как это утверждают нац.-соц. хроникеры. Незаметно для широкой общественности в своем тюремном заключении Гитлер оскорбил свое прошлое, примирившись с своим врагом, который в конечном итоге ему угрожал поражением 9 ноября 1923 г. Еще в феврале 1925 г. депутат «фелькише» граф Ревенглов публикует статью: «Мир Гитлера в Риме». В этой статье он словами самого Гитлера говорит: нацистский, социалистический, антиамериканский революционер признал необходимость примириться с ультрамонтанством. В данный момент нельзя уже установить, сколько были причастны к этому примирению некоторые католические представители тяжелой индустрии, от финансовой поддержки которых и тогда уже в высокой степени зависел Гитлер. Достоверно лишь то, что на протестантском съезде эта бесполезность была расценена как предательство нац.-соц. идеи.

При выборах рейхсрезидента в 1925 г. Гитлер еще дает себе уверенность братьям Штрассерам—выставить от национал-социалистов отдельного кандидата в лице генерала Людендорфа. На съезде ставит Людендорфа политически невозможным и поддерживает инициативу установления политических и экономических связей с буржуазией кандидата Пресса. Это расхождение в мнениях, могущее легко привести к тяжелым последствиям, ликвидируется тем, что реакционеры всех мест решают отдать свой голос фельдмаршалу Гинденбургу.

Мир с Римом

Но уже во время подготовки выборов противоречие между нац.-соц. партией и партией свободы («фелькише») стало столь очевидным, что разделение обеих направлений является само собой понятным. Тот факт, что Людендорф становится в оппозицию к Гитлеру, имеет здесь символическое значение. Правда, не на сознании политической невозможности нац.-соц. партии, а на мистическом, страстном презрении национал-фашистского протестанта Людендорфа ко всему, что связано с Римом.

Отделение от нац.-соц. партии завершает крушение партии свободы («фелькише») как самостоятельной политической партии.

В процессе постепенного распада, который начинается переходом фрондеров «фелькише» на сторону Гитлера, партии постепенно перестает существовать. Процесс этот заканчивается выборами в рейхстаг в мае 1928 г.: «фелькише» не получает больше ни одного мандата...

Необходимая установка: Ввиду фантастического расцвета нац.-соц. партии в настоящий момент забвен, что уже часто эти противоречия приводили к тяжелым истерикам, которые должны привести и приведут когда-нибудь партию к гибели. Идеологическая надстройка нац.-соц. партии уже сама по себе очень хрупка и надтреснута. К этому надо прибавить крайне противоречия ее экономического базиса, неразборчивое соединение в ней всех националистически-бунтарских инстинктов мелкой буржуазии и ее антикапиталистические тенденции. Внутри нац.-соц. партии всегда понимали это обстоятельство, всегда пытались сохранить видимость однородности, подкрепить ее реформистскими мероприятиями и разрешить кучу противоречий. Но всегда все старания усилить социалистический элемент в партии разбивались о безусловное подчинение капиталу.

Дворцовый переворот социалистов

Опаснейшая из всех подобных попыток—это совещание, которое братья Штраассеры созвали в декабре 1925 г. в Ганновере и в котором принимали участие партийные вожди всех северо- и западногерманских партийных округов. Исключительной целью этой встречи является создание противовеса решительной, несоциалистической, легалистской линии мюнхенского партийного руководства. Гитлер посылает на это совещание в качестве наблюдателя своего друга Федера, который встает северогерманские области в состоянии открытого бунта: принимаются решения, грубо противоречащие курсу партии на сохранение мира в хозяйстве. Кроме Федера только один единственный окружной руководитель согласен голосовать против решения фрондеров. Пугающим доказательством антикапиталистических тенденций этого вновь образованного «сотрудничества» северо-германских округов является их постановление голосовать в предопределенном всенародном референдуме за безвозмездное отчуждение собственности князей. Северогерманским национал-социалистам удастся это постановление просунуть в «Фелькишер Веббахтер», где его лишь недолго спустя находит минимальный издатель газеты господин Адольф Гитлер, который и предпринимает в другом официальном постановлении партии всем партийцам голосовать против отчуждения!

Все же на этом совещании владыки партии настолько проясняются, что Грегору Штраассеру поручается до следующего совещания проработать теорию нац.-соц. государства будущего.

Это второе совещание созывается весной 1926 г. в Бамберге, где впервые Гитлеру партийные делегаты имеют значительное большинство. Готфриду Федеру удается на совещании добиться прекращения «сотрудничества». Из северогерманских окружных руководителей присутствует лишь Грегор Штраассер со своим секретарем, недавно назначенным университетом Фосифом Геббельсом.

Здесь возникает эпизод, полный плаутовского юмора, заслуживающий быть переданным потомству. Националист Вейгад фон Мильтенберг описывает его следующим образом: «Горжествуи, направила Маниту с бамбергского совещания вождей к югу и с ним господин д-р Пауль Иосиф Геббельс, который в Бамберге променял-пнул как секретарь Штрассера, нанес там своему хозяину и отставив-емой им в Ганновере программе удар книжальком в спину и как любимейшее дитя-Венямин был взят в Мюнхен. Замена д-ра Пауля Иосифа Геббельса, который, почувя в Бамберге, куда ветер дует, все отрицал, чему он в Ганновере поклонился, замечательна своей бесстыдной неожиданностью, напоминающей Фунге. Гитлер, дав ему выступить в Мюнхене, поймал на удочку этого честолюбивого молодого человека, чей уже не безызвестный со времени Клеона ораторский талант позволил не опасаться в нем присутствия каких-либо принципов и даже совести...»

Спустя несколько месяцев этого усердного молодого человека его шеф назначает руководителем организации Берлинского округа, где он смог в течение нескольких лет вести отвратительную жизнь тщеславного народного трибуна и бесстыдного пророка грядущего террора...

Победа мюнхенского буржуазно-капиталистического партийного руководства над революционной волей руководителей северогерманских областей, это существенное событие в истории нац.-соц. партии, не привлекла внимания широкой общественности, будучи расценена как внутреннее дело партии. Да и вообще нац.-соц. партии все эти годы в широкой мере недооценивалась.

Не опознанный ночной сторож

Социалистическое правительство прусской республики допустило чрезвычайно крупную политическую ошибку, запретив господину Гитлеру в течение трех лет произносить речи на митингах. Этим было достигнуто, что в широкой общественности мелкий буржуй Гитлер стал казаться революционером и не мог быть почит действительным характер нац.-соц. партии как гвардии капитала.

Материальная зависимость от представителей тяжелой промышленности, которую Гитлер уже почти не считает нужным скрывать перед своими соотечественниками по партии, уже в 1926 г. приняла такие огромные размеры, что социалистическим членам партии не трудно было найти достаточно аргументов в борьбе против мюнхенского руководства партии. Из среды промышленников, относительно которых документально доказано, что они снабжали нац.-соц. партию денежными суммами до 100 тысяч марок каждый, известны между прочим и следующие: фабрикант жерновов Шнейдер-Итцехе, фабрикант ролиев Вехштейн, собственник известной бельевой фабрики Бекер и Рейслингене и кельнской текстильной фабрикант Мухман, который впоследствии становится даже депутатом рейхстага. Здесь же можно назвать и известного мюнхенского издателя Ганфштенгеля.

Обильный приток субвенций дает нац.-соц. партии возможность широкой агитации. Могло бы показаться странным, что несмотря

на это количество мандатов нац.-соц. партии в рейхстаге при новых выборах в мае 1928 г. уменьшается с 15 до 12.

Второе поражение

Причины этого уменьшения в основном лежат в том, что партии реакции, прежде всего немецкая национальная народная партия, нанесут урон нац.-соц. агитации тем, что перенимают у нее большую часть ее аргументации. С внутренним характером немецкой национальной народной партии несовместимо, что эта партия тоже становится на известную точку зрения «фелькиппе». Но реакционеры вокруг Гугенберга видят достаточно ясно, что ликвидацию антикапиталистической наклонности у мелкой буржуазии удобнее и целесообразнее провести при помощи антисемитизма. Кроме того нужно отметить, что действительные цели нац.-соц. партии в кругах реакции еще часто понимаются неправильно в том отношении, что значительно переоценивается социалистический элемент в движении. При известной нам обрисованной идеологии мелкой буржуазии нельзя агитировать исходя из идеи классовой борьбы. Достаточная причина для Гитлера и его советников, чтобы все больше растворять жалкие псевдосоциалистические остатки его программы в националистических чувствах принадлежности к единому целому. Все же намечавшийся все резче с 1928 г. мировой экономической кризис стяжал официально проводимой нац.-соц. партией политике катастроф столько симпатий, что на одной единственной нац.-соц. местной группе в Мюнхене, насчитывавшей в 1920 г. в своих рядах 64 члена, в 1928 г. стало приблизительно 1 200 местных групп с более чем 80 тысячами членов...

Нац.-соц. партия никогда не была в силах активно воздействовать на перестройку политической жизни Германии. Она лишь пользуется в своих интересах экономическое развитие, за которое одинаково нельзя считать ответственными ни форму правления ни программу правительственных партий Германии.

Мелкий буржуа в период промышленного кризиса

Начинающаяся с 1924 г. рационализация немецкой индустрии вызывает скачкообразный рост числа безработных. Кривая безработицы в Германии в свою очередь является исключительно рефлексом на господствующий во всем мире кризис производства и сбыта, в котором до абсурда заостряются и раскрываются внутренние противоречия капиталистической системы. Не только пролетариат страдает от этого кризиса, целая армия промышленных и торговых служащих теряет возможность существования. Мелкий буржуа, неспособный отозваться на мысль о солидарности с пролетариатом, видит свои интересы недостаточно защищенными национальной-немецкой народной партией, центром и социал-демократией, и все больше и больше поддается нац.-соц. агитации. Так как парламентские условия, т. е. состав большинства, делали невозможными новые выборы, лучше отражающие действительное настроение народа, получается курьез: партии, влияние которой изо дня в день растет, в рейхстаге все еще представлена лишь 12 депутатами.

В этом надо искать причину крайнего удивления немецкой буржуазии по поводу успеха на выборах 14 сентября 1930 г. Никто не думал о том, что происходит по всей стране; с примитивной гордостью молодых республиканцев все с интересом следит лишь за ораторскими боями в парламенте, не зная того, что конечные решения выносятся обычно не в парламенте.

Обостренная конкуренция

Центр тяжести нац.-соц. партии все больше и больше переносится в сев.-ную Германию. Аграрное население провинций Ганновер, Померания, Силезия и Мекленбург становится резервуаром, из которого нац.-соц. партия может черпать новые силы. Из северной Германии исходит также новая попытка задержать капиталистическое развитие партии.

Уже в 1925 г. д-р Отто Штрассер начал издавать журнал «Национал-социалистические письма», единственный орган национал-социализма, который когда-либо делал попытку идейного спора с противниками при помощи идейного оружия. Совместно со своим братом Грегором, которого Адольф Гитлер до некоторой степени считал к себе назначением его главным организационным руководителем партии, Отто Штрассер основывает издательство «Кампфферлаг», которое издает ряд нац.-соц. газет, пользующихся в северной Германии все большим распространением. В первую очередь следует назвать газету «Национальный социалист», которая распространяется в Берлине и в которой Отто Штрассер ведет энергичную и не безрезультатную борьбу против фашизации партии. Эта пролетарская ячейка мощенскому партийному нэпу чрезвычайно не попутна. Он не пропускает случая, чтобы не высмеять и не обругать окружающих Отто Штрассера «революционных националистов» дискуссионным клубом литераторов, не имеющих социальных корней. Гитлер исходит при этом из правильного понимания того, что выработка социалистических установок затруднит отмежевание нац.-соц. партии от марксизма. К тому же Отто Штрассеру, после его опыта в Ганновере и Бамберге, молодой берлинский руководитель партийного округа д-р Геббельс крайне не симпатичен. И так как духовные качества господина Геббельса не выдерживают сравнения с качествами Отто Штрассера, то хотя медленно, но верно растет до известной степени пролетарское направление в нац.-соц. партии. Эти обстоятельства толкают к решению, которое принимается наконец в июле 1930 г.

Но еще до того Адольф Гитлер на своем пути к легальному захвату власти натывается на новое препятствие. В саксонской республике одним из основных столпов партии является капитан-лейтенант Гельмут фон-Мюкке. Этот флотский офицер завоевал себя имя в войне, оказавшее свое действие в агитации перед выборами в саксонской ландтаг.

Торг с саксонскими марксистами?

Гитлер, исходя из своего психоза — боязни высылки, которая его никогда не покидала, видит в росте нац.-соц. движения в саксонской республике средство приобрести, путем участия в правительстве

национал-социалистов, германское подданство и использует Мюкке как связующее звено с остальными политическими партиями Саксонии. Мюкке рассказывает, что жажда Гитлера играть роль в парламенте привела его якобы к тому, чтобы побудить капитана-лейтенанта вести даже переговоры с ненавистными марксистскими партиями. Возможность коалиции с саксонскими социал-демократами — как повествует Мюкке — в 1929 г. безусловно имела место.

Предприниматель-пролетарий

Господин Мучман, текстильный фабрикант и член «рабочей партии», стучит кулаком по столу. И нахмуривание лба мощного финансового покровителя лишает партийного диктатора его решимости. Он дает Мюкке контрдирективу, нисколько не стесняясь перед Мучманом дойти до того, что он не стесняется открыто дезавуировать капитана-лейтенанта. Этот спор явился поводом для некоторых открытых писем Мюкке к имперскому руководству нац.-соц. партии, в которых между прочим говорится: «Господин Гитлер неоднократно за последние годы не был в состоянии провести в жизнь вследствие противодействия саксонского окружного руководителя, фабриканта кружков господина Мучмана, данные мне твердые обещания. Я не верю в будущее партии, вождь которой даже внутри партии не может настоять на своем, причем это тайна полишинделя, что влияние господина Мучмана основано на его обещании финансовой поддержки господину Гитлеру... нац.-соц. партия всецело зависит от денег».

Столь неприятные конфликты вполне достигают цели, к которой Гитлер стремится, но в обратном смысле: в кругах крупной буржуазии мало-помалу привыкают считать нац.-соц. партию достойной приема в порядочное общество и пробуют открыто и целюбезно оказывать влияние в капиталистическом духе на решения господина Гитлера.

Небольшая иллюстрация к этой теме: Случайно становится известным, что в январе 1930 г. инженер Готфрид Федер по поручению Гитлера делал доклад перед сilesскими крупными землевладельцами об аграрной программе нац.-соц. партии. Некоторые участники этого тайного совещания тоже стали известны: граф Кайзерлинг, господин фон-Винтерфельд, профессор университета Гельмфрид, тайный советник Нюффик, граф Пюклер, граф Цедлиц и директор банка фон-Эйхгорн.

Берлинский диспут

В таких двусмысленностях национальные «социалисты» вокруг Отто Штрассера справедливо видят измену программе нац.-соц. партии. Этим политическим мошенничеством чрезвычайно затрудняется агитация, рассчитанная главным образом на берлинский и северо-германский пролетариат: все грубее и открытее становится нападки берлинских фрондеров на капиталиста Гитлера.

С каким бы паническим страхом господин Гитлер ни относился к принципиальным объяснениям, после того как Отто Штрассер бросил упрек Гитлеру в финансовой и политической связи его с тайным советником Гугенбергом и реакционными патристическими союза-

ми дискуссии между ним и Отто Штрассером неизбежна. Стоявшие за Гитлером промышленники толкают свою резолюцию после театрального грома, которым он—с головы до пят кардинал инквизиции—хочет заставить Штрассера выйти завед свой еретические тезисы, состоявшая наконец 21 мая 1930 г. дискуссия между Гитлером и Штрассером, о которой последний пишет в своей оправдательной статье: «Министерский портфель ила революции». Эта берлинская дискуссия окончательно уничтожает сказку о социалистическом характере нац.-соц. партии и раскрывает такую бедную человеческой глупости и наглости, что отчет Штрассера должен был бы быть наилучшим оружием в борьбе против нац.-соц. партии.

При дебатировании вопроса о личной собственности дело доходит до следующих объяснений, которые мы приводим на отчете Штрассера дословно:

Все остается по-старому

«После того как по этому пункту уже нельзя довольно долго экономическая дискуссия, я опять резко перевел речь к вопросу о социализме, поставив Гитлеру конкретный вопрос: что бы вы, например, сделали с акц. о-вом Круцца, если бы вы завтра взяли власть в Германии? Осталось бы у акционеро-в и рабочих в вопросах собственности, прибыли и руководства все по-старому, или нет?

Гитлер: Но само собой разумеется! Неужели вы думаете, что я так безумен, чтобы разрушать хозяйство? Только в том случае, если бы люди действовали не в интересах нации, тогда лишь вмешалось бы государство. Но для этого не требуется отчуждения и участия в управлении частнохозяйственными предприятиями, это делает сильное государство, которое одно имеет возможность, не обращая внимания на частные интересы, руководиться исключительно высшими соображениями.

Я: Да, господин Гитлер, если вы хотите оставить капиталистическую систему, тогда вы не должны говорить о социализме! Ведь наши единомышленники в первую голову социалисты, и они указывают на программу, определенно требующую социализации обобществленных предприятий.

Социалист—идеолог частного хозяйства

Гитлер: Выражение «социализм» само по себе плохо, но все же это не означает, что эти предприятия *должны* быть социализированы, а только лишь, что они *могут* быть социализированы, а именно в том случае, когда они нарушают интересы нации. Никогда этого нет, было бы преступлением разрушать хозяйство.

Я: И, правда, не видел еще капиталиста, который бы не доказывал, что он делает все лишь для блага нации. Как вы хотите это установить со стороны? Как вы сможете здесь обосновать право вмешательства государства без того, чтобы не создать безграничный произвол чиновников над хозяйством, который внесет в хозяйство гораздо бо́льшую степень беспорядка, чем любой социализм?

В этом духе идет переписка в течение четырех часов. Очевидно много разговора рассказывают, что Гитлер в течение этой дискуссии четыре раза плакал. Подлинное, настоящее горе. В одно мгновение

он якобы протягивал с патетическим жестом руки холодному Штраассеру, а через минуту топал ногами и грозил своему противнику всеми муками ада. Нет почти ни одного пункта нац. соц. программы, которого бы не коснулась дискуссия, и нет почти ни одного пункта, которым бы не поступился Адольф Гитлер после потока фраз.

Раскол

Слова Гитлера и его диктаторские жесты не помогают. Отто Штраассер отказывается прибыть в Мюнхен в качестве «главного руководителя прессы». Гитлер, неспособный, слишком слабый и трусливый, чтобы какое-либо мероприятие провести персонально, поручает Геббельсу «заметку» берлинского движения, и политикой мелочных придирок, для которых политических дарований Геббельса как раз достаточно, удается убедить Отто Штраассера выйти из партии. Под давлением «революционных национал-социалистов» объединятся группа интеллигентов, в которой принадлежат среди других писатели Эрнст Юнгер, Арнольд Брюннен и Вернер Лассе, нац.-соц. редакторы Мисаковский и Шанке, а также майор Бухруккер, чей кюстринский путь заслужил ему название «немецкого революционера». Правда, группу Штраассера в общем чрезвычайно переоценивают. Ее ценность не в ее реальном, а в ее символическом значении, именно постольку, поскольку агитационные брошюры этой группы на самом деле живютен тем, чем должен был бы быть официальной устав нац.-соц. партии, если бы она сама принимала всерьез свою программу.

С выходом из партии сторонников Штраассера — Грегор расстался со своим братом и остался у Гитлера — устранено последнее сопротивление, которое могло бы задержать взятый партией курс на легальность.

В январе 1930 г. в Тюрингии создается особое парламентское соотношение сил. То, что в империи станет явным лишь при выборах в рейхстаг 14 сентября, в Тюрингии намечается уже на три четверти года раньше: немецкой народной партией, партией промышленного капитала надоела скрытая коалиция с социал-демократией. Предприниматели считают, что пора покончить с парламентаризмом. Переход от конкурирующего капитала к монопольному, все резче обозначающийся трестирование не может уже считать демократическую республику целесообразнейшим выражением своей власти.

Министр промышленного капитала

Фракция ландтага народной партии обращается к Адольфу Гитлеру и сообщает ему, что она согласна принять в намеченный в образованию кабинет одного нац.-соц. министра, которого господин Гитлер будет любезен наметить.

Из этого факта ясно, насколько в заинтересованных кругах стала очевидна политическая полезность нац.-соц. партии для капитала. Хотя братья Штраассеры и большинство членов интelleктуально-индустриальных национал-социалистов страстно сопротивляются этому требованию, Гитлер все же указывает на своего старого товарища Фрика, как на кандидата в министры.

Это опять-таки обозначает отказ от одного пункта той программы, познание которой в жизнь воздвиг поручилась своей

головой: в основе всех нац.-соц. положений стояло признание пружности и бессмысленности теперешнего парламентаризма. В бесчисленных передовицах парламентаризм назывался дьявольской еврейской выдумкой, в течение ряда лет нац.-соц. агитация велась борьбой против «говорильни в Берлине» и «так называемого высокого собрания». Всякое правительство, которое создавалось на основе парламентского соотношения сил, клеймилось как преступление против народа. И еще несколько месяцев тому назад, на съезде партии в Кюриберге в 1929 г., теперешний кандидат в министры д-р Фрик говорил: «Национал-социалисты мечтают о дне, когда некий лейтенант с отрядом в десять человек уготовит парламенту, этой чертовнице заслуженный бесславный конец и очистит путь для нац.-соц. диктатуры». Последовательный национал-социализм всегда преследовал политику катастроф, так как лишь на развалинах либеральной формы правления может быть воздвигнуто здание нац.-соц. государства будущего.

Нац.-соц. партия старается быть полезной

Было бы смешно этот крутой поворот приписать исключительно личной жажде власти Адольфа Гитлера: он является необходимостью. Нац.-соц. партия нужна предпринимателю для начинающегося перехода парламентаризма в диктатуру. В начале 1930 г. в кругах промышленников такой поворот считают еще опасным делом, для которого нужно было бы заручиться поддержкой сильной, организованной в военном отношении партии. Такой взгляд оказался ошибочным, и слишком эта неправляется 1½ года спустя сама собой, путем издания чрезвычайных декретов.

Итак, д-р Фрик, окружной ассессор из Ширмазенга, становится министром внутренних дел республики Тюрингии.

Правда, Гитлер считал несомненную задачу противопарламентской борьбы достаточно важной, чтобы доказывать необходимость ее в длинной речи. В день, когда министр Фрик приносит принятию государственной конституции, написанной евреем Розенталем, университетским профессором в Йене, Гитлер выступает на массовом собрании в Веймаре и говорит следующее: «Мы в Германии идем сейчас навстречу большой гражданской войне. Если мы теперь в Тюрингии решим принять участие в правительстве, то это вовсе не означает отказа от нашей программы, а лишь нашу железную волю превратить в жизнь в этом прекрасном крае наши основные принципы».

Фрик — жемчужина в золотой оправе

Таким образом мирно правит нац.-соц. министр д-р Фрик рядом с коллегой из хозяйственной партии и еще одним из лагеря аграрной реакции.

А немецкая национальная партия дает свое благословение этим нац.-соц. принципам, следов которых в правительственных мероприятиях господина Фрика не найдет даже внимательнейший наблюдатель.

После выхода из партии Отто Штрассера сопротивлению этому фашистскому курсу нечего опасаться. От кого бы ему исходить? Может быть от фракции нац.-соц. партии в рейхстаге, от людей, которые должны бы представлять волю подумавшихся отчаявшихся

мелких буржуа? В числе этих двенадцати человек двое дворян, пять офицеров, три академика и один единственный рабочий.

Может быть от самого Адольфа Гитлера? Тот сидит в Мюнхене, окладывает самодовольным взором дело рук своих и шепчет себе под нос: «Мне теперь 40 лет. И должен наконец прийти к власти».

А этого он может достичь, только опираясь на людей, которые уже находятся у власти.

НА ВЕРШИНЕ ВЛАСТИ

«С десятимиллионной партией нельзя делать революцию».

(Адольф Гитлер)

Повесть по частям

Инварь 1930 г. Фрик правит в должности министра внутренних дел Тюрингии. Нац.-соц. пресса в восторге прямо-таки теряет равновесие. Рядовой член партии видит признак гигантского продвижения вперед нац.-соц. идеи в том, что один из его круга может быть министром управляемой парламентом немецкой провинции.

Нац.-соц. партия насчитывает в это время приблизительно 200 тысяч официальных членов, которые организованы в 28 областных союзах по всей Германии. 200 тысяч человек, которые безоговорочно подчиняются указанию «верховного вождя партии». Партийное руководство считает необходимым прекратить на некоторое время прием новых членов, чтобы заняться «сметкой». Тайный приказ всем отдельным окружным руководителям предписывает, что все те, «о которых можно предположить, что они в будущем будут практически бесполезными для партии (неаккуратные плательщики, неаккуратные посетители собраний, слабые и трусливые характеры, держанцы нос по ветру, скандалисты, пьяницы и т. д.)», должны быть исключены из партии. Теперь можно разрешить себе быть разборчивым — на вершине власти.

Но власть нужно использовать. Глаза всей Германии обращены на Тюрингию, где Фрик будет претворить нац.-соц. волю в действительное действие. «Партийный товарищ Фрик» становится мифологической личностью в глазах национал-социалистов.

Что он предпримет? Авгуря улыбаются, они знают: начеку, что бы могло стать опасным для правящего класса.

Чиновничья комедия

Фрик — административный чиновник. Он знает все трюки, посредством которых дерзкие и интригующие подчиненные могут, не компрометируя себя, отравить жизнь своим начальникам, а этим знанием он пользуется во-всё. Первые правительственные мероприятия Фрика касаются полиции Тюрингии. Демократической прессе снится от злости, видит как Фрик систематически забирает в полицию нац.-соц. элементы. Республиканцы эти забыли, что метод Зевебинга, — отдача простым распоряжением под начало государству недостаточно надежной коммунальной полиции, — в свое время возмущался, как дело высшей государственной мудрости. Хорошо. Фрик делает

то же самое, точь-в-точь то же. Он не выходит за границы, которые предначертаны конституцией, если он во всех крупнейших городах изымает из ведения коммун полицию и отдает ее под начало властвующим доверия нац.-соц. командирам.

Имперский министр внутренних дел Зеверинг прекращает выдачу субсидий Тюрингии, которые империя обязана платить ей в покрытие расходов по содержанию полиции. Прекращение он правдоподобно обосновывает тем, что полиция Тюрингии может в один прекрасный день явиться угрозой существованию государства, если она будет в основном состоять из национал-социалистов. Он забывает одно, что Германия является парламентарной республикой и что большинство в парламенте, опираясь на свое право, может поступить со страной как ему угодно.

Борьба за полицию

Борьба за тюрингенскую полицию кончается полнейшей неудачей имперского министерства внутренних дел. Жалоба Фрика на слишком сильное правительство не рассматривается верховным государственным судом в порядке официального судебного следствия, но представитель этого суда считает правовое положение империи столь неблагоприятным, что настойчиво советует новому имперскому министру внутренних дел Иосифу Вирту пойти на полюбовное соглашение. Уволенные Фриком на основании подозрения в социал-демократических взглядах полнейские служащие и высшие чины получают службу в прусской республике, и в остальном Фрик может делать, что он хочет.

Преобразование полиции является единственной правительственным мероприятием Фрика, которое надо принимать всерьез. Все остальное—парламентарство, раскланивание перед галеркой нац.-соц. театра. Например, знаменитые молитвы, которые Фрик ввел как обязательные для всех школ тюрингенской республики. Глухие песни ненависти, которые несомненно с пунктом 148 германской конституции, и поэтому они, спустя некоторое время верховным государственным судом объявляются отмененными. Но все же всем школьникам тюрингенской республики пришлось в течение месяцев внимать следующей «молитве»:

«Отец, в твоей всемогущей руке
наш народ и отечество.
Ты был силой и честью предков,
наше ты—постоянное оружие и охрана.
Поэтому освободи нас от обмана и предательства,
дай нам силу для дела освобождения,
даруй нам геройскую отвагу спасителя.
Пусть честь и свобода будут нашим лучшим достоянием!
Нашим обетом и лозунгом пусть будет:
Германия, пробудись! Господь, сделай нас свободными!
Да будет воля твоя!»

Так называемая «культурная политика»

Культурная политика вообще настоящее призвание Фрика. Так, после трудов на пользу религии он вступает за немощную музыку и запрещает, не долго думая, на подвластной ему терри-

тории джиза, предоставляя решение о том, что под этим надо понимать пивным полицейским органам.

Университет в Йене он надевает нац.-соц. теоретиком-расчетом, доктором Гюнтером в качестве «профессора по расовой биологии». Сепат возмущенно сопротивляется назначению этого фантаста, но тщетно. Знаменитый с давних времен университет в Йене должен также терпеть чтение лекций по немецкой литературе известного Адольфа Баргелера. Это бравый литературный ремесленник, усматривающий в течение десятилетий свою жизненную задачу художника в том, чтобы в многочисленных памфлетах закидать грязью мертвого еврея Генриха Гейне.

Даже в кругах покровительствующей нац.-соц. крупной буржуазии это странное занятие вызывает неприятное удивление. Наша долготерпеливая переносителен, когда Фрик назначает скуднатора Шульде-Наумбурга руководителем государственной академии искусств и государственных музеев. Шульде-Наумбург, преданный последователь блаженной памяти бидермейера, не долго думая, удаляет из веймарского музея все скуднатуры и картины Эрнста Барлаха, Кля, Пикассо и Шагала на том убедительном основании, что эти художники якобы представители «низшей, восточной расы» и им нет места в собраниях художественных произведений.

Даже газета тижедной промышленности «Дейтинг Альгемайне Дейтинг» не может обойти молчанием медлодобое менраство этой художественной политики и энергично нападает на узколобость Шульде-Наумбурга, продукты которой тот сбывает во время дисконционного тура по всей Германии.

Классики и политический убийца

Что министр Фрик в годовщину смерти Гете предоставляет веймарский национальный театр, у входа в который стоит статуя Гете и Шиллера, в качестве зала собрания для агитационной речи политического убийцы Павла Шульда, уже ничего не поражает: даже самый большой оптимист стал понимать, что национал-социализм и искусство, несмотря на профессию или вернее вследствие профессии художника Адольфа Гитлера, не имеют друг с другом ничего общего.

Но другие мероприятия министра Фрика уже не вызывают смеха: уязвены и одновременно радуются раскрытию абсолютной бездельности нац.-соц. партии, когда дело касается практической хозяйственной политики. Неоспоримо доказано, что Фрик как-то в широком кругу выразился, что он рад, что у нац.-соц. партии нет хозяйственной программы. Это и заметно.

Жизненная политика Фрика начинается с того, что он для покрытия крупных государственных дефицитов повышает предусмотренную законом квартирную плату на 6%. Одновременно он отменяет закон о квартирном кризисе в 70% всех населенных мест Тюрингии, так что лишь в 33 общинах с землице огражден от произвола домовладельцев. Это открыто враждебное отношение к квартиро-панимателю Фрик старается затуманить тем, что вводит 20% повышение квартирной платы для так называемых «дорогих квартир», причем граница между дорогими и недорогими проводится таким образом, что в число «дорогих» попадают квартиры уже с платой в 50 марок в месяц. Это поблизку

домовладельцам, о которых хозяйственная партия в Германии может лишь мечтать.

Да, крестьянин это совсем другое дело

«Политика кормушки»—обвинение, которое национал-социалисты постоянно бросают парламентской системе. Министр же Фрик при своем вступлении в должность обуславливает себе оклад, равный окладу имперского министра, ставит в качестве «специалистов» в отдельных министерствах членов партии и дает им оклад, почти равный окладу министров соответствующих ведомств.

Но все это вещи, о которых мелкая буржуазия ничего не подозревает. «Аполитичная» провинциальная пресса, находящаяся почти исключительно под контролем тайного советника Гугенберга, ничего о таких вещах не сообщает. У нац.-соц. агитаторов, наводящих страну в ожидании будущих выборов в рейхстаг, тоже есть другие заботы кроме разговоров о провале нац.-соц. политики. Этим можно объяснить, что вся Германия все еще в настоящем телячьем восторге ожидает чуда нац.-соц. освобождения.

В это время Конъюнктурный институт констатирует, что промышленная продукция Германии стоит на четверть, в некоторых областях даже на половину ниже довоенного уровня. Резкий скачок вверх цифры безработных можно сравнить в темне лишь с падением марки.

Решает деревня

Рабочие, служащие, чиновники, батраки и крестьяне—все они находятся под неслыханным гнетом экономической пугзды, которая изо дня в день усиливается. Если они когда-либо верили в германскую республику, то они эту веру теперь окончательно потеряли. Чувство катастрофы вызывает у мелкой буржуазии отказ от всех существующих политических программ. Деревня, всегда остававшаяся почти необслуженной в смысле политической агитации, видит и слышит лишь нац.-соц. ораторов. Уже летом 1930 г. начинается предвыборная кампания, проходящая исключительно под знаком национал-социализма.

Не существует ни одного самого отдаленного села во всей Германии, в котором бы не проводилась нац.-соц. предвыборные собрания. Расходы на эту предвыборную пропаганду достигают миллионов.

Высчитано, что национал-социалистами проведено в Германии всего около 34 тысяч выборных собраний. Невзирая на равнообразие в даровании и темпераменте отдельных агитаторов, основной тон всех предвыборных речей один и тот же: «Когда мы придем к власти, мы тотчас же прекратим платежи по обязательствам Юнга. Этим государство сэкономит 1 700 миллионов марок в год. Эти сбережения пойдут на то, чтобы снизить налоговое бремя. Промысловый налог будет отменен. Высчитывайте сами, что это означает для каждого в отдельности. Будете ли вы выбирать партии, защищающие платежи по юнговским обязательствам, или нас, которые хотят освободить немецкий народ от его угнетателей и среднее сословие от налогового бремени?»

Кто покрывает расходы по этой пропаганде?

Тайный советник Гугенберг заключил с нац.-соц. партией соглашение, которого он навряд ли от Гитлера добился даром: между немецкой национальной народной партией и нац.-соц. партией об'является мир. Немецкая национальная народная партия отказывается от вмешательства в выборную кампанию нац.-соц. партии, за что последняя обязуется не агитировать против немецкой национальной народной партии. Более выгодную позицию имеет — но крайней мере среди сельского населения — нац.-соц. партия.

Причины этого бесконечно просты. Национал-социалисты обещают всем все с беззаботностью, которой соответствует слепое и восторженное доверие слушателей. Крупному землевладельцу они обещают повышение покровительственных пошлин и понижение заработной платы батраков, мелкому крестьянину — понижение цен на искусственное удобрение, запрещение ввоза свежего и мороженого мяса и повышение цен на мясо; батраку, котящемуся в хлебоподобных хижинах, — достойные человека жилища с удобствами, землю для поселения и повышение денежной заработной платы.

Незадолго до выборов в брауншвейгской республике так же, при подобном же соотношении сил в парламенте, как и в Тюрингии, попадает в правительство один национал-социалист: прусский советник ремесленной управы д-р Францен становится министром внутренних дел. В остальных партиях теперь начинают понимать опасность, которую представляет нац.-соц. партия. В промышленных центрах социалистические партии пытаются воспринять участие в пролетарский фронт. Но деревню без боя отдают во власть национал-социализма. А решает деревни.

Внезапно налетает роковое 14 сентября 1930 г. — день, являющийся свидетелем охватившего германскую республику настроения светопреставления.

Победа!

Сто семь нац.-соц. депутатов!

«Наци» — вторая по численности фракция в германском рейхстаге!

Шесть миллионов четыреста тысяч голосов за Гитлера!

И еще на рассвете владельцы рыцарских замков в шубах, степенные имперско-республиканские чиновники, ремесленники, студенты, приказчики, светские дамы с Фридрихштрассе рвут из рук у газетчиков газету «Фелькишер Беобахтер»: «газета нашей партии».

Курсы акций падают с невероятной быстротой, иностранные концорциумы выбрасывают на рынок один пакет акций за другим. «Предлагают! Предлагают!» Курсы иностранной валюты на мировом рынке начинают колебаться. Имперский банк вынужден решиться на значительную выдачу золота, чтобы помпцать падающую марку. Крупные вклады изымаются из банков. Паспортные отделы полицейпрезидиумов осаждаются лицами, требующими заграничных паспортов...

Президент имперского банка Лютер высчитал, что этот один единственный день стоил немецкому денежному рынку примерно от одного до полутора миллиардов золотых марок!

Эта биржевая паника решает судьбу «рабочей партии». Адольф Гитлер, мелкий буржуа из Браунау на Инне, становится вдруг мировой известностью, заслужить благосклонность которого наперебой спешат и Уол-стрит и Вильгельмштрассе, Ке-д'Орее и Даунинг-стрит. Глава английской реакционной прессы лорд Ротермир лично одет в Мюнхен. Там уже забыли, что еще несколько месяцев тому назад клеймили этого человека как еврейского отпрыска. Там уже забыли, что причинила «Дейли Мэйль» немецкому народу во время войны; гаветного лорда встречают с радостью, и Адольф Гитлер исполняет задачу, которую немецкий капитализм отдал для него. В интервью в целую страницу он говорит, что войны-революция у него и в мыслях не было; само собой разумеется, и национал-социалисты будут платить репарации, а также просят дружеской, при случае, ревизии долгов, мирной ревизии мирных договоров. Совсем как демократ...

Курс акций мало-по-малу приходит в равновесие. Марка стоит на месте. Германская республика спасена. Спасена путем посредств Адольфа Гитлера в том, что он лояльный гражданин государства и что никто якобы не имеет права обвинить его в революционном взрывании Германии.

Все, что Гитлер и нацистская партия после этих интервью делают, это не более, как пилить, пилить, повторения и подчеркивания того, о чем на этих страницах неоднократно говорилось: что национал-социалистическая партия является гвардией немецкого капитала, который позаботился о дополнительном способе перевода республиканского способа правления на рельсы фашистской диктатуры. Вождь некогда «революционной» партии воздерживается ответственностью за общественные дела и оказывается, из-за своего слабости, чтобы ее нести.

Правда, стараются показать себя более революционными, чем когда бы то не было, но это не может скрыть того обстоятельства, что небывалый рост мейн-нац-соц. партии привозил не за счет марксистских партий и не за счет буржуазных: немецкой-национальной и немецкой народа-партии. Радикализация мейн-нац-соц. партия достигает высшей точки, а демократически добитые классы и все классы равны нулю, и это неизбежно ведет к тому, что по отношению к прежнему делается дело буржуазии, но под новым флагом.

Придет ли третья империя?

После 14 сентября болевшая немецкая пресса сразу начинает принимать всерьез Гитлера и национал-социализм. Пробуждается сознание того, что такой исход выборов связан за многолетние политические ошибки, содеянные немецкой республикой в течение последних 10 лет. Начиная изучать все детали нац-соц. программы, обсуждают ее, и все-таки снова встает острый вопрос, приближающийся к диктатуре, приближается ли третья империя?

Молодой республиканец, гордивший своей фирмой-революцией, легко и ослонно не замечает того, что вопрос о диктатуре встает раньше в пользу последней уже в январе 1930 года, когда опубликованы первые чрезвычайных декретов правительства Гинденбурга.

Правительственная пресса явдо пытается приспособить нац.-соц. партию к участию в правительстве, ослабить агрессивность ее штурмовых отрядов, внушить ей чувство ответственности, заставив ее считаться с «государственнополитической необходимостью».

Наплыв в фашистскую партию

Мелкий буржуа и батрак, буржуа и пролетарий пренебрегают надеждой на тысячелетнее царство, на обетованную землю, на объединение всех немцев в истинно германском духе.

Национал-социалистическая пресса наслаждается победой и утопает в экстазе надежд на будущее. В партийные бюро непрерывно льется поток тех, кто хочет напомнить о себе, чтобы получить должность в третьей империи: это безработные с высшим образованием, дрожащие при мысли о превращении в пролетариев, служащие на пенсии и в отставке, военные, профессиональные политики, оставшиеся без парламентского мандата, ландкнехты.

Во всех провинциях Германии возникают новые нац.-соц. газеты. Партия располагает 12 ежедневными газетами, 54 еженедельниками, одним еженедельным иллюстрированным журналом, одним парламентским бюллетенем и многими ежемесячными журналами.

Тираж «Фолькшпер Беобахтер» быстро растет. Национал-социалисты переняли от коммунистов систему уличных и производственных ячеек как самой мелкой организации, которая обеспечивает им тесный охват всей организации. — На вершине власти...

Открытие рейхстага ожидается со страхом и беспокойством. В первый раз в него вступят 107 коричневых рубашек. В центре Берлина движутся взад и вперед, толнятся массы людей: что-то чувствуется в воздухе. Многочисленные полицейские патрули. Глухое возбуждение, которое передается всем прохожим. Угрожающее предзнаменование для парламентской деятельности нац.-соц. партии. Впрочем все спокойно пока, если не считать того, что налетевшие хулиганы организованно разбивают витрины в дюжине еврейских магазинов. Хотя на другой же день партийный комитет заявляет, что разбивали окна вовсе не национал-социалисты, а провокаторы-коммунисты, однако арестованные почти все без исключения состоят членами нац.-соц. Национал-социалистический министр д-р Франке из Брауншвейга дает полиции ложное показание, чтобы освободить своего товарища по партии, который воспользовался удостоверением депутата, не имея на то права...

Шествие гладиаторов

В Пруссии запрещено ношение формы национал-социалистов. 107 депутатов нац.-соц. партии 30 октября 1930 г. появляются в зале заседания рейхстага в коричневых рубашках. Эффективное появление, за которым, к сожалению, не следует никакого острого драматического действия. Невероятный поворот от революционной партии к партии большинства, представляющий загадку для нас самой, подтверждается тем, что депутат д-р Франк избирается председателем правовой комиссии, Штейер — вице-председателем рейхстага и их товарищ по партии д-р Фрик — даже председателем комиссии по иностранным делам, той комиссии, которая в конечном счете

является ответственной за всю внешнюю политику германской республики.

На вершине власти

Важные парламентские должности находятся в руках национал-социалистов. В самой стране движение растет изо дня в день. 28 окружных отделов с 400 тысячами членов. Колоссальная организация с множеством отделами, во главе которых стоит высокооплачиваемые функционеры партии, заместители партии в государстве. Организация партии, ее внутреннее устройство таково, что позволяет проводить в политических мероприятиях единственно только волю вождя, ответственного лишь перед самим собой. Хотя в парламенте нац.-соц. партия вынуждена подчиняться принципу большинства, для себя самой она этот принцип отвергает: Адольф Гитлер в партии всемогущ.

Задняя комната трактира в предместьях, в которой еще 10 лет назад пребывала немецкая рабочая партия, между тем превратилась во дворец, в котором объединены все «гражданские органы» партии. «Коричневый дом» в Мюнхене (Бриннериттрассе 45) был 5 июля 1930 г. куплен нац.-соц. партией и перестроен с затратой 4 миллиона марок в дом «Рабочей партии».

Фашистический подъем, который едва ли может быть превзойден!

Тень над штурмовыми отрядами

Наряду с «гражданскими» организациями партии около 80 тысяч хорошо вымуштрованных и вооруженных членов штурмовых отрядов ждут от вождя приказа о наступлении. Врачи, юристы и учителя объединены в особые профессиональные организации, чтобы проводить основные идеи национал-социализма в своей специальной области. Но внутренняя жизнь этой организации предстает полный контраст с ее внешними громадными размерами. Революционный порыв исчез. Только в помещениях армии и штурмовых отрядов сквозит и бродит глухое волнение, которое имеет себе выход. В общем же связи партии с правительственными учреждениями и носителями политической власти реакции и капитала стали настолько крепки, что каждая мятежная мысль парализуется чувством ответственности за существующее положение,—ответственности, которая все более падает на нац.-соц. партию.

Жалкое зрелище—отношение парламентских представителей рабочей партии к требующим немедленного разрешения вопросам социальной и финансовой политики. В самом деле, разве это только легкомыслие, что нац.-соц. партии не внесла в новый рейхстаг ни одного законопроекта об улучшении положения безработных? Только ли это деловая политика, когда нац.-соц. фракция не только не вносит предложения о снижении массовых налогов, а наоборот, 9 декабря 1930 г. открыто одобряет повышение этих налогов?

Анализ национал-социалистического парламентаризма

Деятельность нац.-соц. партии проходит мимо крупных вопросов германского пролетариата и ограничивается агитационными предложениями, которые разоблачают по существу суть ее реакционной

идеологии. Таково например знаменитое «дело № 1741», содержащее законопроект о «защите германской нации». 12 нац.-соц. депутатов, среди них д-р Фрик, Фодер, доктор Геббельс, граф Ревентлов и Грегор Штрассер, вносят законопроект, по которому наказуются смертью «за измену оружию»... те, кто «агитирует за духовное, физическое или материальное разоружение немецкого народа... или же одобряет или восхваляет уклонение от воинской повинности, или повинности оборонять страну». Далее этот проект требует введения новых уголовных статей за такие деяния, как измена народу, экономическая измена, измена расе и культуре; они также должны караться смертью или же тюрьмой. В § 6 этого законопроекта требуется введение вновь телесного наказания для тех преступников, которые поносят, относятся с презрением или же возбуждающим гнев неуважением к «живым или мертвым национальным героям, к вождям армии или обладателям высших германских орденов за храбрость; или же прежней или существующей военной власти; или же к знакам или символам обороны страны, и в особенности к знакам отличия, к форме и знаменам».

За удорожание стоимости жизни

Такого же характера и те многочисленные проекты, внесенные нац.-соц. фракцией, в которых ставится вопрос о повышении защитительных пошлин на зерно и продукты питания. Выдвинувшим проект остается решить, насколько это бессовестное наступление на уровень жизни рабочих соответствует вывеске нац.-соц. партии, эмблемой, что это «рабочая партия».

Проектом № 612 национал-социалисты объявили свою волю, что отныне в Германии цена за тонну пшеницы должна быть установлена в 300 марок, в то время как на мировом рынке пшеница котируется максимум в 120 марок. Повышение пошлин на масло с 30 до 50 марок на центнер, введение громадных пошлин на пшеничные отруби, охранительных пошлин на кормовые продукты и введение государственной монополии на колониальные товары (южные фрукты) — таковы некоторые героические подвиги национал-социалистов в рейхстаге. Среди 107 депутатов имеется много помещиков, интересы которых партии очевидно гораздо важнее, чем стремление установить достойный жизненный уровень для рабочего населения Германии.

Особенно показательным для безусловного подчинения нац.-соц. партии капиталистическим партиям то положение, которое заняла нац.-соц. фракция по отношению к внесенному коммунистической партией законопроект. 6 декабря 1930 г. в рейхстаге дебатировался следующий законопроект:

Против особого обложения налогом нетрудовых доходов

«1. Все содтоиния свыше 500 тысяч марок подлежат обложению единовременным налогом в размере 20%.

2. Все дивиденды и прочая распределенная прибыль промышленных предприятий подлежат обложению налогом в размере 20%.

3. Все тангельмы наблюдательных советов и им подобные доходы подлежат особому налогу в 20%.

4. Все доходы свыше 50 тысяч марок облагаются особым 20%-ным налогом».

В поименном голосовании национал-социалисты голосуют против этого коммунистического предложения. Правда, после того как партийная печать резко раскритиковала их позицию по отношению к этому предложению, они спустя неделю вносят свое собственное предложение, которое они ограничивают одним только обложением прибыли, не упоминая об особом налоге на крупное имущество. Что нац.-соц. партия противится в дальнейшем всякому страхованию безработных, что она, напротив, стремится к дальнейшему ухудшению их положения, доказывает проект «№ 468», в котором «д-р Фриш и товарищи» предлагают введение трудовой повинности в течение года «для уничтожения безработицы с особым учетом переносимого положения, образовавшегося на сельском рынке труда в результате существующих правил о страховании безработных».

Против прекращения репарационных платежей

Национал-социалисты достигают непревзойденной вершины в отрицании своей программы и всей истории своего развития, когда вскоре после открытия рейхстага они в комиссии по иностранным делам воздерживаются от голосования следующего предложения, внесенного коммунистической фракцией: «Рейхстаг постановляет: все платежи на основе плана Юнга немедленно прекращаются. Это как раз то требование, которое национал-социалисты восхваляли и превозносили в течение 10 лет как основной пункт своей политики и как единственное средство спасения Германии. Но за это время в Мюнхене принимали лорда Ротермира, и Гитлер вместе со всей нац.-соц. партией перекинулся на сторону международного капитала, часть которого всегда была против пересмотра мирных договоров.

Альфреду Розенбергу осталось только обвинить в «Фелькинер Beobachter» от 8 ноября 1930 г. эту поразительную измену своему делу тем, что «предложение КНГ является не чем иным, как провокационной попыткой отдать немецкий народ, пользуясь его терпеливым положением, на произвол волеи обоснованного насилия и излупировать его от всего мира». Нельзя было высказаться более ясно и открыто в пользу политики выполнения, которую нац.-соц. партия уже десять лет неустанно выставляет как продукт марксистского безумия.

Но не всегда бывает удобно прикрываться формулировкой «провокационной попытки». Когда нац.-соц. фракция также голосует 9 декабря 1930 г. против коммунистического предложения об увеличении на одну марку еженедельного пособия кормящим матерям, то только лебу известно, какие провокационные элементы заключаются в этом предложении.

Налог на универсальные магазины

В этой непрерывной цепи поражений, которые терпит нац.-соц. партия при выполнении своих программных требований, имеется одно героическое деяние, которым она очень гордится: ей удалось

провести при поддержке буржуазных партий особый налог на универсальные магазины и потребительские кооперативы. Партия считала, что этот специальный налог радикально улучшит положение мелких ремесленников. Ни одному из просвещенных экономистов партии не пришло в голову, что универсальные магазины могут без всякого труда переложить этот особый налог на потребителей, просто на-просто ухудшив качество товара. Ремесленники, отдавшие свои голоса нац.-соц. партии, уже теперь могут решить, имело ли введение этого налога хотя бы малейшее влияние на их тяжелое экономическое положение.

Таков анализ 4-месячной парламентской деятельности нац.-соц. партии, которая стоит на вершине своего могущества, которая имеет за собой шесть с половиной миллионов радикализированных и нафашизированных немецких граждан, партии, которая начала свою деятельность как революционная партия и выродилась в представительницу интересов среднего сословия.

10 февраля 1934 г. вся фракция нац.-соц. покидает рейхстаг. Вместе с ней уходит партия тайного советника Гугенберга, который считает себя связанным с нац.-соц. общими интересами. Этот великодушный жест имел бы какой-нибудь смысл, если бы непосредственно за ним последовало решительное выступление. Но выступлений они вовсе не хотят. Таким образом в этом исходе «национальной оппозиции» проявляется не воля к борьбе революционной партии, но полнейшая беспомощность группы недовольных, до сознания которых дошло, что практическое выполнение их программы невозможно.

Крупный успех превращается в крупное банкротство. В чем же его причины?

РАЗЛОЖЕНИЕ

«Вы не имеете никакого права упрекать нас в социалистических стремлениях».

*(Депутат рейхстага
Готфрид Федер)*

Экономическая основа

Работа нац.-соц. партии должна осуществлять великую прекрасную мечту о священной германской империи, в которой каждый отдельный гражданин существует только для целого и через него; мечту о великой германской нации; мечту, под давлением которой во время войны немецкий народ органически разделился на спекулянтов, этаких офицеров и пушечное мясо.

Может ли долго существовать какой-нибудь социальный организм, в котором самые противоречивые экономические интересы причудливым образом соединены с расплывчатой идеологией? Могут ли работать мирно плечо к плечу над построением третьей империи предприниматель и пролетарий, крупный помещик и батрак, генерал и торговый служащий?

Исторический опыт говорит против этого предположения. Но национал-социализм хочет заставить нас поверить, что с появлением на мировой исторической арене национального социализма аналогично

и умозаключения невозможны. Поэтому он протестует против сравнения его с христианско-социалистической партией Штекера: поэтому он не хочет иметь ничего общего с антисемитизмом кайзерской Германии; поэтому его скептицизм тонет в бурном потоке идеалистического восторга. Может ли такой организм существовать?

Скандалы

О разложении национал-социализма говорят очень много. Рассчитывают, что нац.-соц. партия погибнет когда-нибудь вследствие своих внутренних противоречий. Безусловно нужно говорить о неразберихе, вызываемой мотивами личной ненависти и честолюбия, которые клокочут вокруг личности Адольфа Гитлера; нужно также сказать о судьбе штурмовых отрядов, для существования которых необходимо незаконие, как воздух, и которые отрицают принцип решения большинством всех вопросов, проводимых партийным руководством. Нужно сказать об их антикапиталистических тенденциях и о тех взрывах, к которым они вели. Но не нужно обманывать себя: судьба нац.-соц. партии и узел ее будущего развития может быть найден не в самой партии, а в тех экономических условиях, в которые она поставлена...

Не надо впадать в ошибку и усматривать начало крушения нац.-соц. партии в каждом скандальном деле, в котором замешан какой-либо нац.-соц. лидер. Не следует указывать с проницательным смешком на недостаток умственных способностей большинства 107 депутатов рейхстага. Но все-таки нужно говорить о том, что ни в одной политической партии Германии никогда не было такого количества отвратительных и бессмысленных ссор среди лидеров. Знаменательно, что при партийном центре в Мюнхене имеется «комиссия для расследования и примирения», у которой всегда много работы. Еще более знаменательно, что генерал в отставке Хейнemann отказался от председательствования в этой комиссии, когда Адольф Гитлер не в первый раз покрыл проступки одного из главных нац.-соц. лидеров. Можно было бы заполнить целую книгу одним только описанием детской «борьбы направлений» внутри нац.-соц. партии, в которой проявляется безудержная жажда влечения лидеров третьей империи.

Хромота доктора Геббельса

Вот только несколько примеров, рисующих нравы, царящие в ближайшем окружении Гитлера. Мужик, который как будто думает только о спасении Германии, имеет достаточно времени для страстных интриг. Вйганд фон-Мильтенберг, о котором много раз упоминалось, революционный националист, рисует нам яркую картину: «Среди большинства лидеров господствует свирепая вражда, которую Гитлер не только не старается уничтожить, но, наоборот, с умыслом разжигает. Штрассер, с тех пор как со времен Брамберга... враги не на жизнь, а на смерть. Каждый называет другого «жидовским отродьем» (наиболее тяжелое и поэтому наиболее употребительное среди «нацисов» оскорбление). Вокруг одного физического недостатка д-ра Геббельса (уродливо искривленная ступня) в течение многих лет велась ожесточенная борьба, так

как братья Штраассеры утверждали, что это недостаток от рождения, что Геббельс конечно оспаривал; он должен был это оспаривать ввиду того, что нац.-соц. учение о расе считает подобные физические недостатки признаком неполноценности. Ораторское тщеславие Геббельса каждый раз служило для Штраассеров предлогом для насмешек, для которых у них бывало много поводов, так как у Геббельса сильное стремление разыгрывать из себя героя. Лживое, как это уже доказано, утверждение д-р Геббельса, что во время рурских боев он в течение 14 дней должен был переносить в одной бельгийской тюрьме удары плетью, занимало в течение многих недель всю немецкую печать. Прочие ссоры из-за соперничества разыгрывались большей частью за партийным занавесом.

Маленькие ссоры поддерживают дружбу

Так например, директор партийного издательства Амман и главный редактор Альфред Розенберг уже несколько лет сносятся друг с другом только письменно, а именно через Гитлера. Амман, товарищ Гитлера по военной службе, называет Розенберга «балтийцем, страдающим манерой величия», за что Розенберг отплачивает ему «надутым фельдфебелем». Когда Розенберг в ударе, он называет господина Эссера, руководителя нац.-соц. журнала «Лгуном», «обманщиком», «наемником еврейской газеты».

Далее, депутат баварского ландтага Гутман обвиняет Юлиуса Шрейхера из Нюрнберга в том, что он неправильно отчитался в расходовании партийных денег во время последнего партийного съезда... Все это симптоматично только потому, что Гитлер никогда и не пытался со всей решительностью ликвидировать лихоимство. Его система не могла бы существовать без этого... Это вовсе не случайность. Нац.-соц. партия еще слишком молода. Все эти люди слишком рано пришли к власти и почету. Успех их ослепил, легкость восхождения сделала их скептиками, неуверенными, недоверчивыми. Где-то в глубине их сознания таится страх, что все это в один прекрасный день исчезнет. «Дух фронтового содружества», который, по всей вероятности, воодушевлял первых сторонников «германской рабочей партии», уже давно исчез. Каждый считает, что он должен защищаться от другого. Каждый подозревает, что его сосед—счастливый конкурент в состязании за расположение Гитлера...

Так как никто ни в малейшей степени не рассчитывал на подобный успех на выборах, то многих кандидатов, ни в коей мере не обладавших соответствующей квалификацией, выдвинули только для проформы. И вот теперь депутаты и руководители парламентской фракции должны тащить этих людей за собой.

Разложение борцов против разложения

Исключенный из нац.-соц. партии д-р Дитгар, автор известного дурицу славу романа «Грех против крови», рассказывает в своем журнале «Христианский дух» много о системе Гитлера, который разлагает каждого честного человека и превращает его в беззащитного охотника за местами и карьериста. Занять пост в нац.-соц. партии—выгодное дело: отдельные окружные руководители получают месячное жалованье более чем в 1000 марок. Вознагражде-

даже за речи на массовых собраниях, особые гонорары за статьи в газетах и журналах, к которым многие лидеры присоединяют еще довольно значительное депутатское жалование,— все это создает атмосферу склоки и паушинчества, которые коренным образом отличаются от основного тезиса партийной программы: «всеобщая выгода идет впереди личной».

В своем оправдательном послании Отто Штрассер приводит очень характерный разговор с Гитлером. Гитлер указывает репетиту на похвальное подчинение его брата высшему усмотрению партийного лидера; на это Отто Штрассер якобы осмелился задать Гитлеру следующий вопрос, на который он не получил ответа: «Думаете ли вы, господин Гитлер, что мой брат остался бы у вас, если бы не находился в материальной зависимости от вас?»

Грегор Штрассер ненавидит Геббельса; заместитель главного начальника штурмовых отрядов полковник Стеннес не выносит главного начальника штурмовых отрядов фон-Ифейфера; руководитель ганноверского округа считает руководителя турского округа плутом. Один обвиняет другого в комиссии для расследования и примирения в нарушении данного слова, в неправильных вносах денег в окружные кассы, в фальсификации документов, в преступлениях против нравственности. Вряд ли найдется такое преступление, в котором лидеры третьей империи не обвиняли бы друг друга.

Разделяй и властвуй

И над всем этим царит с неприступным величием Адольф Гитлер. Он натравливает одного подчиненного руководителя на другого и видит в их зависти лучшее средство для обеспечения своего единовластия; он вернейший ученик дома Габсбургов; его политика— политика перепитательной мужицкой хитрости, которая иногда приводит к цели.

Разложение. Время от времени за кулисами разыгрывается дворцовая революция, которую можно заметить и с этой стороны занавеса. Тогда это маленькое несчастье чрезмерно переоценивается печатью,—ведь не видно, что подобные случаи в нац.-соц. партии — повседневное явление. И как может быть иначе? Социальная смесь, образующая нац.-соц. партию, препятствует, насколько только возможно, созданию политической этики. Отсутствие какой-либо философской основы в партийной программе препятствует пониманию поставленной цели, которую трое из четырех национал-социалистов представляют себе по-разному. Но все это имело место с самого возникновения нац.-соц. партии, что не поменало ее массовому успеху. Если рассматривать партию только с точки зрения психологической или идеологической, то можно, пожалуй, прийти к выводу, что козни и интриги при дворе Адольфа Гитлера рано или поздно приведут к разложению нац.-соц. партии изнутри. Но такая точка зрения была бы неправильной.

Совершенно иначе обстоит дело при оценке сущности конфликтов, которая во время легальности содержится в самом существовании штурмовых отрядов, в которых организованы преимущественно пролетарские элементы партии.

Еще в 1923 г. центр тяжести движения находился в пролетарских штурмовых отрядах, агрессивность и решительность которых свлекла за собой гражданские организации партии. Надо отметить, что с годами каждый националист, еще серьезно веривший в возможность «германской революции», избирал полем своей деятельности штурмовой отряд. Таким образом эти организации все больше превращались в такие факторы власти, что во всеобщем представлении невидные нац.-соц. партия и штурмовой отряд сменяются.

С точки зрения социальной штурмовые отряды наиболее интересны во всем нац.-соц. движении. Руководимые бывшими офицерами, которые применяют свой опыт борьбы во время революции в различных боях против коммунистов и социал-демократов, они охватывают по всей Германии приблизительно 80 тысяч «беспособных мужчин» с большей своей части пролетарского происхождения. Из этого неопровержимого факта национал-социалисты охотно делают вывод, что их аргументы оказывают особое действие на пролетариат. При этом упускают из вида одно: каждый штурмовик получает вознаграждение в течение всего времени, когда он «несет службу». По отдельным ставшим известными случаям это вознаграждение достигало 40 марок в неделю. Понятно, какую силу убеждения имеют эти деньги для полуголодного пролетария, который был бы вынужден существовать на 8—10 марок еженедельного пособия безработным, если бы не состоял в штурмовом отряде. Кроме того от «пролетария штурмового отряда» никоим образом не требуется отказа от его классовых интересов. Напротив: ему постоянно разъясняют, что, борясь за третью империю, он содействует улучшению условий жизни пролетариата.

Геттаровская армия гражданской войны

Штурмовые отряды по своей истории и целям—формирования для гражданской войны. В их задачу должно было входить осуществление нац.-соц. революции. Это ударные войска против «марксистского террора». Верховный руководитель штурмовых отрядов Цейффер фон-Саломон в письме от 13 октября 1928 г. характеризует задачи штурмовых отрядов следующим образом: «Мы стоим на той точке зрения, что штурмовые отряды, как носители будущей военной власти, должны быть организованы так, чтобы уже теперь медленно, но верно и безостановочно образовать государство в безгосударстве».

От 1928 г. осталось еще несколько «инструктивных писем», в которых содержится инструкция для членов штурмовых отрядов. Сущность этих поучений—вовсе не гражданское воспитание или теория расы, но нехотная вынужденка образца 1898 г., стрелковый устав старой армии, боевая стрельба, служба дозоров и патрулей.

Бессмысленность существования штурмовых отрядов в легальных условиях

Существование штурмовых отрядов имело глубокий смысл, когда они были войском гражданской войны. Их существование как военных отрядов легальной партии бессмысленно. Летом 1930 г. по

процессе в Швейгнице Гитлер присягает в том, что нац.-соц. партия работает только легальными средствами. Позднее он еще два раза повторил эту клятву: во время лейпцигского процесса против офицеров рейхсвера и во время берлинского процесса о нападении штурмовых отрядов, сопровождаемом стрельбой, на танцовальный вечер коммунистического спортивного союза в Шарлоттенбурге. В то же самое время партийное руководство нац.-соц. издает приказ, по которому каждый штурмовик, у которого будет найдено оружие, автоматически исключается из партии. Штурмовики не могут понять такого решения. Как они могут выполнить свою задачу: с одной стороны быть носителями будущей военной власти в третьей империи, с другой стороны—всеми средствами уничтожить марксистский террор, если они не будут до зубов вооружены револьверами, книжками, резиновыми дубинками, свинцовыми трубами и стальными дубинами? Как же они смогут оправдать свое право на существование, если они не покажут убитых и избитых марксистских изменников народу?

Здесь дело идет не об отдельных кучках буйных и отчаянных партийцев—речь идет о колоссальном аппарате, в создании которого проявляется оргия организаторского помещательства отставных генштабистов.

Речь идет о нелегальной армии, которая в течение многих лет систематически вооружается и готовится к убийствам и избиениям. Речь идет о людях, которым прививается, что храбрость и решительность—последняя и высшая доблесть солдата третьей империи.

Безусловное подчинение воле начальника, на котором закончена организация штурмовых отрядов, могло быть действительным средством проведения в жизнь решения партийного руководства, если бы эти начальники были так же убеждены в необходимости легальности, как сам Гитлер.

Но этого как раз нет.

Защитники легальности

Во главе каждого из пяти округов, на которые разделены все штурмовые отряды Германии, стоит верховный руководитель округов (ОСАФ). Достаточно услышать их имена, чтобы видеть, что в нужном случае они будут меньше оспаривать с аргументами высшего мюнхенского партийного руководства, чем своих активистских активистов, которые они тысячекратно претворили в жизнь на полях битвы германской республики.

В Дрездене пребывает штаб-капитан Манфред фон-Куландер, известный во многих процессах, возбужденным против него по обвинению в убийстве; человек, который поклялся в верности не только господину Гитлеру, но и главе организации «Консул» капитану Эргардту, и чьи политические взгляды существенно разошлись от взглядов Гитлера. В Берлине властвует полковник Гейер, известный как бывший борец за балтийские провинции в разгромившей польско-русской дурной славы армии особого назначения германской жандармерии, главной задачей которой в первый год после революции состояла в устранении отдельных «неудобных» лиц из

действительно среди тысяч тайного судилища Лейбес в оркестре
тор убийств и ридях черного рыцаря обер-лейтенант Пауль Шульц
каждый на этих руководителях штурмового отряда так скомпроме-
тирован в политическом отношении, что только благодаря своему
оптимизму законопослушный республиканец может верить их не-
зависимости. В стране, которая ратификацией мирного договора
обязалась разоружиться, милитаризм может быть только неле-
гальным и вынужден постоянно вступать в коллизии с госу-
дарственными законами.

С милитаризмом же штурмовых отрядов не может даже срав-
ниться знаменитый «дух старой армии».

Игра в солдаты

Ниже следуют некоторые особенно характерные пункты из при-
каза, изданного верховным руководителем округов к юренберге-
вому партийгау в 1929 г.: «Порядок шествия: групповые колонны
в виде полка — не по четыре, а по пять или шесть человек в
ряд, в защищенности от приказа в каждом отдельном случае. Отде-
льным командирам идти справа. В шести шагах перед ротой маршируют
ротные и взводные командиры (знамя в шести шагах впереди).

В шести шагах впереди музыканты и трубачи.

Все держат левую руку на португее. Никаких паюк. Курить
воспрещается. Очень желательно петь, но только такие песни, кото-
рые громко слышны бы все вместе. Помехи со стороны маркететов не
ожидаются. Точно следовать распорядку уличной полиции.

Воспрещены крики: «да здравствует» и «долой»; «Иуда, издохни»
и т. п. Единственно разрешенный хор возгласов «Германия, проснись»,
но только в том случае, если его предложит лично начальник отде-
ления штурмового отряда.

«Вожди и флаги отступают влево от маятника на газоны. Вождей
не нужно приветствовать».

Музыка играет «Слава Пруссии».

На мосту каждый вступает в ногу по команде, которая доносится
с главного рыска.

При вступлении на главный рынок каждый подымает руку для
приветствия и кричит «да здравствует», пока не пройдет мимо Гитлера
и руководителей высшего совета штурмовых отрядов. Ити только
в ногу: маршировка запрещена. Трубачи поднимают руки, музы-
канты поют».

И вдруг такая замечательная игра в солдаты стала бессмысленной.

Бунт берлинских штурмовых отрядов

В результате сильного недовольства решительностью мюнхен-
ского партийного руководства и члена пролетарских элементов вну-
три штурмовых отрядов, вызванного кутежами гражданских функ-
ционеров партии, в сентябре 1930 г. в Берлине начался наконец
знаменитый бунт штурмовиков. Его бурное и угрожающее развитие
вынудило Адольфа Гитлера вмешаться лично. Внешний повод к
этому бунту носит очень прозаический характер. Штурмовики тре-
буют от партийного руководства специального вознаграждения за

свою очень тяжелую работу во время выборной кампании. Недовольство пролетарских штурмовиков разделяется офицерами штурмовых отрядов, которые считают, что их несправедливо обошли при распределении парламентских мандатов. Случается, что мелкие сороры принимают характер крупного политического выступления. Несколько штурмовиков, по всей вероятности по поручению заместителя главного начальника штурмовых отрядов полковника Стеннеса, едут в Мюнхен для представления своей просьбы Адольфу Гитлеру. Великий вождь даже не удостоивает их приема и через своего секретаря гонит их обратно в Берлин.

Геббельс, примадонна нац.-соц. в Берлине, не в состоянии успокоить бунтовщиков, и вот 27 августа 1930 г. дело доходит до открытого мятежа. Полковник Стеннес сообщает мюнхенскому партийному руководству, что берлинские штурмовые отряды отказываются от всякой службы, почти одновременно колонна берлинских штурмовиков атакует берлинское помещение партии на Хейдеманнштрассе, набивает поставленных специально для личной охраны Геббельса людей из «охранного батальона», ломает мебель, разбивает оконные стекла и отступает вполне удовлетворенная. Стоящий у дверей автомобиль берлинского врача, приехавшего навестить своего друга Геббельса, попутно также ломают.

Социалистический заговор

Листовка, которую раздавали незадолго до выборов среди берлинских штурмовых отрядов, показывает, насколько опасна была истинная причина выступления штурмовиков: «Товарищи немцы, пробуждающаяся Германия предана Геббельсом, штурмовые отряды Адольфа Гитлера—боевая армия германского будущего—не маршируют более... В течение многих недель нас обманывали наши вожди Геббельс, Вильке и др. Молодые рабочие, отдавшие свои физические и умственные силы гитлеровским штурмовым отрядам, молодые рабочие, проливающие добровольно свою кровь ради будущего Германии, молодые рабочие, ведущие выборную борьбу для нац.-соц. немецкой рабочей партии, должны приносить еще больше жертв в то время, как наши вожди обогащаются. Наш основной принцип: «всеобщая выгода вперед личной» попрается нашими вождями, штурмовые отряды, помимо того что жертвуют своей кровью, должны сами оплачивать расходы по пропаганде, поездке, так как партийники не имеют денег. И все же господин Геббельс в такое время, когда наша партия не имеет денег, покупает новый автомобиль—Мерседес, стоимостью по крайней мере 15—20 тысяч марок. Господин Геббельс заставляет партию платить за каждую свою речь. Господин Вильке, руководитель округа, купил на законные, получаемые им от партии, сигарный магазин. Ни кандидатура рабочего, ни кандидатура штурмовика не имеет шансов на выборах в рейхстаг. Мы должны рассчитывать только на свои силы. В то же время наши вожди, функционеры, бывшие офицеры, буржуазные дельцы, писатели или фабриканты становятся депутатами. Они сделают для нас в рейхстаге столько же, сколько министр в Тюбингене. У нас есть большое количество партийных товарищей, которые имеют собственные фабрики, эти партийные товарищи являющиеся

на наши собрания в собственных автомобилях, так как они надеются, что мы будем защищать их нестерраемые шкафы. Но эти господа ошибаются. Рабочие физического и умственного труда не откажутся от социалистических идей, которые для господина Гоббса являются «средством для достижения целей». Наша цель — национальный социализм, освобождение от иностранного и германского капитала».

Тактические соображения

Это новые поты, и к ним начали прислушиваться диктаторы партии в Мюнхене. Адольф Гитлер, не так давно прогнавший уделити бунтовщиков-шаломнишков, обратившихся к нему с просьбой, Адольф Гитлер садится в самолет и летит в Берлин.

Вейгад фон-Мильстенберг, про которого мало сказать, что он только сочувствует «честной молодежи штурмовых отрядов», следующим образом изображает высочайшее вмешательство: «Теперь великий Маниту должен был показать себя во всей своей силе. Теперь оставалось издать только один приказ: «Настоящим и распускаю все берлинские штурмовые отряды». Но каким образом? Разве мы не находимся накануне выборов? Разве мы не нуждаемся в штурмовых отрядах для пропаганды? Не будет ли это стоить не только двух-трех — о небо! — но даже 30 мандатов, так как к берлинским бунтовщикам приписули уже двадцать тысяч штурмовиков по всей Германии? Разве мы не настолько запутались в легально-парламентском механизме демократии, которую мы должны были бы уничтожить, вместо того чтобы пользоваться суточными депутатами парламента, что идем на всякие уступки, даже покорно бросаем в грязь наши императорские повеления для того, чтобы спасти эти суточные?»

Гитлер плачет

Гитлер летит в Берлин. Прямо с аэродрома он отправляется в помещение штурмовых отрядов, где штурмовики ждут его в угрожающем молчании. Очевидцы рассказывают, что Гитлер находился в мучительном отчаянии, его патетические фразы прерывались потрескивающими рыданиями: великий человек плачет, плачет, как дитя!

Но слезы, которые вероятно достигли бы цели в изнеженном окружении императора, возбуждают здесь злость и недоуменное покачивание головой. Штурмовики настаивают на своих требованиях.

А за кулисами уже работают любители ловить рыбу в мутной воде, чтобы захватить все, что можно захватить: один, два, три мандата и рейхстаг, из-за чего они жертвуют несколькими «штатеклами». Гитлер осушает свои слезы и соглашается на все. На все! Берлинские штурмовики победили своего вождя. Этого они никогда не забудут. Один единственный удар кулаком по столу, и великодушное здание его «воображаемого величия» разлетелось, как карточный домик. Их вера «в вождя» потеряла тяжелый удар, который может стать смертельным, когда придет время.

Гитлер же, напротив, очень доволен, счастлив и обуреваем энтузиазмом стремлением управлять и распорядиться. «Völkischer Beobachter» от 3 сентября 1930 г. печатает на первой странице провокационный приказ высшего партийного руководителя: «Я пред-

писываю...» И Берлинские штурмовики презрительно смеются: побежденный диктатор спасает себя героическими словами: «Я приказываю»,—как будто это еще зависит от него. Содержание этого акта капитуляции состоит в приказании обложить особым налогом некоторых членов партии: полученная таким путем сумма должна целиком идти в пользу штурмовых отрядов. Уже на следующий день стекольщики появляются в здании партии на Хейдманштрассе, а затем показывается в дверях доктор Геббельс, которого во время бунта никто не видел и не слышал.

Пфейфер должен уйти

Этот мятеж дает Гитлеру удобный повод расстаться наконец с верховным руководителем ОСАФ Пфейфером фон-Саломон, который в своей области заметно конкурировал с диктатурой главы партии. Пфейфера внезапно снимают с должности, и теперь Гитлер выступает сам в качестве верховного руководителя. Но так как сам он не в состоянии уследить за огромным аппаратом, то он просит своего старого товарища по путчу—полковника Ремм—принять должность «начальника штаба верховного руководителя». Рем соглашается.

Интересно, что этот национал-социалист, занимающий высший командный пост, зарабатывал в последние годы на пропитание, служа поручиком при военном министерстве в республике Веймар, где он в качестве адъютанта немецкого генерала Кундта играл важную роль в контрреволюционных выступлениях в этой стране...

Верховный руководитель Пфейфер побежден, но еще остался верховный руководитель восточного округа полковник Стеннегоспирин и повелитель всех штурмовиков восточнее Эльбы, командир двадцатитысячной армии. В Мюнхене полковника не излюбили, его роль во время бунта была более чем двусмысленна. Ему приписывают уаурпаторское стремление к власти: известно, что он грубейшими средствами восстанавливал штурмовиков против германского главы нац.-сед. Берлина д-ра Геббельса. Провозглашенный из Мюнхена курс на легальность встречает молчаливое, но успешное сопротивление со стороны штурмовых отрядов. В окружении Гитлера зреют подозрения, что верховный руководитель восточного округа действует с помощью ванимаемого им поста поддерживает фронду.

Частная гражданская война

Между тем штурмовые отряды в Берлине благополучно продолжают вести партизанскую войну против пролетарских и республиканских организаций. Множатся террористические акты, которые, согласно неоднократно высказанным Гитлером взглядам,—единственная цель существования штурмовых отрядов. Но после каждого нового насилия из Мюнхена несется истерический окрик. Гитлер умоляет, угрожает, просит, заклинает, ругает: штурмовые отряды должны ради господина бога действовать в рамках законности. Но младшие помощники умеют, как авгуры, и рассказывают своим подчиненным о революционной тактике. Особенно при этом

выделяется сам Геббельс, который на одном из больших массовых собраний в Берлине совершенно открыто высмеивает гитлеровский психоз легальности.

А штурмовики продолжают терроризировать, пользуясь заученным способом: они никогда не расстреливают, не убивают промышленников и банкиров, только иногда, быть может, одного или двух евреев; но они убивают исключительно пролетариев, коммунистов, членов «Республиканского флага». Господин Геббельс по-прежнему проповедует в своем «Ангрифе» германскую революцию, и грохот партийной машины перекрывается угрожающим треском балок в берлинском здании партии.

«Организация помощи» и уголовный закон

За одно только время с ноября 1930 г. по январь 1931 г. члены Берлинских штурмовых отрядов замешаны не менее чем в 8 убийствах, дела о которых одно за другим передавались берлинским судам присяжных. Раскрытие одного из этих террористических актов—расстрел из-за угла двух членов «Республиканского флага»—обнаруживает достойные удивления подробности относительно «организации помощи», устроенной нац.-соц. руководством для штурмовиков, попадающих под угрозу кары. Оказывается, что один из убийц по указанию организации тайно передавался от одной организации к другой, пока его не арестовали на австрийской границе. Целью его путешествия был Инсбрук, где отставному германскому полковнику фон-Мальтицу было поручено переправлять в надежное место попавших в беду штурмовиков. Этого офицера арестовали, но уже через несколько дней снова освободили.

По этому случаю в министерстве внутренних дел, как сообщают газеты, близко стоящие к этому министерству, якобы рассматривается вопрос о том, не следует ли ввиду этого несомненного пособничества убийству запретить все штурмовые отряды.

На основании необычайно сложных и запутанных юридических соображений эту меру отвергают, хотя ее приняли несколько лет тому назад как нечто само собой разумеющееся, когда речь шла о союзе красных фронтовиков, хотя тогда были представлены гораздо менее основательные мотивы...

1 апреля 1931 г. находят себе наконец выход противоречия, отделяющие берлинские штурмовые отряды от мюнхенского партийного руководства. Тот факт, что типичный немец юга Гитлер приобрел очень мало симпатий в Берлине, партийный курс на легальность и замашки примадонны, свойственные господину Геббельсу, неудобный для партийного руководства слишком значительный пост полковника Стеннеса,—все это приводит к открытому мятежу берлинской организации штурмовиков, который так чрезмерно переоценивается прессой.

Стеннес становится самостоятельным

По совершенно второстепенным причинам Стеннес отказывается подчиниться распоряжениям полковника Рема. Гитлер, недолго думая, отстраняет его и назначает на его место достаточно изве-

стного по процессам о политических убийствах поручика Пауля Шульца. Стеннес отказывается сложить с себя свои обязанности, не освобождает для своего преемника партийного здания, конфискует типографию «Ангриф» и объявляет Гитлеру войну. Повидимому он рассчитывает на то, что все штурмовые отряды северной Германии подобно ему порвут с Гитлером. После нескольких дней, полных драматических событий, выясняется неопровержимый факт, что за Стеннесом стоит лишь весьма ограниченная часть находящихся под его командой двадцати тысяч штурмовиков восточной области. Тем не менее выступление Стеннеса является вполне достаточным для внесения чудовищной сумятицы в ряды оппозиционных штурмовых отрядов и для окончательного подрыва положения руководителя берлинского округа д-ра Геббельса.

Так же, как во время сентябрьского бунта 1930 г., д-р Геббельс сумел избежать выступления перед общественностью. Он как будто выкидает результатов стеннесовского выступления для принятия решений. Во всяком случае в решающие дни его нет в Берлине и он не пользуется удобным случаем для вмешательства в той или иной форме в происходящую борьбу. После того как выяснилось, что Стеннесу не удалось расколоть нац.-соц. партию на две приблизительно равные части, Геббельс вновь появляется на поле действий, и Гитлер поручает ему провести чистку берлинской организации.

Жертвами этой чистки падает целый ряд видных лидеров берлинского округа, которые в большинстве перешли к Стеннесу. В распоряжении мятежников оказываются вдруг известные суммы денег; Стеннес устраивает себе помещение в одном из богатых кварталов старого западного Берлина и начинает издавать собственную газету «Рабочие, крестьяне, солдаты», в которой самыми грубыми способами борется против диктаторских вождедений Гитлера.

«Партия Стеннеса»

Кто такой Стеннес? Нельзя переоценивать этого человека и значение его выступлений. Бывший верховный руководитель восточной области и глава новой партии—националистический активист, для которого, как вполне очевидно, менее важны программные разногласия, чем само выступление. Сфера его влияния ограничена. Его прежние товарищи по должности заместителя верховного руководителя северной Германии все без исключения на стороне Гитлера, и немногие завоевания, которые ему удалось сделать внутри штурмовых отрядов, мало чего стоят.

Из берлинского процесса в мае 1931 г., в котором Стеннес наряду с Гитлером выступал в качестве свидетеля по вопросу о терпимости партийного руководства к противозаконным действиям штурмовых отрядов, видно, что Стеннес, быть может, еще резче Гитлера провозглашал себя сторонником законности. Революционная фраза, выбранная в качестве названия его газеты, находится в самом резком противоречии с выступлением этого чопорного военного, которого только его вражда с Гитлером превратила в глазах публики в политическую величину.

Непосвященному в партийные тайны трудно, если не совершенно невозможно, представить себе ясную картину действительных

причины конфликта Гитлер—Стеннес. Пролетарская, чисто инстинктивная антипатия берлинских штурмовиков к партийному вдолу в Мюнхене сослужила очевидно в данном случае службу частным и чисто личным интересам.

Конечно движение Стеннеса характерно для внутренней неслаженности гитлеровской системы, но видеть в нем явление разложения всей партии значит не признавать социологических основ нац.-соц. партии.

Разложение извне

Ни система Гитлера, ни полная недоверия пролетарская агрессивность штурмовых отрядов не представляют собою разложения в собственном смысле. Если можно действительно говорить о разложении, то причины лежат здесь опять-таки не в самой партии, а в том сдвиге целевых установок, который становится заметным в германской внутренней политике в 1931 г.

Еще в январе 1930 г. германский капитализм считал необходимым — и избрание Фрика на пост тюрингенского министра внутренних дел по инициативе немецкой народной партии подтверждает это — обеспечить себе в лице нац.-соц. партии вспомогательную армию в грядущих великих столкновениях капитала и труда, демократии и диктатуры. Германские хозяева просчитались: они думали, что при таком решении надо класть на счета риск гражданской войны. Это опасение было не обосновано: согласие рейхстага на чрезвычайные декреты правительства Брюнинга означает признание диктатуры и устранение парламента парламентскими же средствами. Из 577 депутатов рейхстага примерно 300 безоговорочно на стороне правительства. Легальный фашизм уж не мечта, а действительность.

Легальный фашизм

Чрезвычайные декреты правительства Брюнинга фактически означают конец демократии. Беспомощность германских республиканцев перед лицом этого смертоносного наступления на основные права германского гражданина, декларированные в конституции, изумительна, но лишь для того, кто рассматривает поведение республиканских партий с психологической точки зрения. Кризис капитализма, грозный и мрачный, проявляется в молчаливом соглашении о том, что очередные вопросы не могут быть более разрешены парламентским путем. Республиканскую конституцию отменяют, и угрозы совести успокаивают тем, что это мероприятие имеет лишь временный характер, что оно останется в силе лишь до «преодоления мирового кризиса».

Но пример Германии показывает, что фашизм можно ввести легальными средствами. Именно это провозглашал Адольф Гитлер при всяком подходящем случае, начиная с лета 1930 г., т. е. с того момента, как германские хозяева познали притягательную для масс силу нац.-соц., и энергия партии, до сих пор исчерпывающаяся в агитации, была направлена к достижению практических целей.

В течение многих лет нац.-соц. партия мобилизовала мелкую буржуазию вокруг идеи диктатуры. Рейхстаг выразил свое согласие

на диктатуру. Теперь оказывается, что конечной цели—превращения парламентаризма в диктатуру—можно достигнуть и без риска гражданской войны, которая несколько месяцев тому назад считалась неизбежной. В силу своей идеологической и материальной связи с господствующими классами 107 посланников третьей империи не могут оказать никакого сопротивления ходу парламентских событий и лишают самих себя какого бы то ни было значения. В течение нескольких месяцев их депутатства в рейхстаге капитал добился следующих успехов.

Завоевания капитала

Снижению стоимости жизни на 3,7% противостоит снижение ставок заработной платы на 10—15%. Вновь введены налоги на напитки, на холостых и подушный налог, всей тяжестью падающий исключительно на массы. Страхование от безработицы ухудшается шаг за шагом. Ежегодно на страховании от безработицы достигается экономия в 475 миллионов марок, 50 миллионов по горняцким кассам, 15 миллионов на пособиях роженицам. Государственные приплаты на жилищное строительство сокращаются на 50%. Из бюджета вычеркивается последний миллион ассигнований на питание голодающих детей в школах. Налог на табак приносит 170 миллионов марок в год. Все это отдельные результаты чрезвычайных декретов, всей своей тяжестью ложащихся на массы.

Разве кровавая победа фашизма в Германии могла бы капиталу дать больше?

Тяжесть налогов на трудящееся население увеличивается примерно на 4 миллиарда марок в год; этому соответствуют следующие реальные льготы, полученные капиталом: снижение налога на имущество на $\frac{3}{4}$ миллиарда марок, снижение налога на прибыль, на оборот и на имущество и уменьшение реальных налогов на 400 миллионов марок в круглых цифрах. В то же время на военный бюджет в германской республике требуются примерно $\frac{3}{4}$ миллиарда марок...

Нужен ли еще господин Гитлер?

Если оказалось возможным достигнуть подобных огромных успехов легальными парламентскими мерами, то спрашивается, откуда явилось у капитала побуждение к гражданской войне, для ведения которой понадобились национал-социалисты?

Роль нац.-соц. партий, как партии германской революции, сыграла. Ее агитация проложила путь фашизму. Буржуазные партии гордятся тем, что сделали невозможной диктатуру Гитлера своей самоубийственной уступчивостью и считают еще своей заслугой диктатуру Брюнинга. В 1931 г. германскую республику отделяют от третьей империи лишь некоторые количественные, но никак не качественные различия.

Здесь собственно лежит единственный момент, обуславливающий разложение нац.-соц. партий: национал-социалисты стали до известной степени лишними. В их задачу попрежнему входит поддерживать прежнее настроение мобилизованных масс. Но эту функцию нельзя

выполнять в парламенте. Напротив, решающее голосование угрожает разоблачением подлинного лица нац.-соц. партии. Объединение идей «парламент и национал-социализм» начинает становиться бессмысленным...

Так обстояло дело в феврале 1931 г., когда весь мир был изумлен известием о внезапном выходе национал-социалистов вместе с немецкими националистами из парламента в качестве «национальной оппозиции». Что же собственно произошло? В прославленном ночном заседании 9 февраля рейхстаг принял закон, радикально ухудшающий и без того достаточно реакционный закон о печати. Далее рейхстаг резко изменил порядок ведения заседания рейхстага, практически сделав оппозицию немой, и принял постановление об удовлетворении всех требований прокуратуры о лишении депутатов парламентской неприкосновенности. Речь идет здесь о 427 уголовных делах, которые голосовались пленумом по совокупности без какой бы то ни было проверки.

«Национальная оппозиция»

Нельзя сказать, чтобы момент для ухода национал-социалистов был выбран искусно: против 46 депутатов возбуждено 268 уголовных дел. Эти цифры создают фикцию о революционной партии, грубо подавляемой правительством. Конечно замалчивается, что все эти судебные дела по большей части пустяковые: присвоение титулов, нарушение доверия, подделка документов, нанесение телесных повреждений, нарушение закона о печати, дисциплинарные дела и один единственный случай покушения на государственную измену.

Против 34 коммунистов возбуждено 139 дел, из которых 20 дел о государственной измене, остальные—нарушение закона о печати, закона о защите республики, 139 дел, по которым обвиняемые могут получить сотни лет тюрьмы.

Внутреннее убранство и роковой час Германии

Вследствие нескромности одного оратора-националиста стало известно, что инициатива этого торжественного ухода национальной оппозиции принадлежит не кому иному, как тайному советнику Гугенбергу, представителю самой черной реакции. Адольф Гитлер, которого эти дни тщетно ждали в Берлине, настолько поглощен внутренним убранством «коричневого дома» в Мюнхене, что предоставил парламентскую фракцию нац.-соц. самой себе и тайному советнику Гугенбергу. Несколько позже он гневно заявляет, что все ему было известно заранее и что вообще ничто не происходит без его приказа и инициативы... Однако факт остается фактом: в те дни, когда обманутые национал-социалисты рассчитывали, что в Германии начнется революция, Адольф Гитлер поместил в «Фелькишер Беобахтер» на 9 столбцах статью о сказочных достижениях во внутреннем оборудовании партийного дворца. И это в то время, когда, по мнению национальной прессы, Германия стояла на краю пропасти.

Идея противопарламента, обсуждаемая в кругах национальной оппозиции, повидимому вскоре отбрасывается. По этому случаю

газеты тайного советника Гугенберга проявляют особенное богатство мысли; и здесь инициатива целиком в руках реакционной партии.

Если решение нац.-соц. фракции не участвовать в заседаниях рейхстага до тех пор, пока это необходимо для того, чтобы отразить коварные мероприятия большинства против меньшинства, и ошеломило парламент, то на общественность уход 160 депутатов не произвел впечатления. Интересна и типична для оценки политического значения этого внешне совершенно безрезультатного жеста статья, появившаяся на следующий день после этого события в органе тяжелой промышленности «Дейче альгемейне цейтунг» под хладнокровно вопрошающим заглавием: «Куда, господин Гитлер?» В статье делаются комплименты национал-социализму: он является молодым, полным энергии и самых лучших намерений боевым движением... но вместе с тем делается предостережение против увлечения демонстрациями малого практического значения; в статье высказывается опасение, что в результате избирательных успехов у нац.-соц. может появиться мания величия, не позволяющая правильно расценивать реальные возможности.

Опустевшие улицы

Случайно ли это, что после противозаконного ухода из парламента со стороны Гитлера не последовало дальнейших шагов в том же направлении, а наоборот, именно теперь Гитлер все судорожнее и настойчивее уверяет в своем законопослушании? Это делается с особым истерическим ударением, которое определенно наводит на мысль о недобровольности этого решения.

1 апреля — в день мятежа Стеннеса — окончилось также в Тюрингии пребывание у власти министра Фрика. Глава тюрингской организации нац.-соц. партии совершил преступление основательной переоценки «реальных возможностей»; в припадке мании величия он произнес также несколько крепких слов против партии промышленников «народной партии», той партии, по инициативе которой господин Фрик стал министром.

Капитал делает нац.-соц. партии спасительное наставление: почти непосредственно после этих нападков в парламенте происходит осложнение, и господин Фрик вдруг оказывается неудобным. Забывается все будто бы сделанное Фриком для обновления Германии, и он оказывается всего лишь неудобным приказчиком, вышедшим из рамок своих полномочий. Газеты народной партии настойчиво требуют решительных мер против непокорных национал-социалистов, и их воздействия оказывается достаточно, чтобы принудить господина Фрика уйти со своего поста после некоторых парламентских перипетий.

Последние часы «германской революции»

В этих подпольных влияниях и связях лежат действительные причины разложения нац.-соц. партии, которого сейчас действительно нельзя не признать. Это разложение отнюдь не должно обязательно проявиться в количественном поражении партии. Напротив, следует полагать, что прогрессирующая пролетаризация мелкой буржуазии будет поставлять нац.-соц. партии все новые массы избирате-

лей. Но последние остатки оппозиционной воли, которые были и без того лишь очень слабы или совсем незаметны в действиях национал-социалистов в последние годы, будут все более и более исчезать, так что в результате и для неискушенных в политике станет вполне очевидным, что нац.-соц. партия представляет интересы крупного капитала.

Дальнейшие подробности свержения Фрика в высшей степени позорны. Адольф Гитлер не только не предаст народную партию анафеме, он спешит сам своей высокой персоной в Веймар и в длительных переговорах пытается спасти все то, что еще спасти возможно. Он готов ко всякого рода уступкам, лишь бы сохранить в кабинете своего доверенного. Но его время уже прошло: капиталу он в период легального фашизма уже более не нужен. Капиталу нужна массовая агитация национал-социалистов в стране, но сотрудничество с ней в парламенте излишне, по крайней мере до тех пор, пока германские предприниматели могут добиться в парламенте своих конечных целей и без подобных беспокойных и тягостных союзников.

Быть может в один прекрасный день они все-таки прибегнут к господину Гитлеру. Быть может в один прекрасный день его будут упрашивать принять тот или иной пост в правительстве. Но не следует себя обманывать: поводом будет отнюдь не могущество нац.-соц. партии, а лишь потребность капитала. Гитлер в правительстве—это было бы признанием того, что единственный путь от легальной диктатуры ведет через гражданскую войну. Это означало бы признание того, что пролетарская революция у ворот Германии. Это означало бы самый последний поспешный сбор всех сил капитализма...

Шумный мертвец

Разложение?

Уход национальной оппозиции способствовал полнейшему расцвету психоза Гитлера о законопослушании. Он внезапно назначает Грегора Штрассера руководителем организации для всей Пруссии и без колебания отставляет доктора Геббельса, чьи радикальные фразы слишком бьют иногда по нервам буржуазии. Вместе с Геббельсом исчезает последняя фикция революционности нац.-соц. партии. Остается партия, которая с такой же страстностью трубит в рог лейб-гвардии капитала, с какой она раньше трубила о своей революционности.

Разложение?

Нац.-соц. партия, как партия с собственной волей и собственным лицом, уже перестала существовать. Ее истерический визг должен якобы доказать, что она живет еще. Но это ошибка.

Национал-социализм достиг цели жизни: он умрет по воле капитала для того, чтобы жил фашизм.

И перед лицом всемирно исторической решающей битвы между фашизмом и германским пролетариатом такое явление, как национал-социалистическая германская рабочая партия, будет иметь не столько второстепенное значение, что о ней больше не стоит говорить...

СВЕРЖЕНИЕ ПРОЦЕНТНОГО РАБСТВА

«Программы существуют для того, чтобы одни в них верили, а другие бы им изменяли».

(ВенIAMин Дизраэли)

Делать вид будто что-то делается

Нам остается теперь исследовать, при помощи какой программы нац.-соц. партия завоевала массы. Совершенно бесцельно изливать потоки едкой злобы на непонимание законов экономики, проявляющееся в программных опытах партии. Для политической партии, которая, как мы видели, всегда только извлекает выгоды из движения и которая движима иными силами, а не напором своих идей, программа не имеет никакого значения.

Первопричиной была катастрофа мелкой буржуазии. Программа нац.-соц. партии является признанием этой катастрофы задним числом. С помощью этой программы буря чувств, которую вызвала катастрофа, должна была быть рационализирована. Чего стоят программные требования по сравнению с этой целью? Дело идет не о том, что должно случиться, но о том, что кажется, будто что-то случается. С убежденным национал-социалистом невозможно спорить о его программе. Каждая скромная ссылка на чуждые противоречия национал-социалистической экономической мудрости побивается замечанием, что то или другое «еще не совсем» разработано, что тот или иной вопрос позднее будет разработан более подробно и т. п.

Случайности

Совершенно нецелесообразно и в ходе исторического исследования не имеет никакого смысла выставлять напоказ и с торжеством демонстрировать каждую отдельную нелепость, каждую грубую ошибку в суждениях, каждое незнание хотя бы основных понятий политической экономики. Право, речь идет вовсе не о всех этих преступлениях против законов народного хозяйства. Как нелепо ни звучит это, но в программе нац.-соц. партии важно как раз только то, чего в ней нет.

Несмотря на это, нужно изучать даже эти жалкие попытки создать свою программу. Нигде не выражается так ясно полный «анти» характер движения, его чисто отрицательное отношение к текущим проблемам, как здесь. Когда читаешь отчет Адольфа Гитлера о принятии им теории Готфрида Федера, понимаешь, что если бы ему случайно попала книга Сильвио Гезеля, то его теория денег стала бы существенной частью экономической программы национал-социалистов. Образованные и способные мыслить национал-социа-

листы владеют, правда, испытанным средством, чтобы избегнуть в спорах вопроса о бессмысленности их программы: они просто заявляют, что Готфрид Федер устарел и развивает экономическую программу из туманных указаний, то тут, то там оброненных Гитлером и Розенбергом. Характерно, что при этом знаменитое уничтожение процентного рабства играет меньшую роль, чем программа принудительного переселения, с проведением которой восток Европы должен быть германизирован. Характерно также, что первая попытка уложить в программную форму мятежнические антикапиталистические инстинкты мелкой буржуазии исходила не от мюнхенского окружения Адольфа Гитлера, но от австрийского инженера Рудольфа Юнга, которому также принадлежит чеканная формулировка понятия «национальный социализм». Первоначальная форма национал-социалистической программы—те 25 тезисов, которые были прокламированы 24 февраля 1920 г. в Мюнхене,—взяла много из того, что Юнг еще в 1919 г. опроверг в своих произведениях. Но Юнг—тоже не оригинальный мыслитель и в своих взглядах основывается на экономическом учении великих романтиков Германии и в первую очередь на Фридрихе Листе, Адаме Мюллере, Генрихе фон-Тюнене и отчасти на Отмаре Шпанне.

Федер комментирует

Наиважнейший программный документ нац.-соц. движения относится только к 1927 г. В 1926 г. Гитлер предложил Готфриду Федеру написать комментарии к 25 тезисам. Последний справился с этой задачей с замечательным лирическим искусством. Этот комментарий экономической программы войдет в историю экономической науки благодаря следующему месту. «Эта Германия должна быть родиной... Родина, о сладкое, волшебное слово, которое заставляет звучать подземные источники, любовь к родине, прекрасная и милая, солнечная и прекрасная. Подымается запах родной земли. Чувство счастья охватывает странника, который снова чувствует под ногами родную землю, с которой он кровно связан...»

Это вовсе не выдержка из какого-нибудь фельетона в приложении для домохозяйек к захолустной газетке, а слова, которые должны обосновать и объяснить экономическую программу нац.-соц. движения. Даже лирик Федер, чувствуя, что эти слова в таком контексте звучат необычно, сам заявляет: «... это больше чем трезвая социальная политика». Согласимся...

В программе ясны собственно все пункты, но одного пункта партия до сих пор крепко придерживалась—это пункта об «уничтожении процентного рабства». Федер замечает, что уничтожение ростовщичества есть «стальная ось, вокруг которой все вертится». Его определение сущности процентного рабства самое простое, а именно, «положение народов, которые находятся в денежном рабстве у всееврейских финансистов...» Процентное рабство—это важнейшее выражение противопоставлений: капитала и труда, крови и денег, творческой силы и эксплуатации... «Уничтожение процентного рабства требует от каждого решения вопроса: служить ли народу или же ограничиться частным обогащением—таким образом, оно означает разрешение социального вопроса».

Но как этот вопрос может быть разрешен? Если сжать водянисты рассуждения Федерера, то у нас останется только новое определение— уничтожение процентного рабства это есть, «собственно говоря, переведенное на язык разума разрешение еврейского вопроса».

Нужно защитить господина Федерера от самого себя: он вовсе не так глуп, как можно было бы заключить из его умных выводов. Он подразумевает совсем другое. Гвоздь всех его экономических теорий—не только грандиозная примитивность боевого клича «Иуда, подожди», к которому национал-социалисты свели всю свою экономическую мудрость. В мозгу Федерера бродит представление о народном единстве, им владеет романтическая тоска по «сильному государству», которое в силу его таинственной связи с движущими силами мировой истории в состоянии путем простого запрета сделать классовую борьбу невозможной. Государство для национал-социалистов—чисто метафизическое явление, перед которым все сомнения должны замолкнуть.

Романтическая политическая экономия

Пункты от 11-го до 18-го нац.-соц. программы—это те, которые как будто должны оправдать социалистические декларации партии. И как раз эти пункты в изложении Федерера так ослаблены, так разбавлены водичкой, что нужно читать между строк для того, чтобы вообще понять, что там сказано.

Мы ограничимся изложением фактических требований программы. В ней выдвигаются требования: уничтожение негрудовых доходов, конфискация военных прибылей, огосударствление крупных предприятий, создание «здорового» среднего сословия, отчуждение земель для общественнополезных целей.

На практике проведение этих требований должно было означать если не фактическое уничтожение, то во всяком случае значительное ограничение действующих прав на частную собственность. Но этим требованиям противоречит принципиальное признание частной собственности. И это противоречие могло существовать в течение шести лет в программе, которая целиком изложена на четырех печатных страницах. Только комментарием Федерера пытается сгладить это противоречие, а именно следующими утверждениями: «Национал-социализм принципиально признает частную собственность и ставит ее под защиту государства. Но благо народа ставит определенные границы безмерному скоплению богатств в одних руках». Это означает, что одно противоречие хотят уничтожить с помощью другого. Таким образом проблема сводится к тому, что речь идет вовсе не о частной собственности как экономическом понятии, а о «чрезмерной» частной собственности.

Не делая попытки потрясти основы капиталистической экономики, можно было бы попытаться—как это например делается в Англии—ограничить путем особого строгого налогового обложения это «чрезмерное» скопление богатств.

Камень преткновения

Вопрос о частной собственности, если вообще предположить, что «уничтожение процентного рабства» возможно, является центральным

пунктом всей нац.-соц. экономической программы. И вот в этом центральном пункте все теоретики оказываются полностью несостоятельными и должны быть такими, так как они никогда не изучали основных вопросов развития капиталистической экономики. Они видят критерий капитализма лишь в скоплении богатств и совершенно обходят вопрос о собственности на средства производства. Как представляет себе мелкий буржуа народное хозяйство? Считается, что капиталистическое развитие вредно для интересов «созидающего народа», но нет ничего, что можно было бы ему противопоставить, так как никому не приходит в голову признать в экономическом развитии закономерное явление. За все считают ответственными «еврейских финансовых магнатов» и пытаются повернуть обратно колесо истории. Планово-хозяйственные стремления и стремления к марксистской социализации отрицаются как порождение безумия. Признания, что эти стремления к социализации органически выросли из развития капитализма, страстно отвергаются. В экономическом развитии не признают никакого «вперед», а только лишь «хорошо или плохо», и это говорит больше, чем могли бы сделать хитроумные экономические исследования о действительной экономической сущности национал-социализма; оценка «хорошо или плохо» дается только с точки зрения ремесленников и среднего сословия и никогда с точки зрения пролетариата.

Другой комментатор

Так возникают новые соображения, подобные тем, которые выставляет другой нац.-соц. теоретик Ганс Бухнер: «Из четырех хозяйственных форм: 1) основанной на свободном обмене; 2) на свободном обмене, смягченном социально-политическим и кооперативным регулированием; 3) на сословном хозяйстве и 4) на центральном плановом хозяйстве,—второй и третий вид хозяйств являются наиболее осмысленными с точки зрения исторического и теоретического развития. Таким образом установление некоторых взаимоотношений между крупными, средними и мелкими предприятиями, взаимное сплетение сельского хозяйства, торговли и промышленности, дифференциация стандартов и состояния рынка, системы производства, оборота и сбыта, ограниченных хозяйственными масштабами всего народно-хозяйственного организма, охватывает ступеньчатое построение однородных хозяйствующих групп, так называемых «сословий».

Перевод на простой язык

Что это значит? Если перевести эту беллиберду на общепонятный язык, то получится следующее: мы отвергаем основанное на полной свободе хозяйство и централизованное плановое хозяйство, но мы стремимся к умеренному свободному или к сословному хозяйству. Таким образом мы стараемся вычеркнуть из мировой истории столетие экономического развития для того, чтобы путем захвата государственной власти культивировать умеренный хозяйственный либерализм.

Приблизительно то же самое восхвалял до наступления века трестовского капитала каждый предприниматель и выставлял целью человеческого развития. Но на вопрос, каким образом должен быть

проведен этот опыт насилия, реакции без того, чтобы хотя временно признать связанное хозяйство,—нет никакого ответа.

Комментарий Федера спасается от этой дилеммы следующим утешительным уверением: «Возможно большее количество свободных самостоятельных единиц должны образовать государство, будучи связаны социальной идеей взаимопомощи. Правда, невозможно вести в масштабе мелких предприятий современные угольные копи и доменные печи, прокатные заводы или судовые верфи, но несомненно, что сто тысяч свободных, самостоятельных сапожников, с точки зрения народнохозяйственной и государственно-политической, лучше, чем пять громадных обувных фабрик».

У Федера имеется так мало практических примеров, что мы должны быть ему благодарны за это сравнение. Эти сто тысяч сапожников—символ. Если бы это предложение Федера было напечатано в специальном журнале сапожников, то можно было бы по крайней мере не оспаривать его субъективного обоснования. Но здесь речь идет о программе, по которой должен быть организован 60-миллионный народ. Нужно представить себе последствия: технический прогресс, приведший к созданию этих гигантских обувных фабрик, должен быть приказом объявлен несуществующим и никчемным. Сапожники обязуются воздерживаться от применения машин, экономящих время и расходы, иначе грозит опасность превратиться из сапожников во владельцев обувной фабрики. Важна не фактическая потребность в обуви, не дешевизна продукта, а тепличное выращивание сословия ремесленников, которое стало самоцелью. В рамках национального хозяйства ему принадлежит только функция существовать для того, чтобы помешать возникновению фабрик. Разрушение машин английскими ткачами в прошлом столетии проповедуется пораженной публике как последнее слово мудрости. Можно ли относиться к этому серьезно? Но это необходимо. Ведь под этими пошлостями обрисовываются контуры экономического развития, которое всех нас касается: стремление к фашистской государственной и экономической системе, для достижения которой мобилизуются антикапиталистические склонности мелкой буржуазии.

Мы считаем совершенно безразличным, убежден ли или был ли когда-нибудь убежден идеалист Готфрид Федер, который, как говорят, кое-что понимает в железнодорожном строительстве, в возможности проведения в жизнь своих теорий без насильственного переворота, и верит ли он в их благодетельность и для Германии. Знаменательна во всяком случае двойственная позиция, занятая нац.-соц. партией в отношении к «крупным предприятиям». Очень трудно поверить в добросовестность нац.-соц. экономистов.

Несчастливое число

Пункт 13 программы в редакции 20 февраля 1920 г. точным и ясным образом говорил, что крупные акционерные общества должны стать государственными. Мы видели из дискуссии Адольфа Гитлера с Отто Штрассером, что это предписание из обязательного превратилось в возможное. Парламентарное развитие партии привело тем временем к тому, что этот пункт программы давно уже фактически вычеркнут. Была принята формулировка, что эти предприятия долж-

ны быть огосударствлены в том случае, если акционеры действуют против общих интересов. Оставляя в стороне вопрос о том, что решить этот вопрос исключительно трудно, так как «всеобщие интересы» не есть экономическое понятие, которое дало бы определенную меру,—огосударствление возможно только в том случае, если будет признан принцип планового, связанного хозяйства. Однако все время подчеркивается, что создание «здорового среднего сословия», которое обеспечило бы существование возможно большего числа мелких ремесленных предприятий, есть единственное мероприятие, которое должно проводиться на основе планового хозяйства, в то время как принципиально проводятся установки сословного хозяйства. Эти противоречия в программе нац.-соц. партии невозможно разъяснить. Теряешься в предположениях и утверждениях, которые противоречат тексту программы.

Само собой разумеется, что все другие экономические проблемы, связанные с понятием частной собственности, также не находят полного разрешения. Ввиду того что в программе нац.-соц. партии нигде нельзя найти требования передачи всех средств производства в общественную собственность, все вопросы о праве на акции должны представлять непреодолимые трудности.

В тиснах

Иногда просто жалко смотреть, как бедные нац.-соц. экономисты играют в диалектическую чехарду, чтобы выбраться из этой сети противоречий. Задача, которую они должны разрешить, следующая: запретить нетрудовые доходы, не затрагивая частных прав на акции среднего сословия; уничтожить кабальную зависимость от еврейских финансовых магнатов и одновременно обеспечить рентабельность крупных предприятий и создать соответствующую нуждам промышленности кредитную систему; вместо уплаты процентов ввести погашение капиталов, не допуская одновременно нетрудовых доходов для заимодавца.

Эта задача может быть разрешена только в том случае, если объявить радостную весть, что первоначальная программа нац.-соц. партии остается неизменной на все времена, в то время как решения о выполнении этих программных требований должны идти в прямо противоположном направлении.

Процентное рабство упирается прежде всего в существование банков, которые, как правило, находятся в руках еврейских финансовых магнатов. А между тем Гитлер вошел в тесную связь с господином Яковом Гольдшмидтом и фон-Штраусом. Потом Готфрид Федер должен был со всей поспешностью заявить в рейхстаге, что «здоровое» сословие частных банкиров чрезвычайно содействует развитию национального хозяйства.

Альфред Розенфельд заявил в своей программе, что важнейшей задачей правительства третьей империи явится огосударствление банков и бирж. В этом он вполне солидарен с Готфридом Федером, который до опубликования своего официального комментария поучал следующий образом: «Все денежное хозяйство сосредоточивается целиком в руках государства, которое через посредство государственного банка и казначейства осуществляет все права и задачи

государственной финансовой и хозяйственной власти. Все банковые предприятия... управляютя как филиалы государственного банка и таким образом при полной свободе в отдельных случаях подчиняются действительному контролю общества».

Вынужденная добродетель

В официальном комментарии от всего этого требования осталось лишь требование огосударствления акционерного общества имперского банка. Таким образом должно быть сломлено процептное рабство!

Быть может, в юные годы в это верил дипломированный инженер Готфрид Федер, который был тогда всего лишь скромным частным лицом, которого влекло к занятиям политической экономией, подобно тому как других влечет самодельное радио или собирание марок. Однако с тех пор как он попал в руки Адольфа Гитлера, который возложил на него ответственность за всю Германию, дело идет уже не об экономической программе, но лишь о ряде формулировок, обещающих успех при массовой агитации. «Каждый ждет от народного хозяйства третьей империи как раз того, что соответствует его интересам: рабочий—участия в прибылях предприятия, большей заработной платы и большей государственной пенсии для стариков; ремесленник—разрушения и сведения на-нет крупных предприятий путем их огосударствления; самостоятельный торговец—уничтожения универмагов; домовладелец—погашения ипотечных долгов; того же ожидает и сельский хозяин, мечтающий к тому же о снижении налогов...»

Уловление крестьян

О сельском хозяйстве в третьей империи нужно говорить особо. Аграрная программа нац.-соц. партии совершенно не претендует на серьезность и реальность и это типичная агитационная программа, служащая лишь для уловления голосов. Нужно лишь удивляться тому, что еще до сих пор люди идут на приманку этого конгломерата самых разнообразных формул, одна из которых делает невозможной другую, вторая является противоположностью первой.

Трудность составления подобной агитационной программы обуславливается тем, что интересы сельского населения—в корне разноречивы. «Сельское хозяйство»—это абстракция, а не экономическое понятие, и еще менее ему свойственны одинаковые интересы. Но раз ставится цель запрячь и помещика, и мелкого крестьянина, и батрака в национал-социалистическую колесницу, приходится заранее отказаться от выработки собственной аграрной программы, которую пришлось бы формулировать строго теоретически для германского народного хозяйства в целом, а не исходя из интересов той или иной группы сельских хозяев.

Но безумная смелость нац.-соц. теоретиков преодолела и это препятствие, и таким образом у нац.-соц. партии существует аграрная программа. Собственно таких программ есть уже целых три, ибо с течением времени выяснилась необходимость все более беззастенчивых обещаний, которые пришлось делать аграриям различных оттенков. В 1920 г., когда нац.-соц. партия обращала свои

взоры лишь к городской мелкой буржуазии и индустриальному пролетариату, рассматривающим все сельскохозяйственные вопросы только с точки зрения удешевления хлеба, в первоначальной программе находился следующий пункт: «Мы требуем соответствующей нашим национальным потребностям земельной реформы, издания закона о безвозмездном отчуждении земли для общепольных целей, уничтожения земельной ренты и запрещения всякой спекуляции землей».

Это было в феврале 1920 г. А в апреле 1923 г. Адольф Гитлер сделал такое официальное заявление: «Ввиду того что нац.-соц. партия стоит на почве частной собственности, само собой разумеется, что выражение «безвозмездное отчуждение» может касаться лишь создания законных возможностей отчуждения в случае необходимости тех земель, которые приобретены неправомерным путем или эксплуатируются не в интересах народного блага. Это направляется, таким образом, в первую голову против еврейских обществ, занимающихся спекуляцией земельными участками».

Принимая во внимание...

Между тем выяснилось со всей определенностью, что немецкой национальной народной партии не удалось ввиду своих тесных связей с антисоциальными помещиками национализировать мелкое крестьянство. Выход нац.-соц. партии на арену в деревне должен был само собой разумеется, повести к совершенному оставлению мысли о земельной реформе, не могущей рассчитывать ни на какие симпатии в землевладельческих кругах, в то время как раньше этот пункт торжественно объявлялся неотъемлемой частью программы.

Поворот в пункте 17 программы является типичным для всех официальных партийных заявлений на тему о сельском хозяйстве в третьей империи. Признание частной собственности на землю является обязательным условием для агитационной работы в деревне. Все же к чести партийных теоретиков следует сказать, что они отнюдь не сразу примирились с новыми директивами партийного руководства. Федер, Розенберг и Герман Шнейдер посвящают в своих программных произведениях много внимания вопросу отчуждения земли, но, конечно, они не в состоянии обмануть читателя и скрыть от него тот факт, что раньше, «до обеда» все обстояло иначе.

«Чистое вино»

В марте 1930 г. заботы нац.-соц. руководства о создании единой аграрной программы наконец были увенчаны торжественным заявлением «о позиции нац.-соц. партии в отношении деревенского люда и сельского хозяйства». После этого заявления следует считать завершившимся отрыв от всякой реальной базы и бегство в разумный конструктивизм; устранение какой бы то ни было «ясности» в позициях нац.-соц. партии в аграрном вопросе следует считать закончившимся. Земельная реформа превратилась отныне в право государства—при точно оговоренном условии—«в отчуждение за умеренное вознаграждение». Утверждение, что земля «собственно» принадлежит государству и этим последним передается определенным частным собственникам для всеобщего блага,—стало

фикцией. Трусость в решении аграрного вопроса характеризуется лучше всего нижеследующими фразами, касающимися жизненно важного для германского сельского хозяйства вопроса о соотношении между крупным и мелким хозяйством: «В отношении размеров сельских хозяйств не может быть никакого схематического регулирования. С точки зрения политики роста населения весьма важно наличие большого количества жизнеспособных мелких и средних крестьянских хозяйств. Наряду с этим крупное хозяйство выполняет также свои особые необходимые задачи и в здоровом соотношении с мелким и средним хозяйствами имеет право на существование...»

Организация германского сельского хозяйства в его теперешнем виде принимается таким образом без оговорок; новой и неожиданной должна явиться в аграрной программе теперь лишь идеологическая надстройка, согласно которой нац.-соц. теория государства признает необходимость существования крестьянского сословия. Но со всеми этими идеологическими усилиями нац.-соц. партия окончательно образует единый «зеленый фронт» с крупными помещиками, которые уже столетия без устали трубят о том, что их интересы являются подлинно всеобщими интересами.

Щекотливый пункт

Во всяком случае нац.-соц. партия все еще выдает себя за «рабочую партию» и поэтому должна, разумеется, обещать кое-что и сельским рабочим. Здесь исчезает всякая возможность верить в добросовестность теоретиков. Тут начинается плоское, глупое, беззащитное одурачивание крестьян—организованный обман. Важнейшая приманка, которой стараются привлечь немецких сельских рабочих,—это обещание, что третья империя позаботится о достойных человека жилищах для сельских рабочих. В одной агитационной брошюре нац.-соц. партии находится план нормального домика сельского рабочего не менее чем с четырьмя комнатами, который в третьей империи должен быть обязательным: «Вопрос об осуществимости жилищной проблемы для сельских рабочих национал-социалистического государства не трудно разрешить. Правительство может быстро сговориться с крупными помещиками о цене необходимой для этого земли...»

Патентованное решение

Действительно трудно представить себе это дело проще. Так говорит некий господин Гильденбрандт в своей книге «Национал-социализм и сельские рабочие» об осуществлении аграрной программы нац.-соц. партии.

Так же неожиданно разрешается и вопрос зарплаты: «Сельский рабочий участвует в валовом доходе от земли, но не в прибыли». А где же находится граница между этими удивительными определениями «доход» и «прибыль»? Десятичасовой рабочий день и полный возврат к принципу натуральной оплаты, которые в припадке честности нац.-соц. об'являют чем-то само собой разумеющимся, вызывают самые мрачные опасения за этот грандиозный способ участия в доходах от земли...

Аграрным теоретикам нац.-соц. партии в глубине души совершенно ясно, что положение сельских рабочих при третьей империи будет так же безутешно, как и в императорской Германии и в германской республике. Неопровержимое доказательство этому мы находим в некоторых, на первый взгляд незначительных, второстепенных фразах. Так, говорится, что «способные сельские рабочие» должны иметь возможность «выдвинуться» до поселенца, но ввиду того, что в конце концов даже в фантастически расширенной «великой Германии» будущего будет все большее и большее количество сельских рабочих, то из этого вытекает, что теоретики нац.-соц. партии совершенно не думают о том, чтобы как-нибудь изменить социальное положение пролетария. Пролетарий, которому повезет, будет «произведен» в аграрные капиталисты.

Увековечение классовых перегородок

В другом месте программы имеется также небольшая обмолвка, которая позволяет сделать весьма тревожные заключения о социальном расчленении в третьей империи. В главе: «Постановка народного образования» говорится о том, что для особенно способных детей бедных родителей будет открыта возможность получить высшее образование. При этом исходят не из само собой разумеющегося положения, что участие всего народа в культурных благах страны не должно зависеть от экономического положения того или иного лица, а из того, чтобы этим детям облегчить «выдвижение на более высокие места». Старая мечта мелкого буржуа о более высоком положении, которое должно увеличить его социальный вес! Все эти неудачные выражения говорят о трудно преодолимой социальной чванливости, которая не имеет ничего общего с «рабочей партией».

Пролетарий рассматривается как существо второго разряда, и уже с самого начала проводится разделение между «высшими и низшими». Разрешение социальной проблемы заключается в том, что промышленному рабочему предоставляется возможность стать мастером, а все остальные, которые ведь не могут сразу стать мастерами, обречены на то, чтобы винить самих себя в своей участи.

Государственная форма на выбор

Как ни непоследовательно и глупо вели себя творцы нац.-соц. программы при ее составлении, в одном пункте они обнаруживают еще более слабое представление о взаимной связи экономики с политикой. Они как будто знают, что государственная форма не есть нечто свободно парящее в безвоздушном пространстве идей, но выражение определенных экономических условий. Так как они совсем не представляют себе экономической структуры своей третьей империи, то поэтому естественно вопрос о будущей государственной форме играет такую второстепенную роль, что в официальной программе она совсем не упоминается и только в комментариях влачит жалкое противоречивое существование.

Также и в этой области развитие нац.-соц. программы от революции к законности произвело в головах теоретиков ужасные опустошения. Розенберг и Федер, которые все еще могут выдавать себя во вне за людей науки, оказывают на массовую агитацию столь нич-

тожное влияние, что Федер сам жалуется на то, что массовые ораторы партии мало уважают его лозунг об уничтожении процентного рабства. В противоположность им теории их соперника—д-ра Геббельса, создаваемые исключительно в расчете на их агитационное воздействие, играют в жизни партии гораздо большую роль, чем результат мудрствований официальных теоретиков.

Произведение Геббельса «Национал-социализм», разошедшееся в 120 тысячах экземпляров, представляет собою сплошной призыв к диктатуре, к насилию, к гражданской войне.

Одновременно это является единственным программным произведением нац.-соц. партии, в котором вопрос о государственной форме третьей империи разбирается более или менее подробно. Геббельс представляет себе государство так: во главе, естественно, находится диктатор, избирающий себе в помощь 200 лиц, которые в качестве «сената» возьмут на себя функции ненавистного парламента, без которого даже и национал-социалисты не могут обойтись. Наряду с этим сенатом он допускает существование сословного парламента, который должен заниматься исключительно экономическими вопросами.

Благодетельная неясность

Эти откровенности очень неудобны для партийного курса на легальность, так как само собой разумеется, что подобное радикальное изменение парламентской системы едва ли найдет одобрение среди народа, в котором глубоко внедрилась идея права народа на участие в государственной политике. На берлинском процессе в мае 1931 г. Гитлер под присягой внезапно заявил, что произведение Геббельса не является официальным партийным документом, ни в коем случае не отождествляется с таковым и что кроме того руководителю пропаганды партии приказано было изъять эту книгу из продажи.

Это мероприятие делает позицию нац.-соц. партии в отношении государственной формы третьей империи исключительно неясной, так как приходится установить, что понятие «диктатура», которым живет партийная агитация, не находится ни в каком официальном программном документе.

Восстановлению парламентаризма Геббельсом противостоит точка зрения Федера, который считает наиболее подходящей для немца государственной формой «суверенное правление». Должен ли быть этот суверенный правитель монархом или президентом, это предлагается решить народу. Рудольф Юнг видит в идее советов, которую нужно только освободить от большевистских фальсификаций, панацею от всех зол, в то время как Альфред Розенберг, повидимому, еще вовсе не представляет себе государственной формы третьей империи. Но все четверо единодушны в признании личности политического мессии, от которого все в конце концов зависит.

От партикуляризма к централизму и обратно

К этой ужасной путанице в вопросе о государственной форме прибавляется и полная беспомощность, которая выявляется при решении альтернативы «федерация или единое государство». В самом начале—еще во времени Людендорфа—Гитлер был твердо убежден, что вопрос может идти только о едином государстве. В § 25 перво-

начальной программы требовалось «создание мощной центральной власти». Это требование стало однако иллюзорным в тот же момент, когда Гитлер пошел навстречу интересам партикуляристов. В комментарии Федера этот программный пункт внезапно с совершенной беззастенчивостью—и это удивительно даже для национал-социалистов—обращается в свою полную противоположность. Неожиданно в той же программе, которая должна оставаться «неизменной на все времена» и ради проведения которой лидеры обещали положить свою жизнь, появляется следующая поразительная фраза: «федералистический характер государства». «Состав германского народа из тесно связанных друг с другом историей и происхождением различных стран обуславливает далеко идущую самостоятельность отдельных союзных государств в отношении их внутренних дел»...

Программный самообман

И этот беспомощный лепет, этот гигантский самообман, именуемый «программой», должен решать судьбы шестидесятимиллионного народа! Бесцельно искать ответа на вопрос, действительно ли руководящие головы нац.-соц. партии в такой степени лишены всякого соображения, что они эту программу принимают всерьез. Умственные способности господ Гитлера и Федера—их частное дело. Отчаянная серьезность, с которой эти люди сами работают над тем, чтобы довести головоломную аргументацию своих собственных тезисов до абсурда, может вызвать жалость, смех, гнев или стыд. Эти частные чувства здесь неуместны, так как национал-социализм вовсе не психологическая, а социологическая проблема. Показ части бессмысленностей, которые мирно сожительствоуют в нац.-соц. программе, должен служить лишь для того, чтобы сделать ясным, почему 107 депутатов рейхстага от нац.-соц. партии оказались такими жалкими банкротами, когда наступил момент превратить политическую волю в действительность; эта политическая воля состоит в потоке чувств, вызванных катастрофой мелкой буржуазии и ловко используемых для мобилизации мелкой буржуазии против социализма.

Жестокая шутка старого Виконсфильда, приведенная нами в эпиграфе к настоящей главе, направлена не против национал-социалистов: им вовсе не пужно было изменять своей программе, так как ее у них нет. К тому же они со всей своей беспомощностью и страстным недовольством поставлены перед выбором: «социализм или капитализм», и в своих мечтаниях о гармонии сами себя сделали безвольным орудием капитализма. Без вины, без кровавых изменений исключительно только под давлением своеобразного экономического положения, которое требует выбора между фашизмом и пролетарской революцией.

Уничтожение процентного рабства, общественная выгода впереди частной: мираж, погоня за ветром, игра пустыми словами. Романтическая мечта немца о счастьем осуществлении великой Германии и продолжающиеся десятилетиями прочитывание его идеологией правящего класса,—все это лежит в одной плоскости, а те потрясения, которые бросают шесть с половиной миллионов отчаявшихся мелких буржуа в объятия фашизма,—лежат совсем в иной плоскости.

«Я ничего не имею против порядочных евреев».

(Адольф Гитлер
в интервью для «Таймса»)

Экономическое озлобление

Обычно думают, что именно расовая основа нац.-соц. программы является тем пунктом, с которого легче всего опрокинуть идеологическое построение партии. Но это неверно. Лидеры нац.-соц. партии так часто осуждали в теории шумный антисемитизм своих сторонников, что было бы бесцельно оценивать нац.-соц. расовую теорию только лишь на основании этих экспессивов.

Следует считать безусловно установленным, что в антисемитизме наиболее действенными и сильными являются экономические слагаемые, однако нельзя не признать, что к антисемитизму нац.-соц. партии примешались многие элементы, которые не могут быть отнесены за счет экономического озлобления мелкой буржуазии. Вообще национал-социалист может в настоящее время рационалистически обосновать свой антисемитизм и в некоторой степени осмысленно связать его с другими частями партийной программы. Средства для этого дает ему «Исследование о немецкой расе» известного теоретика расовой проблемы, д-ра Ганса Ф. К. Гюнтера, влияние которого как специалиста простирается дальше, чем обычно предполагают.

Профессор расовой теории

Уже здесь необходимо выступить против распространенной ошибки: Гюнтер ни в коем случае не является только лишь шалратаном. Ему нельзя отказать в научном подходе к предмету и в наличии известной методики. Его труд: «Учение о расовом происхождении немецкого народа», поскольку речь идет о расовой анатомии и расовой психологии, представляет некоторый интерес и научную ценность.

Его труды приводят к нелепым и ошибочным выводам, но это происходит от того, что в расовой теории национал-социализма речь идет о рационализации чувств, которые могут быть поняты только на фоне мирового экономического полосуния.

В своем комментарии к программе Федер говорит: «Антисемитизм является в известной мере эмоциональной основой нашего движения».

Каждый национал-социалист—антисемит, но не каждый антисемит становится национал-социалистом. Антисемитизм нечто только отрицательное, хотя антисемит и знает, кто носитель народного зла, но это знание большей частью превращается в личную ненависть к отдельным евреям и к успехам евреев в хозяйственной жизни».

Когда Федер противопоставляет антисемитизм национальной идее, незначительную часть которой он должен составлять, его выводы начинают приобретать значительность. Отрицательный антисемитизм должен быть расширен до народной идеи, чтобы стать основой всеобъемлющей программы улучшения мира, как изображают в своих теориях национал-социалисты.

В основе же речь идет не о расовой теории, а о том, что империализм нац.-соц. партии нуждается в рациональном обосновании, которое свои чисто политические цели окружает атрибутами почти религиозного характера. Истинное убеждение практических требований партии находится в кричащем противоречии с огромным притязанием на значимость, выдвигаемым нац.-соц. партией: буря чувств, которые вызвала проигранная война и катастрофа, пережитая мелкой буржуазией, рационализована нац.-соц. расовой теорией. Несколько бесцельно полемизировать с этой теорией с точки зрения естественных наук, показывает одно место в интервью «Таймса», в котором Гитлер говорит: «Я ничего не имею против порядочных евреев, но поскольку евреи присоединяются к большевизму, мы смотрим на них как на врагов». Никакая многословная ссылка на революционную тактику не может скрыть того факта, что Гитлер этими немногими словами уничтожает все искусственное здание, построенное его специалистами по расовому вопросу. Понятие «порядочный еврей» в ходе обычного нац.-соц. мышления настолько абсурдно, что хочется защитить господина Гитлера от него самого и его болтливости. Но и слепой курице удастся найти зерно: здесь подразумевается вовсе не еврей, а то, что политический рассудок национал-социалиста понимает под «большевиком».

Марксист-еврей

Здесь находится решающий смысл расовой программы нац.-соц. партии, чья формула «марксист-еврей» будет иметь тем больше влияния, чем больше господин Гитлер будет признавать великодушные и национальные устремления немецких евреев. После того как он уже раз пообедал с некоронованным королем «еврейских финансистов» Яковом Гольдшмидтом, он научится на практике оценивать тончайшие различия, отличающие этого банкира от Зиновьева или Радека.

Если рассматривать расовый фанатизм нац.-соц. партии в известной мере как вещь в себе, то трудно обойти молчанием одно неприятное сравнение. Бездушная переоценка германской расы находится в прямом отношении к тому факту, что побежденная и эксплуатируемая Германия в течение многих лет играет роль пария среди народов всего мира. Эта переоценка—еврейского происхождения. Именно так поступал этот эксплуатируемый, гонимый, притесняемый и презираемый еврейский народ, совершенно искренне делая из своей нищеты заключение, что он—«избранный народ».

Когда двое делают одно и то же—это не есть то же самое; притязание евреев на избранность—для национал-социалистов не что иное, как кульминационный пункт нахальной преступной дерзости.

Несомненно, что потребность этически возвысить идею реванша также сыграла свою роль в развитии антисемитизма до национальной идеи третьей империи. По меньшей мере столь же стереотипным, как и доказательство о неполноценности еврейской расы, является упрек, бросаемый нац.-соц. литературой французскому народу, в том, что он «онегриятивается». Проникновение антисемитизма элементами

«германской миссии» привело к возникновению удивительной концепции на счет веры в единственно правомочное существование германской расы, вызывающей в научном мире веселье или потрясающее изумление.

Орудие внешнеполитической пропаганды

Антисемитизм, как эмоциональная основа нац.-соц. экономической теории, обосновывается теми же мотивами, которыми обосновывался антисемитизм императорской Германии. «Народная идея» также является олицетворением внешнеполитической программы нац.-соц. партии. Чтобы сделать ее действенной и агитационной, чтобы усмотреть в ней последнее откровение исторических событий, незначительная научная теория о различии человеческих рас была раздута до невероятного фантастического построения, которое под предлогом научного обоснования в действительности удовлетворяет религиозным потребностям верующих. Это идеологическое расширение неизбежно кончается включением нац.-соц. партии в капиталистический мировой фронт против революционного пролетариата всех стран.

Нельзя упускать из виду эту конечную цель: когда Альфред Розенберг, партийный специалист по внешней политике «рабочей партии», клеймит в «Фелькшпер Beobachter» революционизирование Индии как попытку неполноценной расы восстать против полноценной расы английского империализма, то за этими размышлениями стоит уже не Ганс Ф. К. Гюнтер, а сэр Генри Детердинг. Совершенно безразлично, насколько эти мнимые выводы нац.-соц. ученых о расе, образующие основу программы партии, ясны для отдельных национал-социалистов.

Конный завод «Великая Германия»

Расовой третьей империи Гюнтера нельзя отказать в известной широте размаха. В его расчетах отрезок времени в несколько столетий не играет ни малейшей роли, и пройдет по крайней мере еще несколько столетий, пока нац.-соц. теории будут проведены в жизнь.

Когда Гюнтер говорит о «германской расе», он имеет в виду «северную» расу. И он знает, что в настоящее время лица, принадлежащие к чистой северной расе, в Германии составляют абсолютное меньшинство. Гюнтер не отрицает также избитой истины о том, что в течение столетий германский народ всосал в себя народы славянского, кельтского и романского происхождения. Этому явлению «растворения», как он его называет, нужно противопоставить «осеверение», т. е. планомерный отбор и восстановление той северной расы германского народа, которая является единственной носительницей германской культуры. В первоначальной программе национал-социалистов имеется лишь немного из того фантастического плана разведения людей в большом масштабе: требование, чтобы только чистокровные немцы, т. е. те, в которых примесь крови другой расы незаметна, имели право быть полноценными гражданами, и затем жалкая попытка вытеснить чуждый расовый элемент из страны, — вот и все!

Арийские китайцы

Тот факт, что, как правило, именно смешение нескольких рас является предпосылкой, что какой-либо народ становится «носителем культуры», здесь отрицается. В противовес этому нац.-соц. исследователи расового вопроса просто-напросто утверждают, что всякое культурное дело, где бы оно ни было совершено; содеяно представителем германской северной расы. Совершенно безразлично, относится ли это к египтянам, китайцам, израильтянам или римлянам. С помощью этого чудодейственного рецепта возможно объявить Конфуция и Микель Анджело, Христа и Будду, Заратустру и Хаммураби представителями северной расы. Доказательства можно найти для всего, стоит только серьезно их поискать.

Это вовсе не злые преувеличения, а теории, которые десятилетиями встречаются в нац.-соц. литературе. У Гитлера эта детская биология культуры имеет следующий вид и звучит так: он радостно утверждает, что имеется только одно искусство—«греческо-северное». Готика и пирамиды, китайская живопись по шелку, скульптуры Праксителя, Рембрандт и гробница Мумтаз-и-Магала—все исходит из одного места, все это формы выражения «греческо-северного» искусства, их творцы принадлежат к северной расе. Доказательства? Над китайским народом господствовал тонкий слой властителей—манчжуры, и когда они исчезли, кончилось и китайское искусство. Почему не предположить, что манчжуры—выходцы северной расы? В Галилее существовал народ, имевший рыжие волосы, почему не предположить, что у Христа также были рыжие волосы и что следовательно он принадлежал к северной расе?

Правда, почему бы и нет?

Католическая церковь требует от своих верующих признания непорочного зачатия и рождения Христа от девственницы Марии. Протестантство требует верить в возможность того, что три лица в действительности являются одним. Почему бы и нет? *Credo quia absurdum.*

Попытки рационализировать религиозные откровения так же стары, как и сами религии. Их цель состоит в том, чтобы повернуть причинную связь и назвать результатами научного мышления свои мистические бредни.

Триумф отрицания

Гюнтер создал систему типизации рас, которая кажется если не безупречной, то по крайней мере такой, о которой можно спорить и которую можно защищать. Но затем в него вселился дух, и начало отрицания отпраздновало свой триумф: именно потому, что расовое смешение немецкого народа так сильно бросается в глаза, именно потому, что развитие обошло северные группы германского народа, именно потому, что изолированной немецкой культуры не существует, именно поэтому все то, что не бросается в глаза, все, что является мистическим, должно стать смыслом существования. Поэтому расовая анатомия превращается в расовую философию, поэтому невозможно допустить воздействие каких-либо климатических или экономических влияний на формирование расы. Святой дух не выносит никакой материализации, поэтому и здесь наблюдается бегство в по-

тусторонний мир, в метафизику. Закон причины и следствия не может быть уничтожен просто мыслью, подобной мыльному пузырю. Поэтому эти мистики, эти мечтатели, жадно прислушивающиеся к величественным и непонятым шагам мировой истории, ведут себя как безумцы, когда сталкиваются с законом причинности.

Мистерия закона причинности

Бог добр, а мир плох. Следовательно, дано существование сатане, сеющему плевеи среди пшеницы. Германская раса сильна и добра, но ее притесняют и ей угрожает уничтожение. Поэтому в расовом дан принцип зла, его имя—еврей. Ни одна средневековая христианская душа не могла бы верить более страстно в существование дьявола с рогами, хвостом и копытами, чем национал-социалист в дьявольскую силу евреев. Шестьсот тысяч евреев в Германии живучестью своей силы оплодотворения в состоянии заразить шестидесятимиллионный народ и предать его расовой смерти. Где же принцип естественного отбора? Где же учение национал-социалистов о том; что «слабый, неполноценный должен погибнуть, чтобы дать место сильному?» Разве еврей, который может проделывать такие чудодейственные вещи, не в тысячу раз сильнее, чем германец, которого нужно ограждать от ужасной гибели—инкубатором, световой ванной?

Бесмысленность и противоречия имеют здесь еще меньше значения, чем в экономической программе нац.-соц. партии. А для всех сомнительных случаев имеются «Тайны сионских мудрецов»—самый пошлый и идиотский памфлет в мировой истории, своего рода библия для безнадежных дураков. В этой книге приводятся якобы подлинные изречения руководящих евреев всего света, из которых вытекает план Иуды захватить весь мир. Все, что когда-либо мог измыслить большой мозг национал-социалиста о господстве еврейского мирового зла, преподносится здесь удивленному миру в качестве подлинных документов. Фальшивка чудовищной наглости. Что эта подделка—Альфред Розенберг, специалист по иностранной политике нац.-соц. партии, покрывает ее—вместо того, чтобы давно находиться в музее редкостей в качестве курьезного экспоната, играла непосредственную роль в деле убийства Вальтера Ратенау, доказывает, как мало значит здесь смысл и обоснование. Вера в избранность германской расы—социально-патологическое явление, первоначальную причину которого нужно искать в растущем отсутствии связи немецкого идеализма с вещами, существующими во времени.

Люди—властители

Примитивная фаталистическая вера в действительность расы, по сравнению с которой учение Кальвина о предопределении можно назвать слабым, является тем пунктом, к которому всегда возвращается мысль национал-социалистов. Не существует ни одной области, которую ни рассматривали бы они с этой точки зрения. Здесь безоговорочно покидается фикция социализма, здесь нац.-соц. партия разоблачает себя как авангард классового господства. Об этот основной религиозный принцип разбиваются все расчеты, всякая ставка на агитацию. «Масса рабочих не хочет ничего, кроме

хлеба и зрелищ, у нее нет никакого понятия об идеалах, и мы не можем рассчитывать на то, чтобы привлечь на свою сторону значительную часть рабочих. Мы хотим отбора нового слоя господ, которые не... увлекались бы какой-либо моралью сострадания, но которые знали бы, что их принадлежность к более высокой расе дает им право на господство, и которые это господство над широкими массами поддерживали и обеспечивали бы стойко и беспощадно». Так говорит Адольф Гитлер. Эти слова показывают, что человек, который сознательно и с намерением их произносит, лжет, когда окружает себя лживой славой народного трибуна, борющегося за освобождение рабочего класса.

Будьте покорны начальству

Конечно, не нужно переоценивать слов Гитлера. Он часто сам не знает, что говорит, и большая часть программных комментариев национал-социалистов была бы излишней, если бы господин Гитлер умел в нужный момент держать язык за зубами. Но именно этого он не может. Имеются сотни доказательств того, что этот удивительный тезис, пыгающийся увековечить существование господствующего класса на основе расовых отличий, является не каким-либо уклоном, а существенной основой, частью того, что вообще говорит нац.-соц. партия.

Мы обязаны революционеру Гитлеру следующим замечательным определением: «Не существует никакой экономической, политической и общественной революции, существует всегда только борьба низших расовых слоев против высшей господствующей расы».

Кто же господствует в Германии? Еврейская зараза или «высшая раса»? Бесплезно ждать от Гитлера ответа на этот вопрос. Ответ излишен: нац.-соц. партия признает, что в настоящее время налицо деление народа на господствующий и подчиненный классы и что из этого не может быть никакого выхода. Каждая революция—попытка неполноценной расы освободиться от этого гнета. Каждая революция—преступление против нравственных устоев мира, которые дают высшей расе моральное право подчинять себе и эксплуатировать низшие расы.

Некоронованным владыкам Германии можно бросать разные упреки, но что господа из германской народной партии и из «И. Г. Фарбениндустри»—евреи, об этом Гитлер никогда не осмеливался говорить.

Естественно-научный капитализм

Веры в миссию немцев недостаточно, чтобы выкроить идеологические одежды для господствующего класса в век трестовского капитала. Расовая теория нац.-соц. партии—посредством пропитанное ложью с точки зрения естественных наук и этики оправдание капиталистической системы.

Этот факт не может быть понят теми, кто исследует и рассматривает болезненные и судорожные подергивания нац.-соц. интеллекта с точки зрения идеалистических ценностей. Нельзя с улыбкой отбросить расовую теорию нац.-соц. партии, а затем другими, скрытыми путями прийти к этическому обоснованию капитали-

стического строя. Знаменательно, что во всех дискуссиях с национал-социалистами критика расовой теории кончается как раз там, где она начинает становиться существенной. Известно, что в агитационных выступлениях какой-либо политической партии нельзя искать научных высот. Культурный представитель немецких демократов, университетский профессор Вилли Гельпах погрязает в терминологии злободневной политической борьбы, когда сменяет кафедру на ораторскую трибуну. К чему же моральное негодование по поводу того, что если нац.-соц. идеология становится ненаучной?

Вместо научных перебранок по специальным вопросам пужно последовать практическому воздействию самой веры в расу, чтобы понять, что здесь дело идет только об идеологическом отвлечении на пути к немецкому фашизму. Империализм нац.-соц. партии, подкрепленный расово-биологической теорией, только форма выражения для немецкого фашизма во внешней политике.

Альфред Розенберг делает мировую политику

Вовсе не случайность, что внешней политикой партии ведает Альфред Розенберг—балтиец по происхождению. Это представитель лишенного прав класса эксплуататоров, который предлагает западным государствам тупую надменность своей барственности и брызжущую слюной жажду мести в качестве высшей политической мудрости.

Здесь не приходится говорить о том, что в жизни этого просвещенного политика есть моменты, которые его друзья прикрывают мантией христианской любви к ближнему. О том, что во время мировой войны Розенберг сидел в «негритянизированном» Париже, что ему, русско-подданному, удалось поразительно быстро привлечь на свою сторону немецких подданных в Мюнхене, о том, что после неудавшегося путча Гитлера он первый обеспечил себе безопасность, перейдя границу; не нужно распространять темных слухов, чтобы охарактеризовать этого человека.

Розенберг—балтиец, поэтому он и антисемит. Антисемитизм проявляется в нем в виде лично обоснованной, кровожадной, патологической ненависти к евреям, в слепой ненависти и жажде уничтожения марксистов. Неважно, какой он человек. Важно, что его личные чувства были подхвачены восторженно членами нац.-соц. партии, что его бредовые фантазии («На каждый телеграфный столб от Мюнхена до Берлина будут посажены головы выдающихся евреев») пользуются в партии безусловным авторитетом.

Фронт против Востока

Внешнеполитическая программа нац.-соц. партии оперирует в первую очередь доказательствами расового порядка. Англия—естественный союзник Германии, так как кровь плотнее, чем вода. Чтобы заключить союз с Англией, Германия должна исправить ошибки довоенной политики. Она должна отказаться от конкуренции с английской торговлей и должна ограничить цели своей политики только лишь континентом. Нац.-соц. партия явно отказывается от завоевания областей на западе и от расширения сферы влияния Германии в Западной Европе. За это Англия должна предоставить Герма-

нии полную свободу действий на Востоке, чтобы покончить с большевизмом, разбить пограничные страны и превратить всю восточную Европу в колонию для излишков немецкого населения.

Влияние Англии на континенте должно всегда сталкиваться с французскими стремлениями к гегемонии в Европе: «Конечная цель французской дипломатии всегда будет стоять в противоречии к конечной тенденции британского искусства управлять государством». Поэтому нац.-соц. партия рассчитывает, что если Германия когда-либо начнет сводить счеты с Францией, то Англия положит руки в карман. Это сведение счетов необходимо в первую очередь потому, что французы, как известно, народ, который все более и более подвергается «онегритянизированию» и поэтому представляет постоянную опасность для положения белой расы в Европе. Притязания на то, чтобы каждая лучшая нация имела документально-утвержденное право на первоклассного наследственного врага, можно обосновать еще и следующим образом.

С одной стороны, дана дружба с Англией, с другой—наследственная вражда с Францией. В Италии царит фашизм, и кроме того Италия не в очень хороших отношениях с Францией. Оба эти факта являются сами по себе достаточным основанием для того, чтобы нац.-соц. партия видела в лице Италии второго естественного союзника третьей империи. Правда, между Германией и Италией существует свирепая вражда из-за грубого и отвратительного угнетения немецкого населения в Южном Тироле.

Немецкого Южного Тироля не существует

Конечно, трудно приходится, раз в своей первоначальной программе нац.-соц. партия утверждала, что она не отказывается ни от одного немца в похищенных областях. Она не делает этого и теперь, но о Южном Тироле больше нельзя говорить, чтобы не терять дружбы великого Дуче. С бесстыдством, равного которому не существует, национал-социалисты, эти передовые бойцы за национальное освобождение, предоставили немецкий Южный Тироль своей судьбе. Страдания пытаемых и измученных тирольцев, крики отчаяния, которые доносятся через Альпы, безграничное возмущение всех порядочных людей средневековыми притеснениями, которым Муссолини подвергает немцев в Тироле,—все это больше не касается нац.-соц. партии: она заключила мир с Италией, и маленький Гитлер лижет сапог великого Дуче, сапог, запятнанный кровью повергнутых в прах тирольцев. При этом нац.-соц. политики ведут себя так, будто они удивительно умны, раз они готовы на компромисс. Дружба третьей империи с фашистской Италией основывается на двойном обмане, и Муссолини до сих пор ни разу не давал повода думать, что эта дружба его хоть немного интересует. Компромиссы вполне односторонни.

Гитлер—друг французов

Националисты не понимают, что в тот самый момент, когда вся Европа заражена фашизмом, снова может начаться старая игра национальных конфликтов. Они не понимают, что организованный в фашизме итальянский и в национал-социализме немецкий на-

питаю, несмотря на общность их внешних проявлений, не могут устранить ни одной из тех проблем, которые в 1915 г. привели Италию к участию в мировой войне. Вторая фикция—это предположение, что Франция и Италия будут вечно находиться в состоянии наследственной вражды, которую нац.-соц. партия предполагает существующей между Германией и Францией. С тех пор как, начиная с весны 1931 г., Гранди и Муссолини ищут мирного разрешения конфликта с Францией, исчезает и эта опора. Гитлер немедленно реагирует на этот новый пинок тем, что в анкете французского националиста Эрве отвечает с уверенностью, что в Германии «нет никого», кто бы не хотел жить в мире с Францией.

Говоря о внешней политике национал-социалистов, нужно еще упомянуть тот факт, что английский нефтяной империализм рассчитывает на услуги немецких националистов во время будущей интервенции против Советского союза, не дисконтируя, однако, заранее грядущих успехов от этих услуг.

Много шума из-за пустяков. Антисемитизм императорской Германии завяз в представительстве интересов среднего сословия. И последнее слово расовой мудрости национал-социалистов—это включение Германии в мировой фронт трестовского капитала против Советского союза и против революции.

Что будет с еврейскими лордами

Насколько маловажны по существу властные претензии этой расовой программы, видно из того, что национал-социалисты прекрасно знают, что в Англии и Италии «еврей» играет гораздо большую роль в политике страны, чем в Германии. Альфред Розенберг, до того еще как осознал естественную необходимость союза с Англией, разоблачал лорда Ротермира, еврея по происхождению. Теперь же лорда Ротермира охотно считают своим покровителем. Известные английские политики—евреи, еврейские промышленники легко становятся дворянами и считаются полноправными членами высшего общества... Всеми этому расовому заражению своих арийских союзников национал-социалисты могут противопоставить только робкий вопрос Розенберга: не может ли официальная политика империи «несколько более» освободиться от влияния еврейского Сити? И в глубине своего сердца этот антисемит прекрасно знает, что английское правительство никогда не сможет этого сделать, так как оно не знает никакого еврейского Сити, а знает только английских купцов. Национал-социалистические лидеры также знают, что великий Дуче терпит в своем ближайшем окружении целый ряд евреев, что еврейские банкиры и промышленники являются его советниками в экономических вопросах и что в руководстве фашистской партии сидит много евреев. Случайности ли все это?

Действительно ли против всего этого оевреивания не принимают никаких мер только из реально-политических соображений?

Эти реально-политические соображения являются настоящим содержанием нац.-соц. партии, это вовсе не отклонения от намеченного пути к фашизму. Это—норма.

ВЗАИМНЫЕ СВЯЗИ

«Где Гитлер—вождь, там может маршировать с ним в погу Гогенцоллерн».

(Август-Вильгельм, принц прусский)

Закулисная игра

Возможно, что до сих пор еще не обнаружены все нити, которые тянутся от марионеток-героев третьей империи к тем людям и силам, в чьих интересах фашизация Германии. Общественностью все еще возбужденно обсуждаются факты, которые свидетельствуют об исключительно тесной связи нац.-соц. партии с правящими классами.

Но эти факты поражают только того, кто сохранил веру в германскую революцию и в социальное лицо национал-социализма, как немецкой рабочей партии,—того, кто не хочет видеть, что революционизирование мелкой буржуазии должно неизбежно привести к представительству классовых интересов буржуазии. Несмотря на это и здесь следует указать на взаимные связи, соединяющие нац.-соц. партию с теми кругами, в руках которых находится государственственный аппарат германской республики.

Высший дисциплинарный суд Пруссии стоит—пока что—на такой точке зрения, что никто из служащих не может быть зарегистрированным членом нац.-соц. партии, так как эта партия носит опасный для государства характер. Действительно, в 1929—1931 гг. были проведены дисциплинарные мероприятия, имевшие целью увольнение со службы служащих всех категорий за их принадлежность к нац.-соц. партии. Но уже в 1931 г. дисциплинарный суд повидимому соизволил изменить свою точку зрения. Председатель этого суда, бывший социал-демократ Грюцнер, перешел тотчас же после своего выхода в отставку в нац.-соц. партию. Конечно, это явление исключительного порядка, но даже в республиканской Пруссии возникает мысль о том, как путем признания «безопасности» нац.-соц. партии подчеркнуть ее легальный характер.

Национал-социалистические чиновники

Это всем известный секрет, что именно в кругах чиновников имеется наибольшее количество приверженцев нац.-соц. партии. Конечно невозможно подтвердить цифрами это утверждение, так как служащие национал-социалисты не имеют права быть ее официальными членами. Точно так же невозможно получить сведений относительно политических взглядов служащих того или иного учрежде-

ния. Для того чтобы знать, как далеко зашел процесс фашизации служащих, можно указать, что среднее и низшее чиновничество различных прусских министерств настроено национал-социалистически и выбирает исключительно национал-социалистов. А то, что хорошо для прусского министерства земледелия, хорошо и для многочисленных местных налоговых, финансовых, судебных учреждений.

Теперь уже никто почти не обнаруживает, что в отдельных случаях руководители таких учреждений совершенно открыто симпатизируют нац.-соц. партии. Причина этого явления лежит в том, что вызывающие сомнение социальные оттенки в программе нац.-соц. партии не принимаются всерьез ни представителями чиновной иерархии, ни представителями правящего класса.

Подбор чиновников в германской республике

И тут мстят за себя ошибки, допущенные республиканскими властями. После тринадцати лет республиканской политики в области подбора служащих почти во всех общегерманских учреждениях или учреждениях отдельных государств для продвижения на какой-либо более высокий пост требуется только лишь принадлежность претендента к той или иной реакционной студенческой корпорации. Если в 1931 г. в немецких высших учебных заведениях нац.-соц. студенческий союз был наиболее сильной политической организацией всего студенчества, то и здесь нац.-соц. партия использует лишь движение, вызванное не ею. «Национальное чувство», которое считается в немецкой республике непременным условием успешной карьеры, в настоящее время отождествляется с принадлежностью или симпатиями к нац.-соц. партии. Вовсе не стремление к высоким идеалам толкает многих молодых студентов к национал-социализму, а во многих случаях лишь здравое понимание того, что этот путь политических связей обещает успешное продвижение по службе.

Непосвященным эти замечания могут показаться преувеличенными. Все сомнения могут быть однако рассеяны и уничтожены одним лишь указанием на политически окрашенное правосудие в Германии. Дерзкое и беззастенчивое предпочтение, оказываемое крайним правым правонарушителям, стало настолько повседневным явлением, что широкая общественность обращает на это внимание только в особенно скандальных случаях. В общем же все давно привыкли к мысли, что равноправие перед судом кончается там, где начинаются политические убеждения.

Правосудие в провинции

Конечно, и здесь были сделаны не безуспешные попытки изменить это. Прусский министр юстиции, близко стоящий к партии центра, старался останавливать грубейшие эксцессы партийно-пристрастных судей. Но его руки простираются не очень далеко, и многое еще осталось без изменения: в прессе постоянно попадаются удивительные сообщения о положении в провинциальных судах, которые почти полностью заражены нац.-соц. духом. Например районный суд в Наумбурге почти на глазах у председателя в е р х о в н о г о

суда проводит дела с беззащитным пристрастием. Так, недавно один национал-социалист студент-теолог, ударивший по шее пивной кружкой полицейского, был несмотря на несомненные доказательства его вины, оправдан, потому что «трудно поверить, чтобы теолог был способен на такой поступок».

Резкое возмущение вызвал также приговор гессенского суда, отпустившего без наказания национал-социалистов бандитов, напавших и разгромивших ночью дом одного из заслужившего их немилость граждан, в то время как те, которые защищали этот дом, были привлечены к суду и осуждены.

Это вовсе не случайность, а симптоматические явления, которые в маленьких городках стоят в порядке дня. Даже в судах больших городов, все еще находящиеся под строгим контролем общественности, повсюду отмечается в отношении нац.-соц. обвиняемых снисходительность, каковой обвиняемые коммунисты не могут похвастать.

Нац.-соц. ячейки в полиции

Общезвестно, что во всех больших полицейских союзах есть национал-социалисты. В Берлине и Гамбурге даже попали на следы крупной сети ячеек. «Еврейский» высший правительственный советник Лассали, проводивший в Гамбурге следствие по этому делу, был убит во время допроса полицейским национал-социалистом. В Германии были уволены многие полицейские офицеры за доказанную связь с нац.-соц. партией. Если подобные вещи происходят в крупных административных центрах, находящихся в руках республиканских властей, то можно себе представить, какое положение царит в маленьких немецких союзных государствах, в которых республиканская форма правления не завоевала никаких симпатий.

Общезвестный факт, что в результате столетнего идеалистического затуманивания мозгов возникла идеология, которая пережила кайзерскую Германию, возможно переживет и германскую республику. Общность этой националистической идеологии, отрицание республики, часто вызываемое тяжелым материальным положением, и «общественные» связи, поддерживаемые крупными государственными чиновниками с руководящими лицами нац.-соц. партии,—все это вместе взятое образует тысячи крепких нитей, существование которых должно бы быть понятно, но которые вызывают в нормальном немецком республиканце тревожное изумление и крайнее возмущение.

Министерство иностранных дел и нац.-соц. партия

Когда известны подпольные связи невидимого национал-социализма, то становится понятным возмущение общественности, которая выступает только тогда, когда раскрывается враждебная государству деятельность какого-нибудь служащего, оскорбляющего словами или действиями ту республику, которая платит ему жалованье. Часть секретной информации министерства иностранных дел регулярно находит путь к нац.-соц. партии, или же оставшие офицеры, занимающие штатские места в министерстве рейхсвера, предлагают Адольфу Гитлеру свои услуги на руководящих постах третьей империи,—все эти факты расцениваются как нечто неслыханное, в то время как

это будничное явление. Нравственное негодование республиканцев, обязательное в таких случаях, создает в общественном мнении такое впечатление, будто бы в общегерманских учреждениях и в учреждениях отдельных республик национал-социализм искореняется твердой рукой, на самом же деле он все более и более укрепляется.

Тесные связи нац.-соц. партии с рейхсвером так же стары, как и сама партия. Только безнадежные оптимисты могут верить, что постоянные заверения Гренера в его пацифистских намерениях имеют хотя бы скромное влияние в рейхсвере: вся немецкая армия, руководимая неостанавливающимися ни перед чем офицерами, с воодушевлением согласится на всякую войну, которая сулила бы даже в самой неопределенной форме возможность достижения каких-либо «национальных» выгод. Нац.-соц. партия—прирожденный союзник нелегальной немецкой милитаристической политики, тех националистских стремлений официально безответственных офицеров армии, влияние которых однако простирается исключительно далеко.

Родственные души

Значение лейпцигского дела по обвинению в государственной измене трех офицеров ульмского рейхсвера было сильно преувеличено. То, что сделали лейтенанты Шерингер, Вендт и Людиг, которых осудили в октябре 1930 г. на долготлетнее заключение в крепости за государственную измену, делали и делают десятки офицеров рейхсвера. Конечно три молодых офицера не могли видеть, что революционный характер нац.-соц. партии всего только фикция. Они приняли позу заговорщиков, они искали среди своих товарищей единомышленников, путешествовали по стране, агитировали...

Против этого немецкая юстиция принимает меры. Но тому, что говорят и обсуждают офицеры рейхсвера вместе со своими неактивными товарищами во время полковых праздников, на охоте, на вечеринках и в напуганных «товарищеских объединениях», не придается никакого значения. Республиканский суд никогда не задумывался над тем, сколько личных знакомых, старых товарищей в рейхсвере имеют генералы Лицманн и фон-Эпп или же полковники Ксиландер и Хирл, с которыми они связаны старой дружбой. Эти высшие офицеры армии кайзера могли бы порассказать кое-что о «национал-социалистическом разложении рейхсвера», если бы только кто-нибудь был настолько невежлив, чтобы их об этом спросить.

Но никто не спрашивает. Этого вовсе не хотят знать. Все ответственные чиновники немецкой республики «национальные люди» и удивительно хорошо понимают душевные страдания офицеров без дела.

«Столько шуму...»

На лейпцигском процессе, где Адольф Гитлер во второй раз присягал в своем послушании закону и где он, благодаря сверхлюбезному председателю, получил возможность произнести свою великую речь о головах, которые покатаются с плеч,—от офицеров, вызванных в качестве свидетелей, можно было слышать, что трое обвиняемых с их точки зрения не совершали ничего запрещенного. Эти свидетели давали более или менее ясно понять, что действия

трех лейтенантов не являются исключительными, в рейхсвере много споров, много раз резко обсуждался вопрос о падении воинского духа в Германии и что выступающие в качестве свидетелей сами ищут союзников, чтобы уничтожить этот антимилиитаристский дух.

Никто не обратил внимания на их откровенность. Не обратил на это внимания даже председатель верховного суда, осудивший позднее обвиняемых и проявивший во время процесса в кулуарах удивительное беспокойство о том, как присяга господина Гитлера отразится на биржевом курсе...

Здесь мы только мимоходом коснемся переживаний лейтенанта Шерингера, который во время своего пребывания в крепости перешел в компартию. Его рассказ о том, как он, ломая руки, упрашивал поделиться с ним доводами против марксизма самого Адольфа Гитлера и других корифеев национал-социализма, как его посылали от одного к другому, не говоря ему ничего кроме старых избитых фраз,—этот рассказ—самая меткая сатира, которая когда-либо была написана на национал-социализм. Но это жестокая действительность. Из этого отчета следует запомнить единственный аргумент против марксизма, который выдвигали Гитлер, Рем, полковник Хирл, Геббельс и адвокат д-р Франк 2.: когда искатель правды спрашивал их, ему всегда повторяли предложение: «хотите ванять какое-либо место?» Разве удивительно, что брошюра Шерингера была конфискована республиканской полицией на основании чрезвычайного декрета за угрозу общественному порядку? Разве можно возмущаться, что бывший лейтенант рейхсвера, коммунист Шерингер, продолжает сидеть в крепости, в то время как его товарищ национал-социалист Людиг давно выпущен на свободу?

Феодализм—союзник пролетариата

Невидимый национал-социализм..

Единственный важный результат лейпцигского процесса—это признание того, что дело касается вовсе не каких-либо исключительных событий. Общность политических установок, связывающих нац.-соц. партию с активистскими элементами офицерского состава рейхсвера, должна была давно потерять значение чего-то исключительного даже в глазах благожелательных республиканцев.

Принц Ауви в роли Санчо-Пансы

Но речь идет не только о неподдающихся контролю общественных связях между офицерами рейхсвера и руководящими лидерами национал-социалистов: феодальный принцип, который по старой привычке почитается в народной армии немецкой республики (и что между прочим проявляется в непривычно высоком проценте офицеров-дворян), находит удивительным образом в «национал-социалистической рабочей партии» своих самых страстных защитников. Проворство и ловкость, с помощью которых Адольф Гитлер философски обосновывает свое мелкобуржуазное угодничество, признание «аристократического принципа в природе» не было напрасным: принц Август-Вильгельм фон-Гогенцоллерн, сын бывшего кайзера,—официально член нац.-соц. партии. Не нужно обладать большой фантазией, чтобы представить себе, какую свиту привел за собою

«принци Ауви» своему новому господину и властителю для необычайного сочетания феодализма и рабочего класса. «Где Гитлер—вождь, там может маршировать с ним в ногу и Гогенцоллерн...»

К шествию знаменосцев мелкой буржуазии присоединяется танец смерти, исполняемый лишенными владений феодалами. И великий Маниту трубит в рог мира, призывные звуки которого должны покрыть раскаты грома классовой борьбы.

Для политического развития Европы или одной Германии совершенно безразлично, какие надежды возлагает высшая аристократия на нац.-соц. партию. Каждый признает, что даже эти организационные приемы национал-социалистов являются не чем иным, как мобилизацией феодализма для целей трестовского капитала. Только Ауви фон-Гогенцоллерн, может быть, не признает этого.

То, что привлекает в свиту Гитлера феодальные аристократы, есть не что иное как извечная мольба и заржавелая идеология. Трестовский капитал, в чьих интересах происходит эта мобилизация аристократии, сам нуждается в лучших аргументах и более весомых доводах, чтобы убедиться в пригодности и необходимости нац.-соц. партии.

Описывая различные моменты национал-социализма, мы указывали, что связь нац.-соц. партии с трестовским капиталом всегда была исключительно тесной.

Как были преданы рабочие

Не нужно бесконечно повторять, как Адольф Гитлер с нищенской сумой в руках ходил от одного крупного промышленника Германии к другому и с успехом попрошайничал. Уже давно известно, что целый ряд выдающихся немецких промышленников, среди которых достаточно назвать Тиссена, Кирдорфа и братьев Лаухузен из Бремена, постоянно поддерживали нац.-соц. партию значительными суммами.

Чтобы изобразить только лишь техническую сторону дела, применявшуюся при таких крупных сборах, приведем письмо Гитлера от 4 марта 1931 г., адресованное руководителю нац.-соц. гессенского округа:

«В фонд пожертвований гессенского округа поступило 15 тысяч марок. В этих взносах приняли участие следующие фирмы: коммерции советник Дикергофф, д-р А. Дикергофф, дипломированный инженер А. Кастель, а также директора Шиндлер и Юнг.

Эти пожертвования обязывают нас при дальнейших назначениях особенно тщательно отбирать идеологически выдержанных штурмовиков, чтобы иметь возможность дать энергичный отпор росту коммунистических элементов на вышеупомянутых предприятиях, а в особенности же, чтобы усилить нашу власть во время выборов завкомов.

Только таким путем мы сможем с помощью пропаганды, которую должен вести каждый отдельный штурмовик, образовать брешь среди сторонников коммунизма и таким путем достигнуть нашей конечной цели—третьей империи.

Необходимой предпосылкой для дальнейшего приема наших штурмовиков на предприятия вышеназванных членов нашей пар-

тии является безукоризненная репутация и идеологическая выдержанность. В первую очередь должны быть приняты лица, прошедшие военную службу.

Окружное руководство должно соответственным образом инструктировать руководителей районных и местных групп.

Несгораемые шкафы раскрываются

Этот потрясающий документ позорной измены собственному делу или же тому, что обманным образом выдается за это дело, показывает, куда ведет путь, на который уже несколько лет назад вступил Гитлер. Много лет назад, в 1923 г., в первый раз раскрылись кассы немецкой промышленности для нац.-соц. партии. Эта нудина плата в 15 тысяч марок — вознаграждение за то, что нац.-соц. партия безоговорочно ставит себя в распоряжение трестовского капитала. Все, что было сказано в этой книге, подтверждается этим письмом: третья империя, для которой Гитлер мобилизует мелкую буржуазию, есть диктатура трестовского капитала.

В 1923 г. молодое движение было нужно для того, чтобы помешать победе социализма в Германии. В 1931 г. задачи, которые капитал ставит перед нац.-соц. партией, ясное, решительнее и прочнее: господин Гитлер нужен для того, чтобы взрастить такой рабочий класс, «полная идеологическая выдержанность» которого выразилась бы в штрейкбрехерстве, в сбивании ставок зарплаты и терроре на предприятиях. Конечным итогом этой воспитательной работы над пролетариатом должна явиться введенная законом трудовая повинность, существование которой в Италии преисполняет завистью сердца германских капиталистов.

Благочестивые люди

Для того чтобы завершить круг, в котором находятся нац.-соц. партия и силы правящего класса, нужно еще отметить исключительную симпатию, которой пользуются национал-социалисты среди церковников. Немецкая евангелическая церковь в своем открытом пристрастии к нац.-соц. партии сделала шаг вперед по сравнению с католической церковью. В евангелической прессе, в приходских листках, в религиозных трактатах ведется откровенная пропаганда в пользу нац.-соц. партии. Евангелических пасторов, открыто высказывающихся за национал-социализм, очень много, и это вовсе не такие сомнительные люди, как имеющий недобрую славу депутат рейхстага пастор Мюнхмеер, которого по дисциплинарному суду лишили сана за «преступления против нравственности».

Нац.-соц. партия стоит «на почве позитивного христианства». Это теологическое понятие есть политически не что иное, как покрывало, которое любовно набрасывается на увековечение классового принципа в человеческом обществе. Ввиду того что евангелическая церковь со дня своего возникновения была всегда орудием в руках правящего класса, здесь нет необходимости распространяться, в каких формах и размерах она в настоящее время протитуировала себя, прокладывая дорогу национал-социализму. Случайные, очень осторожные и очень туманные оговорки, встречающиеся в церковной прессе, практически совершенно лишены значе-

ния. Феодализм, капитализм свободной конкуренции и монополистический капитализм являются понятиями, о которых церковь официально якобы ничего не знает. Поэтому с тем большей определенностью и легкостью нац.-соц. партия признается и поощряется церковью не как политическое олицетворение трестированного капитала, а как партия «позитивного христианства».

Борьба между папой и фашизмом

Искушенные в диалектике национал-социалисты пытаются отрицать связь нац.-соц. партии с капиталом, указывая на неопровержимую вражду, с какой относится католическая церковь к фашизму. Споры папы с Муссолини, борьба фашистов с католическими организациями в Италии и наконец знаменитый эдикт о национал-социалистах, выпущенный германской конференцией епископов, как будто бы подтверждают действительно эти ссылки. Но необходимо, во-первых, установить, что германские епископы осудили национал-социализм только в той мере, в какой он выставляет «культурно-политические требования». Эта анафема немецких епископов логически необходима: вследствие своих притязаний на исключительное господство католическая церковь не может потерпеть, чтобы души верующих были приведены в смятение посягательством политической организации, которая также требует от своих членов и приверженцев моральных и физических жертв.

За этим теоретическим спором скрывается репшительный конфликт, который католической церкви в Европе придется преодолеть тем или иным путем. Наступление Ватикана, которое одновременно началось в различных странах мира, не может быть понято только лишь как естественная реакция на агрессивность пропаганды атеистов. То, что внезапно пробудившаяся активность святого престола направилась исключительно против Советского союза, зависит во все не от того, что там следует искать наиболее сильного сопротивления против католизации мира.

Век трестовского капитализма, начинающийся процесс фашизации в Европе благоприятствует также и в идеологически-религиозном отношении построению организации, чье всемогущество и исключительное положение отражает в себе стремление к фашистскому государству и фашистской экономической системе. Обожествление государства—один из существенных признаков фашизма—всегда будет вызывать сопротивление со стороны католической церкви, для которой обожествление понятия земной власти уже давно полностью осуществлено. Вся, частью детская и пустяковая воркотня, которую «Пополо» и «Оссерваторе Романо» стараются расширить до размера мировых конфликтов, может быть, понята только исходя из отчаянной конкуренции между фашизмом и католицизмом из-за наилучшего обслуживания монополистического капитала.

Церковь или капитализм?

Наступление на католическую церковь приносит фашизму в Италии безусловные симпатии со стороны тех кругов населения, которые на основе вековых инстинктивных воспоминаний отождествляют борьбу против церкви с борьбой против капитализма. В Гер-

мании оборонительное движение католической церкви против нац.-соц. партии до сих пор приносило национал-социализму безусловные выгоды. Дешевая, не представляющая риска и в последнем счете безразличная теоретическая вражда нац.-соц. партии к иезуитам не является органической, а лишь реакцией на конкуренцию со стороны церкви.

Насколько неглубоки внутри Германии противоречия между фашизмом и католицизмом, видно из того, как была принята нац.-соц. партией последняя энциклика папы.

В то время как спешивая надменность средневековой тупости, проявившаяся в антисоциальных теориях «святого отца», вызвала гнев, насмешки или возмущение даже в крупнобуржуазном лагере, — самая революционная из всех нац.-соц. газет дошла до того, что открыто выразила свое абсолютное согласие со взглядами Пия XI: д-р Иосиф Геббельс в длинной статье на страницах «Ангрифа» открыл, что «католические партийные товарищи» несомненно могут следовать требованиям папы, так как эти требования вполне совпадают с проводимой нац.-соц. партией культурной и социальной политикой.

Католики — руководители нац.-соц. партии

Здесь необходимо установить, во-первых, что, как это ни странно, почти все руководящие нац.-соц. лидеры — католики, и во-вторых, что ни один из этих католиков не был отлучен от церкви за свою принадлежность к партии. Как будто это противоречит постановлением епископской конференции? Ни в коем случае: нац.-соц. партия должна стараться постоянно поддерживать связь с теми слоями, которые в настоящее время находятся у власти в германской республике. Легальный фашизм правительства Брюнинга является при теперешнем положении нац.-соц. движения основным фактором, от которого зависит успех и падение нац.-соц. партии. До тех пор пока в Германии представительство интересов трестированного капитала и политическая организация католической церкви покрывают друг друга, нац.-соц. партия в своей колеблющейся, беспочвенной и бессодержательной незавершенности никогда не будет способна на что-нибудь большее, чем на пустой жест против католической церкви. С другой стороны, мастера ватиканской политики, так же как и предприниматели, ясно поняли и трезво оценили возможность использования национал-социализма: в этом невидимом союзе изменения будут возможны только тогда, когда национал-социализм окончательно выполнит задачу, поставленную ему трестированным капиталом и тем самым потеряет свое право на существование.

Опасное молчание

Невидимый национал-социализм, о котором шла речь в этой главе, есть политическая сила более мощная, чем официальный национал-социализм партийных лидеров. Трудно удержаться от желания сказать, что именно там, где официально перестают говорить о национал-социализме, начинается его значимость и опасность.

Принцип аристократического отбора в природе является философским обоснованием стремления к эксплуатации и увековечению классового принципа в человеческом обществе.

Наступление католической церкви против советской республики, союз Розенберга с Англией и Италией, чрезмерные похвалы по адресу венгерских и болгарских националистов, виляние хвостом перед лордом Ротермиром,—над всеми этими проявлениями национализма грозно и мощно возвышается проблема, которая определит ближайшее десятилетие всемирно исторического развития: вопрос об интервенционистской войне против Советского союза, вопрос, в какой форме империалистические государства Западной Европы и Америки должны будут считаться с существованием социалистической части земного шара. В этой связи нефтяной капитал и интернациональный фашизм являются понятиями, которые, как причина и следствие, связаны друг с другом. От военного клича сэра Генри Детердинга против «краденой нефти» до учения Альфреда Розенберга о восстании азиатского низшего человечества в большевизме всего только один маленький шаг. Меняются мотивы, но цель остается та же. Все взаимные связи национал-социализма представляют собою в сущности не что иное, как веревки и цепи, которыми бессильные, потрясенные страхом перед будущим и помешавшиеся на жажде власти люди хотят загородить дорогу новому будущему.

«И. Г. ГЕРМАНИЯ»¹

Перспективы

Существует приятный обычай заканчивать какой-либо исторический труд изложением перспектив будущих событий. Даже если быть твердо уверенным, что все события рассматривались с правильной точки зрения, представляется почти невозможным делать прогнозы. потому что каждое политическое событие представляет собой уравнение со многими неизвестными.

Как будет выглядеть дальнейшее развитие национал-социализма в Германии? В течение какого времени пропагандисты третьей империи сумеют придавать значимость и реальность своим туманным мечтам? Эти вопросы можно назвать праздными. Единственный прогноз, который можно сделать относительно будущности национал-социализма, это следующий: какой бы шум ни подымали газеты вокруг нац.-соц. партии, утверждая, что от движения бровей мюнхенского диктатора зависит счастье или несчастье поколений, внутренняя ценность и историческое значение национал-социалистической германской рабочей партии всегда будут обратно пропорциональны той оценке, которую она встречает у публики.

В ходе изложения мы не раз должны были указывать на то, что революционизирование мелкой буржуазии неизбежно приводит ее к представительству интересов господствующего класса. Мы еще раз повторяем, что собственные силы нац.-соц. движения обладают

---

¹ «И. Г. Германия»—по аналогии с «И. Г. Фарбениндустри»—самым мощным химическим концерном Германии.

лишь очень ограниченной жизнеспособностью и что эта партия приобретает вес только благодаря движущим силам, находящимся вне ее организации и партийной программы.

От демократии к диктатуре

Постепенное псевдолегальное переключение демократического режима в диктатуру, процесс фашизации Германии и изо дня в день растущая мощь трестированного капитала служили почвой, на которой нац.-соц. агитация могла пустить корни. И в этом переходном процессе нац.-соц. партия должна играть роль, продиктованную ей ее покровителями и защитниками. К концу 1931 г. тайный советник Гугенберг и советник юстиции Класе пользовались внутри нац.-соц. партии большим влиянием, чем партийные диктаторы. Если эти тенденции к фашизму не будут своевременно парализованы политическим противодействием, то трестовский капитал будет решать, по каким путям направится в ближайшие годы развитие национал-социализма в Германии. Но имеются ли в политической структуре диктаторской республики Германии силы, от которых будет исходить энергичные импульсы для приостановки роста и преодоления фашизма? Анализ антифашистского фронта затрудняется тем, что по внешности буржуазные партии центра и левые партии борются против нац.-соц. партии. Но это не должно вводить нас в заблуждение: борьба эта направлена только лишь против его крайнего антисемитского и шовинистского характера; тесные связи национал-социализма с трестовским капиталом не признаются, а признать идентичность фашизма с монополистическим капиталом — на это никто не отважится.

Существует ли еще немецкая республика

Мы смешали бы причину со следствием, если бы надеялись преодолеть национал-социализм, не затронув современной социальной структуры Германской республики. Возможность для успешной защиты от фашизма представляет только народное движение, исходящее из понимания экономических основ национал-социализма. Это встречное политическое движение конечно не должно и не может остановиться перед симптомами болезни, но должно проникнуть до ее очага...

Лето 1931 г.

Не проходит и недели без того, чтобы новый чрезвычайный декрет не изымал одного краеугольного камня за другим из здания Веймарской конституции. Рейхстаг осужден на политическое бессилие. Республиканские партии оцепенели в панической беспомощности.

Не появляется ни одного декрета, который не допускал бы радикальнейшего вмешательства государства в экономическую жизнь немецкого народа. Тяжелое бремя возлагается на широкие массы, у которых чрезвычайные декреты отняли право протестовать против растущих ежедневно тягот и указывать на внутренние причины неслыханного обнищания.

Кто же это «государство», чье беспощадное всемогущество начинает припимать гигантские размеры? Верят ли еще, что оно «осуществляет моральную идею?» Кто же собственно правит в Германии?

Очень трудно, почти невозможно дать на этот вопрос ответ, оставаясь в рамках законов немецкой демократической республики.

Кто же собственно правит в Германии?

25 июля 1931 г. демократическая «Берлинер Тагеблатт», одна из немногих немецких газет, имеющих мировое значение, поместила передовую статью, основные положения которой мы здесь приведем:

«Кто правит в настоящее время в Германии? Безусловно не партии. Крупные экономические и военные союзы играют меньшую роль, чем когда-либо раньше. Господство кабинета Брюнинга в Германии и соответствующий ему состав государственных органов Пруссии, возглавляемых Брауном, как будто неограниченно. Однако некоторые симптомы указывают, что безыменные силы, силы крупного капитала, крупной промышленности усиливают все более свое влияние на кабинет Брюнинга... Кто в настоящее время правит в Германии? Когда в начале июня был издан чрезвычайный декрет, предоставивший исключительные налоговые льготы промышленному капиталу по сравнению с остальными видами капиталов и доходов, один из действительно посвященных писал в газетной статье.

Крупная промышленность и чрезвычайный декрет

«Кто заглянет за кулисы, тот увидит, какое исключительное влияние оказала крупная промышленность на формулировку текста закона». И это происходило при кабинете, который постоянно высказывался в пользу мелких и средних предпринимателей, в пользу самостоятельных сил в экономике и против власти трестов и концернов. Этот декрет принес химической промышленности, т. е. акционерному обществу «И. Г. Фарбениндустри», осуществление двух ее особых желаний, а именно: повышение пошлины на бензин, которая была задумана в качестве фискальной пошлины, но так как с местных продуктов не взимается никакого акциза, то она действует как покровительственная пошлина, и введение пошлин на азотистые вещества. Одна только пошлина на бензин принесет «И. Г. Фарбениндустри» девять миллионов добавочной прибыли. И остальные группы крупной промышленности были одарены чрезвычайным декретом, который наложил на все остальное население тяжелое бремя такие подарки предусматривает программа предоставления работы безработным и в снижении социальных тягот в горной промышленности. Несколько позднее фирме Борзиг была уплачена крупная сумма не из государственных средств, не в качестве субсидии, как было сказано, а как аванс за будущие поставки государственным учреждениям. Снижение зарплаты, жалованья, затрат на социальное обеспечение, радикальные сокращения расходов на общественные нужды, частичное отчуждение частного и банковского капиталов в пользу промышленного капитала, — скорее же для поднятия производительности предприятий, — так выглядит в кратких чертах программа этой наиболее решительной и радикальной части промышленности. Представителей этого мнения следует искать среди капиталов старой тяжелой промышленности и пожалуй еще больше в молодой, технически усовершенствованной, финансово-независи-

той крупной промышленности и в молодом поколении, находящемся повсюду на предприятиях... В общем разнузданные национальные инстинкты являются по существу наилучшей защитой против «марксизма», который единственно мог бы помешать этому развитию власти на предприятиях. Со «Стальным шлемом» и национал-социалистами можно прекрасно ужиться: христианские социалисты, надеясь, не помешают, а с коммунистами предполагают покончить... Не надо предсказывать. Напротив, следует попытаться ясно понять действительность. А действительность—это выступающий дух Лойны, дух производства, тот, который работает над тем, чтобы создать из нашей родины «И. Г. Германию».

«И. Г. Германия»

Нужны ли иные свидетельства помимо этого потрясающего изображения, данного в республиканской газете? Можно ли перед лицом таких фактов еще спрашивать, куда ведет путь национал-социалистической германской рабочей партии, по которому бредут за великим фигляром Гитлером шесть миллионов потерявших надежду, отчаявшихся, гонимых апокалиптическим страхом немецких граждан?

К «И. Г. Германии».

К неограниченной диктатуре трестированного капитала.

К кровавым ужасам немецкого фашизма...

Можно ли остановить этот ход развития?

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Стр.

ПРЕДИСЛОВИЕ

III

От социал-демократии и национал-социализму

XXIII

ПОИСКИ СПАСЕНИЯ В НАСТУПЛЕНИИ. БАВАРИЯ—ОПЛОТ ПОРЯДКА I

ПОРТРЕТ МЕЛКОГО БУРЖУА

Он дает о себе справку.....	21
Чисто немецкая революция.....	36
От революции и легальности.....	53
На вершине власти.....	75
Разложение.....	85

ПРОГРАММА

Свержение процентного рабства.....	102
Рационализация чувств.....	114

НЕВИДИМЫЙ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ

Взаимные связи.....	123
«И. Г. Германия».....	132

Цена 1 р. 50 к.

**Склад издания: магазины и отделения КОГМЗА.
Почтовые заказы направлять без задатка «Книга — почтой»,
Москва, Покровка, 28 или Ленинград, Пр. 25 Октября, 28.**